

7370

8568
М. Ј. Сагарадзе.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ
ПСИХОЛОГИИ

ИЗДАНИЕ 2-е,

вновь переработанное и значительно измененное

Цѣна 80 коп.

Г. Кутаись.

Электропечатня И. Биладзе и Г. Хеладзе.

М. Ј. Сагарадзе.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ
ПСИХОЛОГИИ

ИЗДАНИЕ 2-е,

вновь передѣланное и значительно измѣненное

7370

X

1р80

Цѣна ~~2р~~ коп.

* = 4 НОЯ 1941

Г. Кутаисъ.

Электротечатни И. Киладзе и Г. Хеладзе.

1908 г.

НБ ПНУС

7370

Печатать разрешено Управляющимъ Кавказскимъ
Учебнымъ Округомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій учебникъ психологіи въ своемъ первоначальномъ видѣ былъ изданъ мною въ первой половинѣ 1906 года, т. е. въ первый годъ преподаванія философской пропедевтики въ мужскихъ гимназіяхъ, когда вслѣдствіе новизны дѣла, неподготовленности преподавателей и отсутствія подходящихъ учебниковъ и руководствъ не было возможности ориентироваться и точно установить, какъ объемъ курса, такъ и правильное веденіе преподаванія предмета. Поэтому въ началѣ же возникло между преподавателями разногласіе, проистекавшее отъ неодинаковаго пониманія ими предмета и содержанія философской пропедевтики. Одни разумѣли подъ философской пропедевтикой краткій очеркъ развитія философскихъ системъ и направленій, начиная съ первыхъ проблесковъ философской мысли вплоть до настоящаго времени. Другіе же считали необходимымъ, прежде чѣмъ приступить къ непосредственному изученію психическихъ явленій, сообщать учащимся свѣдѣнія объ общихъ философскихъ вопросахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ вопросами психологическими.

Послѣдняя точка зрѣнія была принята и мною при составленіи своего учебника, и на этомъ осно-

ваніи я снабдилъ свой учебникъ введеніемъ, заключающимъ въ себѣ краткій обзоръ философскихъ вопросовъ въ связи съ вопросами психологическими. Однако, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, разными мнѣніями, высказанными специалистами и знатоками предмета въ періодическихъ органахъ печати, дали возможность установить болѣе опредѣленную точку зрѣнія на счетъ пониманія необходимыхъ требованій при прохожденіи курса философской пропедевтики. Во всѣхъ журналахъ, при оцѣнкѣ вышедшихъ въ послѣднее время учебниковъ философской пропедевтики, точно и ясно опредѣляются предметъ и содержаніе этой науки; всѣми одинаково признается, что подъ философской пропедевтикой надо разумѣть именно психологію и логику и что совершенно надо оставить безъ вниманія предварительную разработку и выясненіе учащимся общихъ философскихъ вопросовъ.

Въ рецензіи, помѣщенной въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на счетъ моего учебника, прямо было указано, что учебникъ мой не лишенъ достоинствъ въ психологической части и что только введеніе, содержащее общія свѣдѣнія по философіи, должно быть признано неудачнымъ.

Съ другой стороны, въ статьѣ, помѣщенной въ № 5 „Вѣстника воспитанія“ за 1907 годъ и посвященной оцѣнкѣ разныхъ учебниковъ философской пропедевтики, это же самое философское введеніе моего учебника было также признано неудачнымъ. Кроме того, въ той же статьѣ „Вѣстника воспитанія“ признаны недостаточными свѣдѣнія по физиологіи, помѣщенные въ первомъ изданіи моего учебника.

Считая вышеуказанныя замѣчанія достойными.

полнаго вниманія и убѣдившись изъ своей трехлѣтней практики преподаванія философской пропедевтики въ недостаточности тѣхъ свѣдѣній по физиологiи, которыя были даны мною въ первомъ изданiи моего учебника, я рѣшилъ, вопервыхъ, свѣсѣмъ опустить введеніе, заключающее краткій обзоръ философскихъ ученій,—часть, непосредственно не входящую въ курсъ философской пропедевтики,—а вовторыхъ, совершенно передѣлать первую часть психологiи, введя въ нее тотъ минимумъ свѣдѣній по физиологiи, который долженъ быть признанъ необходимымъ для выясненія разныхъ психическихъ проявленій.

Что же касается другихъ частей моего учебника, то я не нашелъ нужнымъ подвергнуть ихъ переработкѣ и измѣненію въ виду того, что ни въ одной критической замѣткѣ, посвященной оцѣнкѣ моего учебника, я не встрѣтилъ никакихъ существенныхъ замѣчаній или указаній на счетъ этихъ частей. Правда, въ замѣткѣ, посвященной моему учебнику въ № 2 „Педагогическаго Сборника“ за 1908 годъ, заключается указаніе на недостаточную разработку въ моемъ учебникѣ отдѣла классификаціи чувствованій, но, съ одной стороны, въ виду трудности, съ которой, по признанію всѣхъ авторовъ психологическихъ сочиненій, сопряжено выясненіе вопроса о классификаціи чувствованій, а съ другой, въ виду ироническаго тона, которымъ проникнута упомянутая замѣтка „Педагогическаго Сборника“, авторъ которой П. Каптеревъ счелъ даже нужнымъ для умаленія достоинства моего учебника упомянуть и о моемъ кавказскомъ происхожденіи,—я считалъ себя

въ правѣ признать эти замѣчанія мало серіозными и потому не заслуживающими должнаго вниманія.

Помимо характера и смысла критическихъ замѣчаній, высказанныхъ въ разныхъ органахъ печати по поводу моего учебника, я самъ считаю себя обязаннымъ признать, что въ моемъ учебникѣ не всѣ психическія явленія выяснены съ достаточной научной обосновкой и нужными экспериментальными данными. Я сознаю, что это составляетъ очень важный недостатокъ моего учебника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, трехлѣтняя практика преподаванія философской пропедевтики вполне убѣдила меня, что въ нашихъ гимназіяхъ, при современномъ уровнѣ развитія учащихся, преподаваніе этого предмета по такимъ учебникамъ, какъ учебники Челпанова и Городенскаго, оказывается невозможнымъ. Учебникъ Челпанова безусловно прекрасенъ, но онъ болѣе важенъ для студентовъ и, даже, преподавателей, чѣмъ для учениковъ средней школы, для которыхъ нуженъ учебникъ, заключающій въ себѣ точныя элементарныя свѣдѣнія, изложенныя притомъ въ легкой и вполне доступной для нихъ формѣ. Я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы въ какой либо гимназіи въ одномъ лишь 7-мъ классѣ, при 2 хъ недѣльныхъ урокахъ, было возможно съ успѣхомъ пройти курсъ психологіи по учебникамъ Челпанова или Городенскаго. Если преподаватель будетъ пропускать цѣлые отдѣлы этихъ учебниковъ, то тогда порвется связь между отдѣльными частями психологіи, каковое обстоятельство принесетъ громадный ущербъ успѣшности прохожденія предмета, что, конечно, совершенно нежелательно. Если же препода-

ватель прибѣгнетъ къ построчному обозначенію пропусковъ по этимъ учебникамъ, то это обстоятельство создастъ такое положеніе, которое, не представляя само по себѣ ничего хорошаго, лишитъ преподавателя возможности воспользоваться и безъ того ограниченнымъ количествомъ времени для должнаго выясненія психическихъ явленій.

Въ виду такихъ соображеній я думаю, что учебникъ мой, даже и при указанныхъ выше недостаткахъ (отсутствіи полноты научныхъ свѣдѣній и недостаточности экспериментальныхъ данныхъ), можетъ оказать учащимся нѣкоторую услугу, давая имъ краткія первоначальныя свѣдѣнія по психологіи, изложенныя, по возможности, въ доступной и понятной для нихъ формѣ.

При этомъ я долженъ указать, что вообще самъ по себѣ ни одинъ учебникъ психологіи не можетъ дать учащимся всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній по предмету безъ разъясненій и дополненій со стороны преподавателя, который, желая, по возможности, облегчить учащимся должное усвоеніе сложнаго и труднаго психологическаго матеріала, обязанъ постоянно прибѣгать къ иллюстрированію отвлеченныхъ объясненій, какъ путемъ всякаго рода школьныхъ пособій, такъ равно и примѣрами, непосредственно взятыми изъ жизни, и данными, заимствованными изъ области исторіи и литературы. Въ послѣднемъ случаѣ преподавателю слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на выработку въ учащихся способности самонаблюденія и умѣнья уяснять себѣ собственныя психическія состоянія, измѣняющіяся всегда въ свя-

зи съ внѣшними, физическими и физиологическими условіями.

Давая, такимъ образомъ, учащимся полную возможность пониманія сложныхъ психическихъ процессовъ, преподаватель долженъ помочь учащимся постепенно расширять элементарныя познанія по психологіи, рекомендуя имъ общедоступныя пособія и сочиненія, число которыхъ въ наше время довольно значительно. Приобрѣтая краткія свѣдѣнія по учебнику и усваивая соотвѣтствующія проходимому курсу объясненія преподавателя, а также дополняя свои знанія постепеннымъ знакомствомъ съ рекомендованными преподавателемъ пособіями, учащіеся будутъ въ состояніи разобраться во всѣхъ своихъ разнообразныхъ психическихъ проявленіяхъ и постоянно прибрѣгать къ тому психологическому анализу, который составляетъ одну изъ главныхъ задачъ преподаванія психологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Къ отмѣченнымъ мною выше недостаткамъ настоящаго учебника должно быть отнесено и отсутствіе рисунковъ и иллюстрацій, крайне необходимыхъ въ особенности при изученіи физиологической части. Но при всемъ моемъ сильномъ желаніи и ясномъ сознаніи необходимости такихъ рисунковъ, я не имѣлъ возможности восполнить этотъ недостатокъ вслѣдствіе техническихъ неудобствъ, съ которыми всегда сопряжено печатаніе такого учебника въ провинціальномъ городѣ.

М. Сагарадзе

С П И С О К Ъ

пособій и сочиненій по психологiи, которыя могутъ быть рекомендованы учащимся для болѣе или менѣе спеціального ознакомленія съ вопросами психологическими.

I. Книги, которыя могутъ служить пособиями по общему курсу психологiи:

1. *Челпановъ*—учебникъ психологiи.
2. *Городенскій*—учебникъ всеобщей психологiи.
3. *Волпере*—элементарный курсъ психологiи.
4. *Адаловъ*—учебникъ психологiи.
5. *Проданъ*—практическое руководство по психологiи
6. *Лэддъ*—очерки элементарной психологiи.
7. *Згурскій*—элементарныя свѣдѣнiя о физической и психической жизни человѣка.
8. *Джемсъ*—психологiя въ бесѣдахъ съ учителями.
9. *Балдвинъ*—психологiя въ примѣненiи къ воспитанiю.
10. *Нечаевъ*—учебникъ психологiи.
11. *Воскресенскій*—учебникъ психологiи.
12. *Фонсегривъ*—элементы психологiи.
13. *Селли*—основы общедоступной психологiи.
14. *Цигенъ*—физиологическая психологiя.
15. *Снегиревъ*—психологiя.
16. *Сикорскій*—всеобщая психологiя.
17. *Вэнъ*—психологiя.
18. *Джемсъ*—психологiя.
19. *Геддингъ*—очерки психологiи, основанной на опытѣ
20. *Спенсеръ*—психологiя.
21. *Титченеръ*—очерки психологiи.

II. Сочиненія по разнымъ отдѣламъ психологій.

1. *Бинэ*—введеніе въ экспериментальную психологию.
2. *Челпановъ*—мозгъ и душа.
3. *Челпановъ*—проблема воспріятія пространства.
4. *Челпановъ*—о памяти и мнемоникѣ.
5. *Ланге*—психологическія изслѣдованія.
6. *Вундтъ*—основанія фізіологической психологій.
7. *Вундтъ*—лекціи о душѣ человѣка и животныхъ.
8. *Бехтеревъ*—сознаніе и его границы.
9. *Тэнъ*—объ умѣ и познаніи.
10. *Рибо*—память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ.
11. *Карпентеръ*—основанія фізіологій ума.
12. *Рибо*—психологія вниманія.
13. *Рибо*—творческое воображеніе.
14. *Тиндаль*—рѣчь о значеніи воображенія.
15. *Перэ*—первые три года жизни ребенка.
16. *Тейлоръ*—первобытная культура.
17. *Леббокъ*—начала цивилизаціи.
18. *Романсъ*—духовная эволюція человѣка.
19. *Потебня*—языкъ и мысль.
20. *Згурскій*—психофізіологическая теорія чувствованій.
21. *Рибо*—психологія чувствованій.
22. *Тома*—воспитаніе чувствъ.
23. *Гротъ*—психологія чувствованій.
24. *Ланге*—душевные движенія.
25. *Смирновъ*—фізіологическія и психологическія основанія.
26. *Рибо*—воля.
27. *Гюйо*—задачи современной эстетики.

28. *Пейо*—воспитаніе воли.
 29. *Летурно*—фізіологія страстей.
 30. *Фулье*—свобода воли и детерминизмъ.
 31. *Челпановъ*—введеніе въ философію.
 32. *Кюльпе*—введеніе въ философію.
 33. *Паульсонъ*—введеніе въ философію.
 34. *Рибо*—болѣзни личности.
 35. *Бинэ*—измѣненія личности.
 36. *Рибо*—наслѣдственность душевныхъ свойствъ.
 37. *Кейра*—характеръ и нравственное воспитаніе.
 38. *Гальтонъ*—наслѣдственность таланта.
 39. *Гротъ*—сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа.
 40. *Маудсли*—о снѣ и сновидѣніяхъ.
 41. *Вундтъ*—гипнотизмъ и внушеніе.
 42. *Бехтеревъ*—внушеніе и его роль въ общественной жизни.
 43. *Ушинскій*—человѣкъ, какъ предметъ воспитанія.
 44. *Селли*—основныя начала психологіи.
 45. *Прейеръ*—душа ребенка.
 46. *Введенскій*—философскіе очерки.
 47. *Моссо*—усталость.
 48. *Моссо*—страхъ.
 49. *Симонъ*—міръ грезъ.
 50. *Дарвинъ*—о выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.
 51. *Лебонъ*—психологія народовъ и массъ.
 52. *Тома*—внушеніе и его роль въ воспитаніи.
-

ГЛАВА I.

Объемъ и методы психологіи.

Предметъ психологіи. Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. Задачи психологіи. Самонаблюденіе и его трудности. Наблюденіе надъ душевной жизнью другихъ и его слабыя стороны. Источники психологіи. Экспериментъ въ психологіи.

Предметъ психологіи. Слово „психологія, состоящее изъ двухъ греческихъ словъ—*psyche* и *logos*—обозначаетъ науку или ученіе о душѣ. Но такое словесное опредѣленіе психологіи не даетъ яснаго представленія объ ея предметѣ и задачахъ. Душа, какъ главный предметъ психологіи, понималась и понимается различно. И отъ того или иного пониманія души зависятъ содержаніе и характеръ психологіи, какъ науки.

Въ ученіяхъ прежнихъ философовъ подъ душою разумѣлось что-то живое, одушевленное, какая-то особая субстанція, совершенно отличная отъ всего неодушевленного и тѣлеснаго. При такомъ пониманіи души, психологія являлась наукою, стремящеюся уяснить различныя свойства души, какъ особой сущности, вполне отличающейся отъ всего вещественнаго, матеріальнаго. Подобное объясненіе души, какъ самостоятельнаго и чисто *духовнаго* начала, обыкновенно называется *спиритуалистическимъ* (отъ слова „*spiritus*“—духъ).

Но и въ прежнее время не всѣ философы понимали психологію въ указанномъ выше смыслѣ. Были такіе мыслители, которые совершенно не допускали существованія чего-либо духовнаго, какой-либо духовной субстанціи, а признавали только въ видѣ основныхъ началъ существованіе матеріальныхъ частицъ и ихъ движеніе. Съ этой точки зрѣнія и душа понималась, не какъ что-либо особое, отдѣльное отъ матеріи, а только какъ *проявленіе*, свойство или функція этой самой матеріи, какъ простая форма дѣятельности физическаго организма. Вслѣдствіе такого пониманія души и душевныхъ явленій, возникло особое ученіе, извѣстное подъ именемъ *материалистическаго*.

Такимъ образомъ, оба указанныя выше ученія, какъ спиритуалистическое, такъ и материалистическое, изучаютъ и изслѣдуютъ душу съ такой стороны, съ такой точки зрѣнія, съ которой ея изученіе и выясненіе въ научномъ смыслѣ приводятъ къ наименѣе удовлетворительнымъ результатамъ. А это происходитъ, главнымъ образомъ, въ виду трудности самаго вопроса и недоступности его непосредственному опытному наблюденію.

Поэтому за послѣднее время психологи совершенно отказались отъ рѣшенія вопросовъ о сущности и свойствахъ души, какъ особой субстанціи и, предоставивъ сужденіе объ этихъ вопросахъ *метафизикѣ* *), довольствуются только изслѣдованіемъ фактовъ психи-

*) Метафизикой называется такое изученіе, которое путемъ чистаго разума старается постичь все то, что выходитъ изъ области непосредственнаго опыта, что не поддается чувственному воспріятію.

ческой жизни или просто *душевныхъ явленій*, подъ которыми мы разумѣемъ наши мысли, чувства, желанія, стремленія, склонности и произвольныя дѣйствія. При чемъ психологи занимаются изученіемъ этихъ явленій въ такой степени и настолько, насколько эти явленія составляютъ продуктъ непосредственнаго опыта и наблюденій.

Въ силу такого важнаго значенія опыта, составляющаго главную основу всякаго рода психологическихъ изслѣдованій, и психологія въ наше время называется *эмпирической* (отъ греческаго слова „эмпейрія“ — опытъ), въ отличіе отъ психологіи *раціональной* (отъ „ratio“ — разумъ), господствовавшей въ прежнее время и занимавшейся изученіемъ души, какъ начала отдѣльнаго, имѣющаго свои собственные законы развитія и познаваемаго только путемъ разума безъ посредства опытныхъ наблюденій.

Отличіе душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ
Эти душевныя явленія или, какъ ихъ иначе называютъ, *состоянія сознанія*, при ихъ эмпирическомъ изученіи, представляютъ нѣкоторыя особенности, затрудняющія ихъ выясненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно отличающія ихъ отъ внѣшнихъ или физическихъ явленій. Эти особенности заключаются въ слѣдующемъ.

Вопервыхъ, душевныя явленія или психическія состоянія отличаются отъ явленій физическихъ тѣмъ, что тѣ и другія явленія познаются неодинаково.

Всѣ физическія явленія, составляя движенія и измѣненія матеріи въ видѣ сокращенія мускуловъ, пищеваренія, дыханія и другихъ физиологическихъ измѣненій, познаются нами черезъ внѣшній опытъ, именно черезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ: напр.,

цвѣтъ и свѣтъ я воспринимаю при помощи глаза, звуки черезъ посредство слуха, твердость и мягкость предметовъ черезъ осязаніе и т. п. Между тѣмъ какъ душевныя явленія, хотя и служатъ слѣдствіемъ различныхъ движеній и измѣненій мозгового вещества *), но сами настолько противоположны этимъ движеніямъ, что свершенно ускользаютъ отъ всякаго чувственнаго воспріятія, имѣютъ чисто субъективный характеръ и только доступны нашему непосредственному пониманію черезъ внутренній опытъ и наблюденіе; ихъ нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать.

Второе отличіе психическихъ явленій отъ физическихъ заключается въ томъ, что психическія явленія непротяженны и неизмѣримы; они не имѣютъ ни длины, ни ширины, ни толщины, ихъ нельзя ни измѣрить, ни взвѣсить, они не заключаютъ въ себѣ никакихъ свойствъ протяженности и пространственности, какія мы всегда наблюдаемъ во всѣхъ физическихъ явленіяхъ. Одно какое-либо чувство не лежитъ въ пространствѣ отдѣльно отъ другого чувства; всѣ душевныя явленія происходятъ только во времени: они происходятъ или одновременно или одно вслѣдъ за другимъ.

Наконецъ, явленія психическія не имѣютъ постоянного сосуществованія съ тѣлесными и внѣшними явленіями,—не всегда находятся въ непосредственной зависимости отъ послѣднихъ. Хотя никто никогда не встрѣчалъ мыслящаго существа, которое въ то же самое время не было бы существомъ живымъ, но всетаки бываютъ такіе случаи, какъ напр., во время сна или

*) Смотри ниже въ главѣ о функціяхъ нервной системы.

въ состояніи безумія, когда всѣ фізіологическія отправления идутъ правильно, а душевныя явленія почти совершенно прерываются. Человѣкъ не всегда видитъ сны, часто спитъ безъ сновидѣній, и въ этомъ случаѣ мысли, воля—все исчезаетъ на время; сознание угасаетъ, въ то время какъ физическія и фізіологическія функціи продолжаютъ дѣйствовать.

Задачи психологіи. Не смотря на такое отличие, существующее между физическими и психическими явленіями и трудность изученія послѣднихъ, проистекающую отъ указанныхъ выше ихъ отличительныхъ свойствъ, душевныя явленія, всетаки, должны быть изслѣдуемы путемъ опытнымъ, съ указаніемъ ихъ существенныхъ признаковъ и отличій другъ отъ друга. Приэтомъ должны быть опредѣлены и выяснены, какъ условія, ихъ вызывающія, такъ равно и порядокъ ихъ расположенія и зависимость болѣе сложныхъ и позднихъ душевныхъ явленій отъ болѣе простыхъ и раннихъ. Такимъ образомъ,—задача психологіи состоитъ въ изслѣдованіи и объясненіи измѣненій и роста психической жизни въ зависимости отъ окружающихъ человѣка внѣшнихъ физическихъ условій и внутреннихъ фізіологическихъ отравленій. Кроме того, задача психологіи заключается въ приведеніи въ порядокъ тѣхъ явленій и фактовъ, которыми она занимается, и въ установленіи на основаніи ихъ общихъ законовъ, которые могли бы быть примѣнены къ безчисленному разнообразію проявленій психической жизни.

Самонаблюденіе и его трудности. Для того, чтобы описать какія либо явленія такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности, а равно и для того, чтобы объяснить ихъ въ надлежащей степени, необхо-

димо точное наблюдение этихъ явленій. Что же касается душевныхъ явленій, то ихъ точное наблюдение и надлежащее объяснение представляютъ большія затрудненія. Никто не въ состояннн въ точности наблюдать и изучать мои душевныя явленія, кромѣ меня самого, такъ какъ они составляютъ продуктъ моего собственнаго сознанія. Поэтому самымъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ объясненія и познанія явленій душевныхъ служить всегда самонаблюдение или внутреннй опытъ (интроспекція).

Самонаблюдениемъ мы называемъ такой актъ, который даетъ намъ возможность усматривать и опредѣлять то, что происходитъ внутри насъ: наши мысли, воспоминанія, душевныя побужденія и др.; иными словами, оно есть непосредственное сознаніе нами собственныхъ психическихъ состояннй. Нѣкоторые психологи считаютъ самонаблюдение единственнымъ возможнымъ средствомъ для прямого наблюденія тѣхъ явленій, съ которыми имѣетъ дѣло психологія. „Оно такъ опредѣленно характеризуетъ психологію, что всякое изслѣдованіе, производимое при помощи самонаблюденія, вполне заслуживаетъ быть названнымъ психологическимъ, а всякое изслѣдованіе, пользующееся другимъ методомъ, указываетъ на другую науку.“

Важность и необходимость самонаблюденія вытекаетъ изъ субъективности душевныхъ явленій, т. е. изъ того положенія, что никто не въ состояннн сознать чьи бы ни было мысли, чувства и намѣренія, кромѣ самого субъекта, испытывающаго эти душевныя состояння.

Но при всемъ своемъ важномъ значеннн, самонаблюдение представляетъ нѣкоторыя условія, затрудняю-

щія точное и правильное объясненіе психологическихъ процессовъ. Прежде всего въ этомъ отношеніи надо указать на то обстоятельство, что въ процессѣ самонаблюденія мы являемся и субъектомъ или лицомъ, изучающимъ явленія, и объектомъ или предметомъ самого изученія. А при такомъ условіи является весьма затруднительнымъ изслѣдованіе собственнаго состоянія. Во 1-хъ, вслѣдствіе того, что психическія явленія весьма часто непродолжительны, а съ момента обращенія на нихъ вниманія они значительно измѣняются, ослабѣвая или болѣе усиливаясь. Человѣкъ разгнѣванный не имѣетъ возможности наблюдать свое душевное состояніе; если же онъ начинаетъ напрягать вниманіе для изученія своего состоянія, то гнѣвъ его отъ этого значительно ослабѣваетъ, и результатъ самонаблюденія, произведеннаго имъ при измѣнившемся состояніи, не будетъ выражать его первоначальнаго психическаго состоянія.

Во 2-хъ, „объясненіе явленій сознанія является дѣломъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ простое ихъ наблюденіе. Въ самомъ дѣлѣ, большинство людей такъ мало обращаютъ вниманія на свою собственную душевную жизнь, что едва ли сумѣютъ ясно описать даже самые несомнѣнные ея факты. Тотъ особый видъ наблюденія, котораго требуетъ наука психологіи, какъ и всякій иной видъ наблюденія, является въ тоже время такимъ способомъ, который допускаетъ совершенствованіе и по отношенію къ которому различные люди обнаруживаютъ различныя природныя способности. Всѣмъ намъ извѣстны случаи, когда одни люди значительно лучше понимаютъ свои собственные мысли, воспоминанія и желанія, чѣмъ другіе. Это различіе нельзя, конечно, вполнѣ

объяснить недостаточнымъ умѣніемъ пользоваться соответствующими терминами; его надо отчасти приписать также и недостатку практики въ дѣлѣ самонаблюденія. Кромѣ того, практика и привычка и здѣсь влекутъ за собою совершенствованіе, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Мы всѣ можемъ преуспѣвать въ самопознаніи, какъ и въ каждой иной формѣ знанія. Такимъ образомъ происходитъ, что нѣкоторые индивиды пріобрѣтаютъ особенную ловкость и навыкъ въ дѣлѣ наблюденія, описанія и распознаванія разныхъ сложныхъ явленій изъ собственныхъ сознательныхъ состояній“ *).

Такимъ образомъ, самонаблюденіе является дѣломъ весьма труднымъ и сложнымъ, требующимъ упражненія и большихъ усилій.

Наблюденіе надъ душевной жизнью другихъ и его слабыя стороны. При изслѣдованіи психическихъ процессовъ, мы не довольствуемся однимъ самонаблюденіемъ, но постоянно прибѣгаемъ и къ другому рода средствамъ, дающимъ возможность легче уяснить себѣ всякое психическое состояніе. Прежде всего мы обращаемся къ наблюденію надъ душевной жизнью другихъ людей, желая, такимъ образомъ, провѣрить результаты самонаблюденія. Но наблюденіе надъ чужими душевными состояніями представляетъ гораздо больше затрудненій, чѣмъ надъ своими собственными, такъ какъ мы можемъ догадываться и познавать явленія сознанія другихъ людей и судить о характерѣ теченія ихъ душевной жизни только по внѣшнимъ признакамъ и выраженіямъ: по тѣлодвиженіямъ, выраженію лица, по тѣмъ или инымъ рѣчамъ и поступкамъ и т. п.

*) Леддъ—Очеркъ элементарной психологіи стр. 7.

Такимъ образомъ, наблюдая непосредственно путемъ органовъ чувствъ только физическія выраженія чужихъ душевныхъ состояній, мы склонны объяснять содержаніе и смыслъ этихъ состояній, исходя изъ сферы собственнаго внутренняго опыта, и часто приписываемъ другимъ людямъ свои способы мышленія и чувствованія, иными словами, на основаніи данныхъ самонаблюденія невѣрно истолковываемъ внѣшніе признаки и проявленія у другихъ людей и выводимъ ошибочное заключеніе на счетъ ихъ душевнаго состоянія. Напримѣръ, по выраженію лица и по другимъ какимъ либо внѣшнимъ признакамъ мы можемъ догадываться или знать, что другой сильно страдаетъ отъ боли или радуется въ ожиданіи полученія пріятнаго извѣстія, но непосредственно сознавать эти душевныя состоянія можетъ только тотъ, кто ихъ испытываетъ.

Несмотря на такія затруднительныя условія, лишаящія возможности свободно изучать чужую душевную дѣятельность, психологи, однако, прилагаютъ большія усилія къ устраненію указанныхъ препятствій при объясненіи чужихъ психическихъ процессовъ, и, дѣйствительно, постоянныя и усиленныя наблюденія и упражненія въ этомъ отношеніи дали изслѣдователямъ богатый запасъ психологическихъ свѣдѣній.

Источники психологіи. При наблюденіяхъ надъ душевной жизнью другихъ людей, психологія не ограничивается только изученіемъ душевныхъ явленій взрослого человѣка, но занимается также явленіями дѣтской и юношеской жизни, жизни дикарей и, даже, низшихъ животныхъ. Психологи наблюдаютъ также поступки идиотовъ и сумасшедшихъ, преступниковъ и лицъ въ состояніи естественнаго или гипнотическаго сна, совер-

шенно также, какъ фیزیологъ изучаетъ дѣйствія органовъ челоѳческаго тѣла, наблюдая ихъ въ то время, когда дѣйствія ихъ совершаются необычнымъ и нездоровымъ путемъ. Кромѣ того, богатымъ источникомъ для всѣхъ, изучающихъ психологію, могутъ служить литература и исторія, какъ выраженія челоѳческихъ мыслей и чувствъ, картины жизни, изображенныя великими художниками въ безсмертныхъ твореніяхъ - драматическихъ и беллетристическихъ, а также біографіи нѣкоторыхъ, особенно выдающихся историческихъ дѣятелей.

Экспериментъ, какъ вспомогательный способъ изученія душевныхъ явленій. Самонаблюденіе или внутренній опытъ является исключительнымъ и вѣрнѣйшимъ способомъ для познанія и объясненія высшихъ духовныхъ способностей, составляющихъ область чисто психическаго изученія. Но, помимо этихъ высшихъ способностей ума челоѳческаго, современная психологія занимается еще и такими явленіями сознанія, основаніемъ и источникомъ которыхъ служатъ всегда явленія физическія и фیزیологическія. Эти психическія состоянія, находящіяся въ непосредственной зависимости отъ внѣшнихъ явленій, поддаются въ значительной степени непосредственному *экспериментированію* (отъ „*experimentum*“—опытъ), состоящему не въ простомъ наблюденіи, а всестороннемъ изслѣдованіи явленій при намѣренномъ или искусственномъ измѣненіи обстоятельствъ и условій, вызывающихъ эти явленія. Примѣненіе такого экспериментальнаго метода, обыкновенно присущаго наукамъ естественнымъ, стало особенно усиливаться во второй половинѣ XIX вѣка, когда самымъ неопровержимымъ образомъ было доказа-

но, что между физиологіей и психологіей существуетъ тѣснѣйшая связь, что многія психическія явленія не происходятъ безъ предшествующихъ имъ физиологическихъ процессовъ. Съ того же времени, для расширенія экспериментальнаго метода и болѣе полнаго распространенія эксперимента въ области психологическаго изученія, въ Америкѣ и нѣкоторыхъ западноевропейскихъ государствахъ стали основываться спеціальныя психологическія кабинеты, гдѣ ученые изслѣдователи, пользуясь разнаго рода усовершенствованными приборами, стараются объяснить происхожденіе и развитіе различныхъ душевныхъ состояній. Такія экспериментальныя данныя, все болѣе и болѣе усиливаясь и развиваясь, значительно обогащаютъ область психологическаго изслѣдованія и приближаютъ психологію къ точнымъ наукамъ.

Часть психологіи, основывающей свои выводы на экспериментальныхъ данныхъ, обыкновенно называется *психофизикой*.

Но несмотря на всѣ старанія ученыхъ и на всѣ прекрасно обставленныя вспомогательныя средства, экспериментированіе можетъ явиться лишь вспомогательнымъ средствомъ для раскрытія и изученія душевныхъ явленій, такъ какъ непосредственному опыту подлежатъ только внѣшнія явленія, составляющія основныя условія возникновенія тѣхъ или иныхъ душевныхъ состояній. А дѣйствительное, истинное познаніе самихъ психическихъ явленій, какъ таковыхъ, возможно лишь путемъ внутренняго опыта и наблюденія.

ГЛАВА II.

Душа и тѣло.

Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Общія свѣдѣнія о физической дѣятельности человѣческаго организма. Органы движенія. Нервная система. Составъ и строеніе нервной системы. Элементы нервной системы.

Связь душевныхъ явленій съ тѣлесными.

Прежняя рациональная психологія совершенно не признавала связи между душевными и тѣлесными явленіями, считая душу особымъ, чисто духовнымъ существомъ, одареннымъ исключительно ему принадлежащими духовными способностями, которыя даютъ возможность объяснять различные процессы умственной дѣятельности. Но изслѣдованія психологовъ XIX в. доказали несомнѣнную истинность того положенія, что между душою и тѣломъ существуютъ многочисленныя точки соприкосновенія, такъ какъ на душевныя явленія постоянно вліяютъ внѣшнія воздѣйствія, и, съ другой стороны, наши внутреннія состоянія являются опредѣляющими моментами относительно внѣшняго міра.

При рѣшеніи вопроса о связи между душевными и тѣлесными явленіями психологи приходятъ къ двоякаго рода заключенію: одни изъ нихъ утверждаютъ, что между тѣлесными и душевными явленіями нѣтъ отношеній причинности, т. е. душевныя явленія не суть ни дѣйствія ни причины явленій тѣлесныхъ; между тѣмъ какъ другіе находятъ, что явленія сознанія (т. е. душевныя явленія) суть дѣйствія тѣлесныхъ явленій. Первое направленіе, доказывающее, что душевные процессы протекаютъ параллельно съ тѣлесными, извѣстно подѣ

именем *психофизическаго параллелизма*, а второе, признающее связь между явлениями обоого рода, обыкновенно называется *теоріей взаимодѣйствія*. Послѣдователи параллелизма, несмотря на всю серіозность и глубину ихъ доказательствъ, не могутъ дать намъ руководящей точки зрѣнія, и мы, основываясь, какъ на данныхъ, добытыхъ путемъ экспериментовъ, такъ равно и на повседневныхъ нашихъ наблюденіяхъ надъ окружающею жизнью, должны признать болѣе соответствующей дѣйствительности именно теорію взаимодѣйствія тѣлесныхъ и душевныхъ явленій.

Всѣмъ извѣстна знаменитая поговорка, выражающая воззрѣнія римлянъ на этотъ вопросъ: *mens sana in corpore sano* (здоровый духъ—въ здоровомъ тѣлѣ). Смыслъ этого изреченія состоитъ въ томъ, что правильное функціонированіе умственныхъ способностей зависитъ отъ нормальнаго и здороваго состоянія человѣческаго тѣла. Дѣйствительно, мы на собственныхъ примѣрахъ легко можемъ замѣтить, насколько сильна связь между тѣлесными и душевными явленіями. Продолжительная физическая работа, вызывающая сильное утомленіе или просто болѣзненное состояніе организма сильно отражаются на ходѣ нашихъ умственныхъ процессовъ, нашихъ чувствованій и хотѣній: точно также всякое душевное настроеніе наше очень ясно отражается во внѣшнихъ тѣлесныхъ проявленіяхъ: во взглядѣ, голосѣ, движеніяхъ и, даже, вызываетъ замѣтныя перемѣны въ самомъ ходѣ физиологическихъ отправленій: дыханія, кровообращенія, пищеваренія и др.

Общія свѣдѣнія о физической дѣятельности человѣческаго организма. Въ виду существованія несомнѣнной, всегда опредѣленно выражающейся [связи

между явленіями душевными и тѣлесными, слѣдовало бы до известной степени ознакомиться съ общимъ ходомъ нашихъ тѣлесныхъ или физиологическихъ отправленій. Но въ учебникѣ психологіи, изучающей, главнымъ образомъ, психическія проявленія, приходится ограничиться выясненіемъ строенія и отправленій тѣхъ частей нашего тѣла, которыя служатъ непосредственными органами душевной жизни.

Отправленія человѣческаго организма весьма сложны и разнообразны. Между разнообразными органами нашего тѣла главное мѣсто занимаютъ: 1) органы пищеваренія, 2) органы кровообращенія и 3) органы дыханія. Эти органы считаются самыми важными въ виду того, что они даютъ нашему тѣлу питаніе, а съ питаніемъ тѣсно связаны самыя разнообразныя явленія въ жизни всякаго живого организма. Отъ состоянія питанія находится въ непосредственной зависимости и состояніе другихъ частей тѣла, которыя въ жизни человѣка исполняютъ ту или другую роль.

Не останавливаясь подробно на указанныхъ выше органахъ и ихъ отправленіяхъ, мы должны въ общихъ чертахъ выяснить строеніе и дѣятельность того механизма, который приводитъ въ движеніе различныя группы костей.

Органы движенія. Основу человѣческаго тѣла составляетъ скелеть, состоящій изъ множества (болѣе 200) костей различной величины и формы. Однѣ изъ этихъ костей связаны между собою прочно и потому совершенно неподвижны, какъ напр., кости черепной коробки и лица; другія же обладаютъ способностью измѣнять свое относительное положеніе, т. е. двигаться. Къ послѣдней категоріи костей относятся кости рукъ

и ногъ, ребра и позвонки, слагающіеся въ позвоночный столбъ. Соприкасаясь другъ съ другомъ гладкими поверхностями, покрытыми хрящемъ, кости эти могутъ двигаться въ различныхъ направленіяхъ.

Главнымъ органомъ, приводящимъ въ движеніе эти кости, служатъ *мышцы*, различныя соединенія которыхъ образуютъ *мускулы* (мясо, покрывающее человѣческой скелетъ). Мышцы, прикрѣпленныя концами къ костямъ, обладаютъ способностью измѣнять свою длину и толщину, а именно: при напряженіи онѣ укорачиваются, а затѣмъ, при наступающемъ расслабленіи, растягиваются. И, вслѣдствіе такого именно попеременнаго укорачиванія и растягиванія мышцъ, происходятъ всякаго рода движенія, какъ напр., хожденіе, подниманіе и опусканіе рукъ, сидѣніе и вставаніе, движеніе головы и др. подобныя явленія.

Исполняя важную роль въ физической дѣятельности человѣка, мускулы, однако, не могутъ самостоятельно и самопроизвольно управлять всякаго рода движеніями; они получаютъ толчокъ или раздраженіе отъ другого, болѣе важнаго и сложнаго органа, имѣющаго также связь съ процессами питанія и извѣстнаго подъ именемъ *нервовъ*.

Нервная система. Научныя изслѣдованія послѣднихъ временъ доказали ясно, нервный механизмъ, управляющій органами движенія, служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ органомъ сознательной жизни человѣка, всѣхъ его душевныхъ побужденій и стремленій. Являясь, такимъ образомъ, органомъ, устанавливающимъ связь между душою и тѣломъ, нервный механизмъ или, какъ его иначе называютъ, *нервная система* пріобрѣтаетъ особое значеніе для психолога, и поэтому при изученіи

психическихъ явленій на нее должно быть обращено особенное вниманіе.

Составъ и строеніе нервной системы. Нервная система состоитъ изъ двухъ *главныхъ* частей: 1) изъ *центральной части* и 2) изъ *нервовъ*.

Центральная часть, называемая мозгомъ, состоитъ изъ сѣровато-бѣлой массы и дѣлится прежде всего на двѣ части. Та часть ея, которая заключена въ черепную коробку, называется *головнымъ мозгомъ*; а другая часть, лежащая внутри позвоночнаго канала, — *спиннымъ мозгомъ*. Обѣ эти части мозга находятся въ непосредственномъ сообщеніи другъ съ другомъ черезъ затылочное отверстіе, находящееся въ нижней части черепа, такъ что спинной мозгъ составляетъ собственно продолженіе головного мозга.

Головной мозгъ состоитъ изъ трехъ частей: *большого мозга, малого мозга* или *мозжечка* и *продолговатаго мозга*.

Большой мозгъ, составляющій самую главную часть центральной системы, продольной бороздой дѣлится на два большихъ участка, называемыхъ *полушаріями*.

Полушарія состоятъ изъ сѣраго и бѣлаго вещества. Причемъ сѣрое вещество, образующееся изъ скопленія нервныхъ клѣтокъ, занимаетъ верхній толстый слой обоихъ полушарій, а бѣлое вещество, составляющееся изъ соединенія нервныхъ волоконъ, расположено въ нижней части этихъ полушарій. Часть сѣраго вещества образуетъ такъ называемую мозговую кору, которая покрываетъ оба полушарія съ поверхности и снабжена множествомъ бороздъ и извилинъ. Каждое полушаріе представляетъ изъ себя четыре части или доли: *лобная доля, теменная доля, затылочная доля и височная доля*.

Спинной мозгъ, служа продолженіемъ головного

~~35-68~~

мозга, представляет собою сплюснутый спереди назад цилиндръ, лежащій внутри позвоночнаго канала и также состоящій изъ сѣраго и бѣлаго вещества; но только въ спинномъ мозгу сѣрое вещество занимаетъ центральную его часть, а бѣлое вещество расположено по его окружности.

Какъ отъ головного, такъ и отъ спинного мозга берутъ начало бѣлыя нити, направляющіяся къ разнымъ частямъ тѣла: къ мускуламъ, въ кожу и къ остальнымъ внутреннимъ и наружнымъ органамъ. Эти безконечно вѣтвящіяся въ нашемъ тѣлѣ нити и называются *нервами*.

Элементы нервной системы. Простѣйшими элементами, изъ которыхъ складывается нервная ткань, служатъ нервныя *клетки* и *волокна*. Клетками называются такія большей частью микроскопическія образованія, изъ которыхъ построены все представители растительнаго и животнаго царства. Всякое живое существо состоитъ изъ сочетанія большаго или меньшаго числа клетокъ. Клетки бываютъ различной величины и формы. Самая обыкновенная форма клетки *шарообразная*, но бываютъ также клетки *цилиндрическія*, *веретенообразныя*, звѣздчатыя и др. Въ каждой клеткѣ различаютъ двѣ главныя составныя части: *протоплазму* (первичное жизнедѣятельное вещество) и *ядро*; нѣкоторыя клетки имѣютъ кромѣ того и тонкую, прозрачную *оболочку*.

Первыя волокна, вслѣдствіе незначительной величины доступныя подробному разсмотрѣнію только подъ микроскопомъ, представляютъ двѣ главныя части: по срединѣ ихъ лежитъ такъ называемый *осевой цилиндръ*, а къ наружи—окружающая его *нервная мякоть*; почти всегда все это бываетъ покрыто тоненькой оболочкой, называющейся, по имени ученаго, открывшаго ее—

1370

швановской оболочкой. Существенной частью нервного волокна нужно считать осевой цилиндръ, отъ дѣятельности котораго и зависитъ собственно дѣятельность всякаго нерва.

Нервная система состоитъ изъ безчисленнаго множества микроскопическихъ элементовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *нейроновъ* и представляющихъ изъ себя соединеніе клѣтки съ нервными волокнами. Причемъ нейроны не представляютъ изъ себя вполне сросшихся другъ съ другомъ элементовъ, но соединены въ различныя сплоченныя группы, которыя, обладая способностью приходить въ движеніе, то соединяются, то разъединяются. Скопленія нервныхъ клѣточекъ въ большія или меньшія группы извѣстны подъ названіемъ *центровъ*. Менѣе значительныя группы клѣточекъ, разсѣянныя по всему организму, называются *гангліями*. Особенно большія соединенія нервныхъ клѣточекъ образуютъ болѣе значительныя нервныя центры или такъ называемую *центральную нервную систему* (головной мозгъ и спинной мозгъ). Какъ гангліи, такъ и различныя части центральной нервной системы соединены другъ съ другомъ нервными волокнами; причемъ особыя соединенія множества параллельно идущихъ волоконъ образуютъ нервы, развѣтвляющіеся по всему организму отъ центральныхъ частей къ поверхности тѣла.

ГЛАВА III.

Функции нервной системы.

Понятіе о раздраженіи. Функции нервовъ. Значеніе нервовъ.
Органы внѣшнихъ чувствъ.

Понятіе о раздраженіи. Элементы нервной системы служатъ проводниками *раздраженія*, идущаго отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ къ центральнымъ частямъ и обратно. Раздраженіемъ называемъ извѣстное возбужденіе нервовъ, происходящее вслѣдствіе воздѣйствія на насъ различнаго рода внѣшнихъ явленій или внутреннихъ физиологическихъ измѣненій. Самое же возбужденіе, по мнѣнію ученыхъ, состоитъ въ химическомъ разложеніи нервного вещества, каковое разложеніе сравниваютъ съ сгораніемъ пороха; при этомъ нервное вещество, разлагаясь при однократномъ возбужденіи, не терять способности вновь возбуждаться, такъ какъ разлагающееся отъ возбужденія нервное вещество быстро восстанавливается вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія нервовъ съ кровеносными сосудами.

Функции нервовъ. Изъ спинного мозга беретъ начало 31 пара нервовъ, располагающихся по обѣимъ сторонамъ его и выходящихъ изъ отверстій между позвонками. Каждый изъ этихъ нервовъ начинается въ спинномъ мозгу двумя корешками, которые сливаясь образуютъ одинъ нервный стволъ, постепенно развѣтвляющійся по мѣрѣ приближенія къ тѣмъ частямъ нашего тѣла, которыя онъ снабжаетъ своими отростками. Причемъ оба эти корешка исполняютъ неодинаковую роль. Опыты, произведенные учеными, показали, что передній корешокъ нерва состоитъ изъ волоконъ, не-

сушихъ раздраженіе отъ центра къ периферіи и, такимъ образомъ, вызывающихъ сокращеніе мышцъ, а волокна задняго корешка служатъ проводниками внѣшнихъ раздраженій и обусловливаютъ возникновеніе всякаго рода ощущеній. Вслѣдствіе этого, передній корешокъ, завѣдующій дѣйствіями мускуловъ и производящій всякаго рода движенія, называется *двигательнымъ*, въ отличіе отъ задняго корешка, вызывающаго всегда ощущенія и потому обыкновенно называемаго *чувствительнымъ*.

Такимъ образомъ, всякій спинно-мозговой нервъ, образующійся изъ сліянія двухъ такихъ корешковъ, и на всемъ своемъ дальнѣйшемъ протяженіи заключаетъ въ себѣ волокна двухъ категорій: съ одной стороны, волокна *двигательныя*, вызывающія сокращеніе мускуловъ, а съ другой—волокна, вызывающія всякаго рода ощущенія или волокна *чувствительныя*.

Связь двигательныхъ и чувствительныхъ нервовъ съ разными частями спинного мозга устанавливается слѣдующимъ образомъ. Сѣрое вещество спинного мозга состоитъ изъ тончайшихъ нервныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ, при чемъ въ переднихъ частяхъ этого вещества располагаются группами двигательныя клѣтки, а въ заднихъ частяхъ его находятся чувствительныя клѣточки. Къ двигательнымъ клѣткамъ подходятъ нервныя волокна двигательныхъ корешковъ, а къ чувствительнымъ клѣточкамъ—чувствительныя волокна заднихъ корешковъ. Кромѣ того двигательныя и чувствительныя клѣточки сѣраго вещества спинного мозга связываются между собою нервными волокнами, которыя разсѣяны внутри того же сѣраго вещества и называются *соединительными* или *межцентральными*. Раз-

драженіе, идущее отъ какой-либо внѣшней причины, по чувствительнымъ волокнамъ передается чувствительнымъ клѣточкамъ спинного мозга; отъ чувствительныхъ клѣточекъ по соединительнымъ или межцентральнымъ нервнымъ волокнамъ раздраженіе переходитъ къ двигательнымъ клѣткамъ; а послѣднія, въ свою очередь направляютъ раздраженіе по двигательнымъ волокнамъ въ какой нибудь мускуль, и вслѣдствіе этого происходитъ сокращеніе мускула.

Изъ головного мозга берутъ начало 12 паръ нервовъ, изъ которыхъ одни чувствительные, другіе—двигательные, а третьи смѣшанные т. е. состоятъ изъ волоконъ чувствительныхъ и двигательныхъ.

Значеніе нервовъ. Дѣятельность нервовъ имѣетъ въ жизни человѣка огромное значеніе. Всякая жизненная работа, происходящая въ нашемъ организмѣ, находится въ тѣсной зависимости отъ дѣйствія тѣхъ или другихъ нервовъ. Процессы пищеваренія и дыханія, выдѣленіе различныхъ пищеварительныхъ соковъ, движеніе грудной клѣтки, выдѣленіе пота, сжатіе и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ и др. подобныя явленія находятся въ связи съ дѣятельностью двигательныхъ нервовъ. Пораженіе нервовъ, завѣдующихъ всѣми этими движеніями, прекращаетъ ихъ обыкновенную работу.

Что же касается значенія чувствительныхъ нервовъ, то ихъ роль, главнымъ образомъ, заключается въ томъ, что они обуславливаютъ работу органовъ внѣшнихъ чувствъ и тѣмъ даютъ возможность имѣть сношенія съ внѣшнимъ миромъ. Помощью этихъ нервовъ мы ощущаемъ свѣтъ, звукъ, вкусъ, запахъ, а также можемъ осязать различные предметы.

Въ виду важнаго значенія такихъ ощущеній для нашей душевной жизни, намъ необходимо ознакомиться съ строеніемъ и дѣятельностью тѣхъ органовъ, которые обыкновенно извѣстны подъ именемъ органовъ пяти нашихъ внѣшнихъ чувствъ: обонянія, вкуса, осязанія, слуха и зрѣнія.

Органы внѣшнихъ чувствъ. *Органъ обонянія.* Органомъ обонянія служитъ носъ, внутренняя полость котораго выстлана тонкой кожицей, выделяющей слизь и потому называемой *слизистой*. Между клѣточками, составляющими эту слизистую оболочку, въ задней, болѣе глубокой части носовой полости находится множество такъ называемыхъ обонятельныхъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая съ своей внутренней стороны вытягивается въ тоненькую нервную нить. Эти нервныя нити, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ пару обонятельныхъ нервовъ, начинающихся въ головномъ мозгу и служащихъ главнымъ органомъ обонятельныхъ ощущеній.

Органъ вкуса. Органомъ вкуса является языкъ, вся поверхность котораго покрыта множествомъ сосочковъ различной величины. Эти сосочки бываютъ двухъ категорій: одни изъ нихъ предназначены для восприниманія вкусовыхъ ощущеній и потому называются *вкусовыми*, а другіе, извѣстные подъ именемъ *осязательныхъ*, служатъ для осязательныхъ ощущеній. Вкусовые сосочки расположены въ задней части, на кончикѣ и по краямъ языка. Тонкія вѣтви язычнаго нерва, начинающагося въ головномъ мозгу, проникаютъ внутрь вкусовыхъ сосочковъ, — и поэтому жидкія вкусовыя вещества, попадающія на языкъ, раздражаютъ концы этихъ нервныхъ нитей и вызываютъ всякаго рода вкусовыя ощущенія.

Органъ осязанія. Органомъ осязанія служатъ вся

кожа, покрывающая наше тѣло. Подъ тонкимъ слоємъ кожи разбѣяно множество *сосочковъ*, къ которымъ подходятъ развѣтвляющіяся подъ кожей волокна осязательныхъ нервовъ. Эти волокна оканчиваются особаго рода концевыми образованиями, извѣстными подъ именемъ *осязательныхъ тѣлецъ*. При всякомъ прикосновеніи къ кожѣ раздраженіе черезъ кожные сосочки сообщается этимъ осязательнымъ тѣльцамъ, какъ концевымъ аппаратамъ нервныхъ волоконъ, которыя въ свою очередь несутъ раздраженіе въ мозгъ и вызываютъ всякаго рода осязательныя ощущенія.

Органъ слуха. Ухо, служащее органомъ слуха, имѣетъ очень сложное устройство. Оно представляетъ изъ себя три части: *наружное ухо*, *среднее ухо* и *внутреннее ухо*. Первая часть состоитъ прежде всего изъ *ушной раковины*, затѣмъ изъ *наружнаго слухового отверстия*, за которымъ слѣдуетъ *наружный слуховой проходъ*. Этотъ проходъ оканчивается отверстіемъ, на которое натянута *барабанная перепонка*. За барабанной перепонкой идетъ небольшая полость, извѣстная подъ именемъ *барабанной полости* или *средняго уха*. Въ этой полости помѣщаются три маленькія косточки, сочлененныя вмѣстѣ и называемыя *молоточкомъ*, *наковальней* и *стременемъ*. Молоточекъ своей ручкой прикрѣпленъ къ барабанной перепонкѣ, а головка его сочленена съ наковальней, которая своимъ узкимъ концомъ соединяется со стременемъ. За барабанной полостью помѣщается третья, самая главная часть уха, иначе называемая *лабиринтомъ* вслѣдствіе своего весьма сложнаго и замысловатаго устройства. Эта внутренняя часть уха отдѣлена отъ средней полости *овальнымъ* и *круглымъ окошечками*, затянутыми перепонками. Свободный ко-

нецъ стремени прикрѣпленъ къ овальному окошечку и, такимъ образомъ, устанавливается связь между средней и внутренней частями уха. Въ лабиринтъ входятъ двѣ вѣтви слухового нерва, берущаго начало въ головномъ мозгу. Эти нервныя вѣтви разсыпаются въ лабиринтъ на множество тончайшихъ нервныхъ волоконъ. Лабиринтъ также наполненъ особой жидкостью, называемою *эндолимфой*.

Воздушныя волны, проникающія въ ухо черезъ наружное слуховое отверстіе, приводятъ въ движеніе барабанную перепонку. Сотрясеніе барабанной перепонки вызываетъ соотвѣтствующія движенія въ группѣ слуховыхъ косточекъ: молоточка, наковальни и стремени; а такъ какъ послѣднее упирается въ овальное окошечко лабиринта, то и перепонка, его затягивающая, приходитъ въ колебательное состояніе. Это сотрясеніе перепонки овального окошечка передается заключенной въ лабиринтъ жидкости эндолимфѣ, которая въ свою очередь также начинаетъ колебаться и вызываетъ раздраженіе окончаній разсыпанныхъ въ лабиринтъ тончайшихъ нервныхъ волоконъ. Раздраженіе нервныхъ волоконъ собирается слуховымъ нервомъ и проводится въ головной мозгъ, — и тогда мы получаемъ ощущеніе слуха.

Органъ зрѣнія. Самымъ главнымъ органомъ, дающимъ намъ возможность имѣть сношенія съ внѣшнимъ міромъ, служитъ органъ зрѣнія—глазь.

Глазь представляетъ изъ себя шарообразное тѣло, называемое *глазнымъ яблокомъ* и помѣщающееся въ глазной впадинѣ. Снаружи глазное яблоко покрыто твердой оболочкой, называемою *блжковой оболочкой* или *склеротикой*. Передняя часть ея между вѣками, являющаяся болѣе прозрачною и выпуклою въ сравненіи съ

остальной частью глаза, называется *роговой оболочкой*. Подъ склеротикой лежитъ вторая—*сосудистая оболочка* черного цвѣта, въ которой располагаются тончайшія вѣтви кровеносныхъ сосудовъ. Передняя часть этой оболочки, называемая *радужной оболочкой*, также отличается отъ остальныхъ ея частей; она бываетъ различныхъ цвѣтовъ и отъ ея цвѣта зависитъ разнообразный цвѣтъ глазъ. Посерединѣ радужной оболочки находится отверстіе—*зрачокъ*, черезъ который видна окрашенная въ черный цвѣтъ внутренняя поверхность сосудистой оболочки, отчего и самый зрачокъ кажется намъ темнымъ пятнышкомъ. Наконецъ, подъ сосудистой оболочкой лежитъ третья оболочка, называемая *стѣчатой оболочкой* или *ретиной*; она представляетъ собою густую сѣть, образованную тончайшими развѣтвленіями зрительнаго нерва, входящаго въ глазное яблоко съ задней стороны изъ головного мозга. Позади радужной оболочки, сейчасъ же за зрачкомъ лежитъ прозрачная чечевица, очень похожая на двояко-выпуклое стекло; это *хрусталикъ*, который дѣлитъ внутреннюю полость глазного яблока на двѣ *камеры*: *переднюю* и *заднюю*. Передняя камера заполнена такъ называемой *водяной влагой*, а задняя камера, т. е. пространство между хрусталикомъ и стѣчатой оболочкой заполнено студенистой массой, похожей на расплавленное стекло и известное подъ именемъ *стекловиднаго тѣла*. Оба эти вещества въ здоровомъ глазѣ совершенно прозрачны.

Свѣтовые лучи, отраженные отъ различныхъ вѣшнихъ предметовъ, пройдя сквозь зрачокъ, падаютъ на хрусталикъ и въ немъ преломляются; затѣмъ эти лучи, измѣняя свое направленіе по выходѣ изъ хрусталика, проходятъ черезъ стекловидное тѣло и вызываютъ раз-

драженіе окончаній нервныхъ волоконъ, составляющихъ сѣтчатую оболочку. Раздраженіе же нервныхъ волоконъ, образующихся отъ развѣтвленія зрительнаго нерва, передается послѣднимъ въ головной мозгъ, и, такимъ образомъ, происходятъ всякаго рода зрительныя ощущенія.

ГЛАВА IV.

Функціи центральной нервной системы.

Функціи спинного мозга. Функціи продолговатаго мозга.

Функціи мозжечка. Функціи большого мозга.

Функціи спинного мозга. Дѣятельность спинного мозга заключается въ слѣдующемъ. Если мы обезглавимъ лягушку и будемъ щипать одну изъ ея ножекъ, то мускулы ноги сократятся, и нога съ силой отдернется; но воля и сознаніе животнаго здѣсь не играютъ никакой роли: лягушка въ данномъ случаѣ не ощущаетъ никакой боли, она совершенно безсознательно отдергиваетъ ногу. Такое безсознательное и произвольное движеніе, совершаемое животнымъ безъ всякаго участія головного мозга и ограничивающееся только дѣятель-

ностью спинного мозга, обыкновенно называется *рефлективнымъ* (рефлексъ-отраженіе). Рефлективный процессъ совершается вслѣдствіе выясненной нами выше *) связи чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ съ спиннымъ мозгомъ. Раздраженіе, причиняемое нами ножкѣ лягушки, по чувствительнымъ нервнымъ волокнамъ подходитъ къ чувствительнымъ клѣточкамъ спинного мозга; по межцентральнымъ нервнымъ волокнамъ, разсѣяннымъ въ сѣромъ веществѣ спинного мозга, это раздраженіе сообщается двигательнымъ клѣткамъ того же мозга; а эти послѣднія передаютъ его двигательнымъ волокнамъ, приходящимъ въ мускуль ноги лягушки; черезъ это мускуль сократится, и нога будетъ отодвинута. Такимъ образомъ, спинной мозгъ служитъ *органомъ рефлективныхъ движеній*.

Кромѣ того, спинной мозгъ является проводникомъ раздраженій, идущихъ извнѣ по различнымъ нервамъ къ головному мозгу и обратно. Такая роль спинного мозга обнаруживается слѣдующимъ образомъ. Перерѣзываютъ поперекъ въ какомъ-либо мѣстѣ спинной мозгъ лягушки. Тогда задняя часть ея тѣла, ниже того мѣста спинного мозга, гдѣ сдѣланъ перерѣзъ, становится нечувствительной и неподвижной, тогда какъ передняя часть сохраняетъ способность и двигаться и чувствовать; даже при сильномъ желаніи и стараніи въ этомъ случаѣ лягушка не будетъ въ состояніи двигать заднюю часть своего тѣла. Въ тоже самое время переднія лапы и вся передняя часть ея туловища будутъ двигаться и волочить за собою лишенную дѣятельности заднюю часть.

*) См. функціи нервовъ стр. 20.

Функціи продолговатаго мозга. Продолговатый мозгъ, составляющій какъ бы продолженіе спинного мозга, прежде всего завѣдуетъ разнаго рода произвольными (рефлективными) движеніями, совершаемыми нами безъ всякаго чувствованія, намѣренія или хотѣнія. Въ немъ находятся центры такихъ рефлективныхъ движеній, какъ напр.: чиханіе, кашель, сосаніе, жеваніе, глотаніе и проч. Кроме того, въ продолговатомъ мозгу помѣщаются два очень важныхъ центра: одинъ изъ нихъ завѣдуетъ дыханіемъ, а другой управляетъ работой сердца. Дыхательный центръ, въ виду своего важнаго значенія для жизни живого существа, иначе называется *жизненнымъ узломъ* или просто узломъ жизни. Если его проколоть булавкой, то животное моментально перестаетъ дышать и, точно сраженное молніей, падаетъ мертвымъ на землю. Второй изъ указанныхъ выше центровъ—центръ сердечныхъ движеній—при раздраженіи либо измѣняетъ работу сердца либо останавливаетъ ее совершенно. Въ послѣднемъ случаѣ жизнь животнаго можетъ мгновенно прекратиться.

Функціи мозжечка При опредѣленіи функцій различныхъ частей головного мозга ученые обыкновенно прибѣгаютъ къ способу *экстирпации*, т. е. вырѣзыванія или удаленія тѣхъ или другихъ его частей. Удаляя какую-либо часть головного мозга, ученые слѣдятъ за тѣмъ, какое измѣненіе въ душевной жизни животнаго происходитъ въ данномъ случаѣ. Такъ оказывается, что, если поврежденъ или удаленъ мозжечокъ, то животное не теряетъ ни чувствительности, ни воли, ни сознанія; но оно лишается способности правильно исполнять такія движенія, какъ ходьба, летаніе, прыганье и поворачиванье. Напр., голубь, по удаленіи мозжечка,

будучи положенъ на спину, не могъ подняться, хотя употреблялъ для этого величайшія усилія. Приэтомъ сознание оставалось въ полной силѣ, голубь видѣлъ и слышалъ и старался уклониться отъ опасныхъ предметовъ. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что мозжечокъ предназначенъ для регулированія произвольныхъ движеній и приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ положеніемъ тѣла въ пространствѣ.

Функции большого мозга. Для опредѣленія дѣятельности и значенія большого мозга, прибѣгаютъ опять къ указанному выше способу экстирпации, т. е. удаленію тѣхъ или иныхъ его частей. Причемъ млекопитающія, по удаленіи большого мозга, живутъ очень недолго, и потому произведенныя надъ ними наблюденія сравнительно незначительны. Важнѣе въ этомъ отношеніи опыты надъ птицами и лягушками, такъ какъ ученымъ удавалось поддерживать жизнь этихъ животныхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ у нихъ былъ вырѣзанъ большой мозгъ. Такъ напр., голубь безъ большого мозга перестаетъ самостоительно двигаться и можетъ притти въ движеніе только тогда, когда его толкаютъ; онъ можетъ глотать зерна только въ томъ случаѣ, когда ихъ кладутъ ему въ клювъ. Если такого голубя подкинуть вверхъ, то онъ расправитъ свои крылья и будетъ летать прямо по одному направленію до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ какого-либо препятствія, о которое ударится и упадетъ опять на землю.

Такимъ образомъ мы видимъ, что животное, лишенное большого мозга, не теряетъ способности двигаться и даже поддерживать въ равновѣсіи свое тѣло при различныхъ положеніяхъ его, какъ-то во время ходьбы, летанія, прыганья и др. подобныхъ движеній. Но окон-

чительно теряет оно способность мыслить и проявлять свою волю. Движенія его произвольны и зависятъ всецѣло отъ оставшихся въ цѣлости мозжечка, продолговатаго и спинного мозга. Мысль, чувство и воля совершенно отсутствуютъ, и потому животное сидитъ неподвижно, точно во снѣ, и не сдѣлаетъ ни одного сознательнаго, произвольнаго движенія. Слѣдовательно, большой мозгъ представляетъ собою органъ всѣхъ главныхъ душевныхъ проявленій: ума, чувства и воли.

Помимо такого общаго значенія всего большого мозга для душевной жизни, отдѣльныя его части или доли имѣютъ специальное назначеніе: такъ, лобная доля представляетъ собою мѣсто высшей духовной дѣятельности, теменная доля управляетъ всякаго рода движеніями, затылочная доля служитъ мѣстомъ зрительныхъ ощущеній, а височная доля является главнымъ органомъ слуха. Кроме того, большой мозгъ состоитъ изъ менѣе значительныхъ центровъ, изъ которыхъ каждый даетъ направленіе какому либо проявленію нашего организма.

Такое установленіе спеціальнаго назначенія каждой части большого мозга оказалось возможнымъ благодаря изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ учеными во время вскрытія труповъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при жизни нѣкоторыя лица утрачиваютъ способность приводить въ движеніе какую-либо конечность и совершать то или другое дѣйствіе, врачи послѣ смерти этихъ лицъ вскрываютъ ихъ черепъ и опредѣляютъ, какая именно часть ихъ мозга повреждена. И дѣйствительно, опыты, произведенные въ этомъ смыслѣ, показали, что потеря способности проявленія извѣстнаго рода дѣйствій находится въ зависимости отъ пораженія опредѣленной части боль-

шого мозга. Такъ напр., при совершенно здоровомъ состояніи руки и пальцевъ, люди теряютъ способность писать; это явленіе называется *аграфіей*. Также, при здоровомъ и нормальномъ состояніи органовъ рѣчи, сразу исчезаетъ способность произносить слова; такое состояніе извѣстно подъ именемъ *афазія*. Оба эти явленія могутъ быть объяснены только, какъ слѣдствія пораженія соотвѣтствующихъ частей большого мозга. Кроме того, въ послѣднее время наблюденія ученыхъ дали возможность установить фактъ, что нѣкоторые дѣти долгое время или вовсе не выучиваются читать, разбирать буквы, запоминать ихъ и складывать. Это явленіе, называемое *алексіей*, тоже есть результатъ дефекта мозга, но уже дефекта урoжденнаго, а не внослѣдствіи развившагося.

Ознакомившись, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ съ строеніемъ и отправлениями главнѣйшихъ органовъ человѣческаго тѣла, тѣсно связанныхъ съ психическими процессами, мы должны обратиться къ выясненію общихъ условій душевной жизни человѣка, подъ каковыми условіями разумѣются *сознаніе* и *вниманіе*.

ГЛАВА V.

Сознаніе.

Опредѣленіе сознанія. Состоянія сознанія. Узость сознанія.

Опредѣленіе сознанія. При несомнѣнной связи и зависимости душевныхъ явленій отъ физическихъ или фізіологическихъ условій, у человѣка всегда существуетъ представленіе о цѣльномъ и единомъ состояніи душевной жизни, выражающемся въ томъ или иномъ соотношеніи и сочетаніи отдѣльныхъ психическихъ проявленій. Такое общее душевное состояніе обыкновенно называется *сознаніемъ*. Ни одинъ вопросъ въ психологіи не представляетъ столько затрудненій, какъ вопросъ объ опредѣленіи и выясненіи значенія слова „сознаніе“. Одни изъ психологовъ, главнымъ образомъ, представители фізіологической психологіи, считая невозможнымъ дать точное и вѣрное опредѣленіе сознанія, главное вниманіе обращаютъ на изученіе условій сознанія т. е. тѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождаются всѣ сознательныя явленія. Другіе опредѣляютъ сознаніе, какъ „познаніе самого себя, какъ общій видъ всѣхъ интеллектуальныхъ фактовъ, или еще вѣрнѣе, какъ непосредственное знаніе каждаго факта, совершающагося въ области ума, чувства и воли. А нѣкоторые психологи совсѣмъ не даютъ никакого опредѣленія сознанія,

только обозначая этимъ словомъ все то, что обще всѣмъ явленіямъ душевной жизни и что составляетъ содержаніе психологіи. Не давая общаго опредѣленія слова „сознаніе“, эти психологи прибѣгаютъ къ описательному способу выясненія сознанія, производимому при помощи собственнаго опыта.

„Когда кто-нибудь постепенно засыпаетъ, онъ становится все менѣе и менѣе сознательнымъ; когда кто-нибудь постепенно пробуждается отъ сна, онъ становится все болѣе и болѣе сознательнымъ. Если кто-либо видитъ сновидѣнія во снѣ, то эти сновидѣнія есть особая форма сознанія, но если кто спитъ совершенно безъ всякихъ сновидѣній, то тотъ бываетъ безсознательнымъ. Отъ сильнаго удара по головѣ или отъ недостатка дыханія чело-вѣкъ можетъ иногда впадать въ безсознательное состояніе. Когда онъ „приходитъ въ себя“, онъ опять становится сознательнымъ; онъ „приходитъ въ сознаніе“, — какъ обыкновенно выражаются въ данномъ случаѣ. То, что такимъ образомъ уменьшается и увеличивается, то, что отчасти теряется во снѣ, лишенномъ сновидѣній, и вполне теряется при глубокомъ обморокѣ — это и есть сознаніе. *)“.

Такимъ образомъ сознаніе, служа общимъ душевнымъ явленіемъ и сопровождая всѣ переживаемые нами психическіе процессы, играетъ роль какъ бы внутренняго свѣтила, освѣщающаго всю нашу душевную жизнь и дающаго направленіе всей внутренней духовной дѣятельности.

Состоянія сознанія. При всей своей общности и цѣльности, сознаніе, какъ фактъ психологическій, не всегда проявляется съ одинаковой ясностью, силой и интенсивностью. Въ виду этого существуютъ различныя

*) Лэддъ, тамъ же, стр. 13.

степени или состоянія сознанія. Бываетъ такое состояніе сознанія, когда мы съ замѣчательной ясностью видимъ малѣйшія особенности, мельчайшія подробности мысли, представляющей намъ въ извѣстную минуту. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, мы смутно, весьма даже неясно и съ большимъ трудомъ замѣчаемъ объектъ нашей мысли. Подобная разница въ степени сознанія зависитъ, конечно, отъ различныхъ физиологическихъ и психологическихъ условій, но точное указаніе этихъ условій весьма часто представляетъ большія затрудненія въ виду того, что мы не въ состояніи выйти изъ сознанія такъ, чтобы, сдѣлавъ это самое сознаніе предметомъ наблюденія, мы могли отмѣчать предшествовавшія его возникновенію обстоятельства. Данныя опытнаго наблюденія въ этомъ отношеніи могутъ касаться только отдѣльныхъ душевныхъ явленій, совокупность которыхъ и составляетъ то, что обыкновенно называемъ сознаніемъ.

Такимъ образомъ, „степень сознанія вообще зависитъ отъ причинъ, ослабляющихъ или усиливающихъ интенсивность дѣятельности всякаго рода психологическихъ явленій. Такъ, въ первые моменты пробужденія отъ сна мы имѣемъ смутное ощущеніе самихъ себя, наши сны еще продолжаются и, такъ какъ психологическая жизнь еще не совсѣмъ перешла въ дѣйствительность, сознаніе неясно и смутно. Однимъ словомъ, сознаніе относится къ уму все равно, какъ свѣтъ къ пламени. Чѣмъ больше топлива, тѣмъ пламя ярче и живѣе.“ *).

Узость сознанія. Съ другой стороны, узость или

*) Компере: Элементарный курсъ психологій, стран. 24.

ограниченность сознания зависит отъ особеннаго характера душевнаго міра, заключающагося въ отсутствіи сосуществованія или одновременнаго существованія психическихъ явленій, которыя никогда не происходятъ совмѣстно и одновременно, а всегда въ видѣ одного послѣдовательнаго ряда. Одна мысль послѣдовательно смѣняетъ другую, вслѣдствіе чего мы не въ состояніи въ одинъ моментъ мыслить о различныхъ предметахъ и состояніяхъ.

Въ виду такого свойства психическихъ явленій, роль сознания, заключающаяся въ различеніи и сравненіи другъ съ другомъ душевныхъ состояній, можетъ выражаться съ достаточной ясностью и отчетливостью только при ограниченномъ числѣ разсматриваемыхъ процессовъ. При большомъ же числѣ мгновенно возникающихъ и часто смѣняющихся другъ друга состояній, различеніе и сравненіе этихъ состояній значительно затрудняется, и сознание, такимъ образомъ, становится смутнымъ, а иногда даже невозможнымъ. Однимъ словомъ, узость сознания проистекаетъ именно отъ того, что въ каждый данный моментъ въ сознаніи существуютъ или одно или два сравниваемыхъ другъ съ другомъ душевныхъ состоянія, иначе говоря, въ каждый моментъ сознание наше занято только однимъ душевнымъ состояніемъ и, при возникновеніи другого, первое выходитъ изъ области сознания. При этомъ выясненіе свойствъ каждаго психологическаго явленія, составляющаго въ данный моментъ объектъ сознания, происходитъ путемъ сравненія этого явленія съ предыдущимъ состояніемъ. Это непрерывающееся теченіе душевныхъ проявленій, эта смѣна одного состоянія другимъ называется въ психологіи *потокѣмъ сознания*.

ГЛАВА VI.

В н и м а н і е.

Повятіе о вниманіи; виды вниманія. Условія вниманія. Разсѣянность и ея виды.

Понятіе о вниманіи. Кромѣ возникновенія въ нашемъ сознаніи и исчезанія изъ него разнаго рода душевныхъ состояній мы замѣчаемъ въ себѣ еще особую внутреннюю дѣятельность, которой мы обязаны всѣми своими познаніями. Не во всякое время мы одинаково познаемъ различныя вещи или явленія; сознаніе наше обыкновенно бываетъ занято одними явленіями въ большей степени, чѣмъ другими; одни состоянія сознанія вызываютъ съ нашей стороны больше умственного напряженія, чѣмъ другія. Такое особенное сосредоточеніе умственного напряженія на одномъ предметѣ или на одномъ явленіи, мы и называемъ *вниманіемъ*.

Вниманіе не является спеціальной интеллектуальной функціей, производящей свою особую умственную работу, — оно есть скорѣе общій видъ, реагирующій на всякое состояніе нашего сознанія и придающій ему особенное направленіе и характеръ. Оно же встрѣчается во всѣхъ отправленияхъ разума, каждому изъ нихъ удѣляя свою энергію. Самыя низшія интеллектуальныя функціи, какъ напр., внѣшнее ощущеніе, достигаютъ своей силы только благодаря вниманію: смотрѣть и слушать совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ видѣть и слышать. Сосредоточеніе вниманія, выражающееся въ концентрированіи умственныхъ силъ на одномъ пунктѣ, въ поглощеніи ума одной какою-либо мыслью, значительно

облегчаетъ выясненіе разныхъ сторонъ изучаемаго явленія и придаетъ самому изученію больше ясности и отчетливости. Въ этомъ заключается благотворное вліяніе, оказываемое вниманіемъ умственному труду, т. е. развитію всѣхъ интеллектуальныхъ способностей.

Виды вниманія. Существуетъ обыкновенно два главныхъ вида вниманія: вниманіе произвольное или активное и вниманіе непроизвольное или пассивное. Если вниманіе вызывается силою самаго возбужденія, т. е. сильными ощущеніями или чувствованіями, на время занимающими главное мѣсто въ нашемъ сознаніи, то это будетъ вниманіе непроизвольное или пассивное. Когда же мы умышленно обращаемъ вниманіе на одну вещь больше, чѣмъ на другую, когда мы сознательно и намѣренно удерживаемъ свой умъ отъ уклоненій и упорно устремляемъ его на избранный предметъ, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вниманіемъ произвольнымъ или активнымъ. Последняго рода вниманіе имѣеть особенное значеніе въ духовной дѣятельности человѣка и служить весьма могучимъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія.

Условія вниманія. Вниманіе безусловно является результатомъ умственнаго напряженія, извѣстнымъ количествомъ психической энергіи, израсходуемой на тѣ объекты сознанія, которыми нашъ умъ занятъ въ данную минуту. Поэтому, составляя извѣстное движеніе, вниманіе должно быть связано съ другими душевными проявленіями и должно находиться въ зависимости отъ разнаго рода фізіологическихъ и психологическихъ условій. Прежде всего подъ вниманіемъ мы подразумѣваемъ извѣстную работу, совершающуюся въ мозгу. При томъ, наблюденія показываютъ, что величина ум-

ственной работы, испытанной при нѣкоторомъ напряженіи вниманія, соотвѣтствуетъ до нѣкоторой степени разрушенію мозговой ткани. Точно также всякій можетъ наблюдать случай, что особенно упорное вниманіе сопровождается потѣніемъ даже и тогда, когда окружающая среда имѣла низкую температуру. Подобныя фізіологическія измѣненія, происходящія въ нашемъ организмѣ вслѣдствіе сильнаго умственнаго напряженія, ясно показываютъ, что для нормальнаго функціонированія вниманія необходимо постоянное возстановливаніе истраченныхъ тѣлесныхъ силъ, требующее хорошей крови, продолжительнаго сна, здороваго, прекрасно питаемаго мозга и, вообще, правильнаго теченія всѣхъ отправленій чело-вѣческаго организма.

Условія же психологическія, содѣйствующія вниманію, выражаются въ томъ, что правильное возбужденіе и напряженіе всѣхъ силъ нашего ума происходятъ лишь въ томъ случаѣ, когда объектъ, предлагаемый нашему вниманію, вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ способностямъ и интеллектуальнымъ привычкамъ. При этомъ для облегченія и усиленія работы вниманія необходимо, чтобы изучаемый предметъ представлялъ для насъ какой-либо интересъ, такъ какъ извѣстно, что предметы, не имѣющіе отношенія къ нашему душевному состоянію или не представляющіе для насъ ничего новаго, совсѣмъ не привлекаютъ къ себѣ нашего вниманія.

Разсѣянность и ея виды. Очень часто мы склонны называть невнимательными такихъ людей, которые не въ состояніи сосредоточить вниманія на предметѣ, нами имъ предлагаемомъ. Даже при большихъ съ нашей стороны усиліяхъ, эти люди остаются почти безучастными къ познанію, которое мы стараемся имъ вну-

шить. Такихъ людей мы обыкновенно называемъ разсѣянными, считая такое состояніе ихъ души ихъ же органическимъ недостаткомъ, не поддающимся никакому исправленію. Но въ большинствѣ случаевъ подобныя сужденія наши оказываются сильно преувеличенными, а то даже и ошибочными, такъ какъ на самомъ дѣлѣ разсѣянность, обнаруживающаяся въ подобныхъ случаяхъ, не есть собственно недостатокъ, присущій человѣку, какъ основное душевное свойство, а является скорѣе общимъ видомъ невнимательности, проистекающей отъ указанныхъ выше общихъ условій. Въ этомъ же смыслѣ разсѣяннымъ часто называютъ человѣка, одареннаго отъ природы большимъ талантомъ, обладающаго способностью особеннаго сосредоточенія вниманія на одномъ излюбленномъ предметѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывающаго полную невнимательность ко всему тому, что выходитъ изъ области интересующаго его предмета. Въ подтвержденіе такого соображенія, можно привести примѣры изъ жизни знаменитыхъ писателей, которые въ большинствѣ случаевъ обнаруживали полное невниманіе и безучастное отношеніе къ предметамъ школьнаго преподаванія. Въ такомъ именно житейскомъ смыслѣ и понимается обыкновенно разсѣянность, какъ явленіе временное, непостоянное, могущее быть у всякаго.

Гораздо важнѣе другой видъ разсѣянности, какъ свойства человѣка, которое обусловливается присущими ему физиологическими и психологическими особенностями. Такая разсѣянность, составляющая явленіе, совершенно противоположное вниманію, какъ постоянное свойство, наблюдается весьма рѣдко. Причиной такого рода разсѣянности служатъ тѣже физиологическія условія непра-

вильности мозговой дѣятельности и, вообще, разстройства всей нервной системы, каковыя условія мы приводили выше для объясненія ослабленія или полного отсутствія вниманія. Такимъ образомъ, разсѣянность второго вида, какъ постоянное свойство человѣческой натуры, влечетъ за собою большіе умственные недостатки, выражающіеся въ отсутствіи прочныхъ свѣдѣній, определенныхъ убѣжденій и ясно сознаннаго направленія жизненной дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Дѣленіе душевныхъ явленій.

Классификація душевныхъ явленій на три класса. Единство душевной жизни.

Классификація душевныхъ явленій. Сложное устройство нервной системы и разнообразіе функцій ея частей порождаютъ чрезвычайное разнообразіе душевныхъ явленій или состояній сознанія. Если мы рассмотримъ наши душевныя состоянія въ разное время, то легко замѣтимъ, что они представляютъ различные признаки. Для удобства ихъ изученія мы стараемся сходныя явленія выдѣлять въ общую группу или, какъ говорятъ, классифицируемъ ихъ. При чемъ такія проявленія душевной дѣятельности, какъ познаваніе, память, разсужденіе и др., мы обыкновенно зовемъ умственными (интеллектуальными) процессами. Душевныя же явленія, выражающія горе, радость, любовь, ненависть и проч. причисляемъ къ категоріи, носящей названіе чувствованій или эмоцій. Наконецъ, такіе душевные процессы, какъ

намѣренія, рѣшенія и произвольные поступки мы называемъ волевыми дѣйствіями. Группируя, такимъ образомъ, сходныя душевныя явленія, мы распредѣляемъ весь обширный эмпирическій матеріалъ душевной жизни на три основные класса: 1) *явленія умственныя*, къ которымъ принадлежатъ различныя формы мыслительныхъ способностей, 2) *явленія чувственныя*, выражающіяся въ различныхъ формахъ внѣшней и внутренней чувствительности и 3) *явленія волевыя*, къ которымъ относятся различныя формы стремленій и дѣйствій; или проще говоря, эти три класса суть: *умъ, чувство и воля*. Всѣ эти 3 класса душевныхъ явленій разсматриваются отдѣльно только для болѣе удобнаго ихъ изслѣдованія.

Единство душевной жизни. Въ дѣйствительности же душевныя явленія такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что совпадаютъ въ каждомъ актѣ нашей сознательной жизни. Не происходитъ никакого умственного явленія, такъ чтобы оно не вызывало различныхъ чувствованій и вмѣпательства волевого мотива. Точно также не бываетъ ни однодо явленія чувствительности, которое не соединялось бы съ какимъ нибудь умственнымъ или волевымъ актомъ, т. е. не бываетъ такого чувства, которое бы не вызывало извѣстнаго напряженія вниманія, работы ума и дѣйствія воли; всякое чувство, соединяясь съ разными представленіями и мыслями, непременно должно выразиться въ опредѣленныхъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Наконецъ, немислимо какое волевое проявленіе безъ чувственныхъ явленій и интеллектуальныхъ представленій и мыслей.

Такимъ образомъ ясно, что раздѣленіе душевныхъ явленій на три класса и отдѣльное ихъ разсмотрѣніе

ничуть не должны нарушать цѣльности психическихъ актовъ, а скорѣе должны только уяснять и облегчать уразумѣніе полнаго единства и гармоніи душевной жизни.

Сообразно съ установленнымъ нами дѣленіемъ душевныхъ явленій, вся психологія подраздѣляется на три главныя части: **А. психологія познанія. В. психологія чувствованія и С. психологія воли.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Психологія познанія.

ГЛАВА VIII.

Ощущенія

Опредѣленіе ощущенія. Физическія и фізіологическія условія ощущеній. Психическій элементъ въ ощущеніяхъ. Взаимоотношенія внутреннихъ и вѣшнихъ условій. Дѣленіе ощущеній. Ощущенія органическія.

Опредѣленіе ощущенія. Источникомъ всякаго познанія служатъ всегда вѣшнія чувства. Для того, чтобы могла быть произведена какая-либо умственная работа, необходимъ матеріаль, доставляемый отдѣльными органами вѣшнихъ чувствъ, которыя въ данномъ случаѣ являются какъ бы окнами, пропускающими въ нашъ умъ вѣшній свѣтъ. Этотъ матеріаль состоитъ изъ ощущеній или впечатлѣній, въ видѣ обыкновенныхъ признаковъ предмета: цвѣта, свѣта, теплоты, холода, звука и т. п. Ощущенія или вѣшнія впечатлѣнія, служащая, такимъ образомъ, основнымъ и необходимымъ для ум-

ственной работы явленіемъ, находятся въ непосредственной зависимости отъ нервнаго процесса и вытекаютъ изъ возбужденія внѣшней оконечности чувствующаго черва, передающаго раздраженіе мозговымъ центрамъ. Такъ, возбужденіе какой-либо части кожи посредствомъ надавливанія или тренія даетъ начало ощущенію осязанія. Въ виду этого ощущеніями мы можемъ назвать первоначальные, простѣйшіе акты сознанія, слѣдующіе непосредственно за раздраженіемъ внѣшнихъ органовъ и дающіе намъ возможность входить въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Физическія и фізіологическія условія ощущеній. Для того, чтобы могло получиться какое-либо ощущеніе, прежде всего необходимо существованіе какого-либо внѣшняго явленія, физическаго тѣла или свойства тѣла, какъ причины ощущенія. Затѣмъ для ощущенія необходимы фізіологическія явленія, совершающіяся, какъ во внѣшнихъ органахъ и въ спеціальныхъ нервахъ, передающихъ полученное извнѣ раздраженіе нервнымъ центрамъ, — такъ равно и въ мозгу, гдѣ вслѣдствіе переданнаго раздраженія рождается ощущеніе. Такимъ образомъ, предварительными, необходимыми актами ощущенія служатъ всегда явленія физическія и фізіологическія.

Физическое условіе, необходимое для ощущенія, предполагаетъ присутствіе какого-либо внѣшняго явленія или предмета. Но при этомъ въ виду того, что органы наши не соединены непосредственно съ внѣшними предметами, отъ которыхъ мы получаемъ впечатлѣнія, необходима также и среда, въ видѣ окружающей насъ атмосферы, въ которой постоянно происходятъ движенія звуковыхъ и свѣтовыхъ волнъ, возбуждаю-

щихъ наши нервы и содѣйствующихъ образованію ощущеній. Съ другой стороны, фізіологическія явленія, служація необходимымъ условіемъ всякаго ощущенія, заключаются въ существованіи и здоровомъ состояніи внѣшнихъ органовъ и чувствующихъ нервовъ, такъ какъ при ихъ ненормальномъ состояніи ощущенія немислимы. Такъ на примѣръ, если поврежденъ глазъ или перерѣзанъ зрительный нервъ, то какъ бы сильно ни билъ свѣтовой лучъ въ нашъ глазъ, онъ всетаки не вызоветъ раздраженія, и, слѣдовательно, ощущенія никакого не будетъ.

Психическій элементъ въ ощущеніяхъ. Такъ какъ дѣйствующія на насъ постоянно фізическія явленія и предметы весьма разнообразны, то въ большинствѣ случаевъ ощущенія, производимыя внѣшними раздраженіями, остаются въ состояніи скрытомъ, внѣ нашего сознанія, и только малая часть ихъ успѣваетъ завладѣть нашимъ вниманіемъ и стать сознательными. Слѣдовательно, въ образованіи ощущеній весьма важную роль играетъ, кромѣ указанныхъ фізическихъ и фізіологическихъ актовъ, еще и моментъ психическій, такъ какъ раздраженіе, по какой-либо причинѣ не дошедшее до центра и не обратившее на себя *вниманія*, не переходитъ въ ощущеніе. Такимъ образомъ, ощущеніе есть явленіе психофізическое, требующее двоякаго рода условій: 1) *внѣшнихъ*, т. е. фізическихъ и фізіологическихъ и 2) условій внутреннихъ, *психическихъ*, т. е. вступленія раздраженія въ область сознанія.

Взаимоотношеніе внутреннихъ и внѣшнихъ условій. При образованіи ощущеній, отношенія между внѣшними и внутренними условіями не всегда могутъ быть одинаковы. Бываютъ случаи, когда фізическія и

физиологическія причины гораздо важнѣе психическихъ; не каждое раздраженіе воспринимается нами даже при самомъ напряженномъ вниманіи: для образованія ощущенія необходима извѣстная наименьшая величина раздраженія, при отсутствіи которой раздраженіе не возбуждаетъ ощущенія. Точно также существуетъ наибольшая величина, за предѣлами которой ощущеніе не усиливается, какъ бы ни увеличивали раздраженіе. Эти *minimum* и *maximum* раздраженія бывають у разныхъ людей различны сообразно съ мѣстными естественными условіями жизни, ихъ наследственными задатками и физическими свойствами; напр., обоняніе у собаки на охотѣ, острое зрѣніе и тонкій слухъ у дикарей. Когда же слуховое или свѣтовое раздраженіе доходитъ до крайней степени, то мы тогда ничего не видимъ и ничего не слышимъ, какъ напр., при сильныхъ звукахъ, насъ оглушающихъ, или сильномъ свѣтѣ, насъ ослѣпляющемъ.

Дѣленіе ощущеній. Ощущенія обыкновенно подраздѣляются на два разряда, смотря по тому, является ли раздраженіе извнѣ, подѣ влияніемъ разныхъ внѣшнихъ окружающихъ условій, или происходитъ оно внутри, вслѣдствіе различныхъ измѣненій, совершающихся въ нашемъ организмѣ. Въ первомъ случаѣ ощущенія называются *внѣшними* или *ощущеніями органовъ внѣшнихъ чувствъ*, а во второмъ—внутренними, *органическими*.

Прежде всего мы рассмотримъ ощущенія органическія, такъ какъ они представляются менѣе важными съ точки зрѣнія чисто психологической.

Органическія ощущенія. Ощущенія внутреннія или органическія составляютъ обыкновенно результаты какихъ либо внутреннихъ физиологическихъ отпавленій нашего организма, именно измѣненій сердца, легкихъ,

кишекъ, пищеваренія и кровообращенія и др. Къ подобнаго рода ощущеніямъ относятся: головокруженіе, нервная слабость, ощущенія голода, жажды, тошноты, ощущенія тепла и холода и различныхъ измѣненій температуры собственнаго тѣла. Ощущенія внутреннія представляютъ большія трудности для изученія, такъ какъ мы не въ состояніи свободно изслѣдовать раздраженіе, ихъ вызывающее, въ виду трудности его локализаци, т. е. указанія мѣстонахожденія.

Кромѣ того эти ощущенія, выражая собою только элементы удовольствія или боли, имѣютъ больше значенія для тѣлесной жизни и не представляютъ особеннаго интереса въ отношеніи умственной дѣятельности, въ процессѣ познавательномъ. Не играя важной роли въ отношеніи приобрѣтенія познаній, внутреннія ощущенія служатъ только общимъ показателемъ состоянія нашего организма, оказывая при этомъ сильное вліяніе и на душевное настроеніе человѣка.

ГЛАВА IX.

Ощущенія отдѣльныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Спеціальное назначеніе органовъ чувствъ. Значеніе внѣшнихъ ощущеній. Ощущенія обонанія. Ощущенія вкуса, слуха, зрѣнія и осязанія. Мускульныя ощущенія.

Спеціальное назначеніе органовъ чувствъ. Внѣшнія ощущенія обыкновенно приурочиваются къ пяти органамъ внѣшнихъ чувствъ: носу, языку, уху, глазу и кожѣ и получаютъ нами на периферіи (поверхности)

тѣла подѣ влияніемъ раздраженій этихъ органовъ, идущихъ изъ внѣшняго міра. Эти ощущенія подраздѣляются на слѣдующіе виды: 1) *ощущенія обонянія*, 2) *ощущенія вкуса*, 3) *ощущенія слуха*, 4) *ощущенія зрѣнія* и 5) *ощущенія осязательныя*, съ которыми обыкновенно соединяются и такъ называемыя *мышечныя* ощущенія. Каждый изъ этихъ органовъ чувствъ предназначенъ для воспріянія впечатлѣній извѣстнаго характера, всякій нервъ извѣстной природы нечувствителенъ къ воздѣйствіямъ несоотвѣтствующаго порядка: напримѣръ, зрительные нервы невоспріимчивы къ воспріятію слуховыхъ ощущеній и наоборотъ; язычный нервъ не возбуждается ароматическими благовоніями и т. п. Каждая категорія нервовъ выбираетъ изъ окружающей среды только тѣ впечатлѣнія, которыя исключительно ей соотвѣтствуютъ.

Значеніе внѣшнихъ ощущеній. Такое разграниченіе внѣшнихъ впечатлѣній въ значительной степени содѣйствуетъ наилучшему познаванію предметовъ и явленій окружающей среды, но не всѣ ощущенія имѣютъ одинаковое значеніе для нашей духовной жизни. Ощущенія обонянія и вкуса, доставляя только чувства пріятнаго и непріятнаго и, служа, главнымъ образомъ, цѣлямъ тѣлесной жизни, представляютъ собою категорію ощущеній низшаго порядка, — ощущенія же слуха, зрѣнія и обонянія относятся, наоборотъ, къ явленіямъ высшаго порядка и имѣютъ огромное значеніе въ нашей интеллектуальной жизни, представляя реальную возможность общенія человѣка со всѣми явленіями и предметами окружающей среды и служа главнымъ матеріаломъ для болѣе сложныхъ процессовъ познавательной дѣятельности.

Ощущенія обонянiя. Ощущенiя обонянiя происходятъ вслѣдствiе раздраженiя нервовъ, расположенныхъ подъ тонкой кожицей внутренней носовой полости. Вещество, вызывающее раздраженiе, втягивается нами вмѣстѣ съ воздухомъ при дыханiи, и, такимъ образомъ, возникаютъ ощущенiя всякаго рода запаховъ. Хотя, какъ было сказано выше, ощущенiя обонянiя и не представляютъ явленiй интеллектуальнаго порядка, но всетаки очень часто и запахъ служитъ довольно важнымъ практическимъ средствомъ для распознаванiя отличительныхъ свойствъ предметовъ: напр., при анализахъ и классификаци, химики пользуются запахами тѣлъ для установленiя различiя между ними.

Ощущенiя вкуса. Ощущенiя вкуса образуются вслѣдствiе возбужденiя вкусовыхъ нервовъ, развѣтвляющихся въ задней поверхности языка. Главные виды вкуса слѣдующiе: сладкiй, кислый, соленый и горькiй. Очень часто особые оттѣнки и различiя во вкусовыхъ ощущенiяхъ зависятъ отъ сопровождающихъ ихъ запаховъ; это значитъ, что прiятный запахъ какой-нибудь пищи усиливаетъ ея вкусовое ощущенiе. О значенiи вкусовыхъ ощущенiй для душевной жизни было указано выше. Что же касается роли и значенiя вкуса въ обыденной жизни, то нужно сказать, что подобно обонянiю и вкусовое ощущенiе можетъ служить довольно важнымъ подспорьемъ при опредѣленiи признаковъ и свойствъ различныхъ предметовъ.

Ощущенiя слуха. Ощущенiя слуха обыкновенно возбуждаются звуковыми волнами воздуха, которыя, ударяясь о барабанную перепонку, проникаютъ въ ухо и раздражаютъ звуковой нервъ. Слуховыя ощущенiя обыкновенно подраздѣляются на 2 рода: на *тоны* (или

музыкальные звуки) и *шумъ*. Тоны или музыкальные звуки получаются въ томъ случаѣ, когда происходитъ равномерное и правильное движеніе волнъ воздуха; въ виду происходящаго черезъ это опредѣленнаго и правильнаго соотношенія и чередованія тѣхъ или иныхъ тоновъ, мы способны постигать всю прелесть музыки. Шумъ же является результатомъ неперіодическихъ и неправильныхъ воздушныхъ колебаній. Въ виду разнообразія и смѣшенія звуковыхъ волнъ, вызывающихъ шумъ, человѣческое ухо не въ состояніи различать составныхъ частей этихъ ощущеній. Поэтому шумъ невозможно расположить въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ размѣщаются музыкальные звуки.

Кромѣ того надо различать еще особый классъ звуковыхъ ощущеній, вызываемыхъ членораздѣльными звуками человѣческаго голоса. Эти ощущенія, воспринимая чуждый языкъ намъ подобныхъ людей, дѣлаютъ для насъ возможнымъ пользованіе словесной рѣчью и облегчаютъ намъ сношенія съ окружающими насъ лицами. Изъ всѣхъ средствъ для обмѣна мыслей, желаній и чувствъ между людьми словесная рѣчь служитъ самымъ удобнѣйшимъ способомъ, являясь всегда сочетаніемъ разнообразныхъ членораздѣльных звуковъ.

Ощущенія зрѣнія Ощущенія зрѣнія происходятъ отъ раздраженія глаза разными внѣшними причинами и подраздѣляются на ощущенія *свѣта* и *цвѣта*. Но съ этими ощущеніями мы также соединяемъ понятія о протяженности или пространствѣ, разстояніи, глубинѣ и размѣрѣ предметовъ. При чемъ изъ этихъ ощущеній цвѣтъ и пространство являются непосредственнымъ, естественнымъ объектомъ зрительныхъ органовъ; иначе говоря, распознаваніе цвѣтовъ и протяженности соста-

влияють прирожденное намъ свойство, заключающееся въ томъ, что мы, пользуясь особымъ устройствомъ нашего глаза, т. е. обладая способностью поворачивать глаза то вправо то влѣво, увеличиваемъ, такимъ образомъ, поле нашего зрѣнія. Что же касается разстоянія, глубины, размѣра и формы предметовъ, то ихъ распознаваніе пріобрѣтается нами постепенно только послѣ долговременнаго наблюденія и умственнаго напряженія, вслѣдствіе чего и составляютъ такъ называемыя *пріобрѣтенныя* ощущенія зрѣнія. Последнее соображеніе прежде всего подтверждается примѣромъ изъ жизни ребенка, который долгое время обнаруживаетъ большую неточность въ опредѣленіи разстоянія, очень часто протягивая руку, чтобы схватить предметъ, далеко отъ него находящійся. Кроме того это подтверждается и многочисленными опытами, произведенными въ разное время надъ слѣпорожденными, которымъ было возвращено зрѣніе. Опыты эти показываютъ, что слѣпорожденные въ моментъ прозрѣнія послѣ операціи не имѣли никакого представленія ни о глубинѣ, ни о разстояніи, ни о формѣ предметовъ. Всѣ видимые предметы представлялись имъ на одномъ и томъ же планѣ въ видѣ пластинокъ; они не отличали плоскости отъ шара, четырехугольникъ отъ куба и только благодаря осязанію научались отличать плоскость отъ массивныхъ предметовъ. Точно также они имѣли весьма неправильное представленіе о разстояніи, ходили съ величайшей осторожностью, такъ какъ всѣ видимые предметы имъ казались расположенными непосредственно передъ глазами. Только, послѣ большихъ усилій и долговременныхъ наблюденій, они начинали составлять себѣ вѣрное представленіе о разстояніи между предметами.

Ощущенія осязанія. Ощущенія осязанія представляютъ изъ себя впечатлѣнныя, получаемыя нами отъ прикосновенія къ нашей кожѣ различныхъ предметовъ. Вся кожа, покрывающая поверхность нашего тѣла, обладаетъ общей чувствительностью относительно осязанія и можетъ, вообще, служить органомъ осязанія, но изъ всѣхъ частей тѣла особенной чувствительностью къ впечатлѣнныямъ прикосновенія отличаются рука и, главнымъ образомъ, внутренняя поверхность пальцевъ.

Осязательныя ощущенія довольно многоразличны. Различаютъ обыкновенно два главныхъ разряда такихъ ощущеній: 1) ощущенія *поверхности* предметовъ (различіе шереховатаго и полированного, тупого и остраго и т. п.) и 2) ощущенія температуры (холоднаго, горячаго и теплаго). „Осязаніе отличается отъ остальныхъ чувствъ той особенностью, что, будучи распространено по всей поверхности тѣла, оно никогда не уничтожается совершенно. Есть глухіе, слѣпые отъ рожденія или случайно, но нѣтъ живого существа, совершенно лишеннаго чувства осязанія, и благодаря этому чувству многіе обходятся безъ зрѣнія и слуха и, даже, достигаютъ, (какъ напр., Лаура Бриджманъ), того, что пишутъ, читаютъ и разговариваютъ посредствомъ знаковъ.“

Третій классъ осязательныхъ ощущеній составляютъ тѣ ощущенія, въ которыхъ осязаніе соединяется съ мускульнымъ чувствомъ. Сюда относятся ощущенія: *спротивленія, тяжести и давленія*. Мускульное (или, какъ нѣкоторые психологи называютъ, мышечное) ощущеніе происходитъ отъ раздраженія особыхъ чувствительныхъ нервовъ, оканчивающихся въ мускулахъ, ка-

*) Коммерс—стр. 104.

ковое раздраженіе является результатомъ напряженія и усилія этихъ органовъ, именно, при поврежденіяхъ, ушибахъ, ранахъ, усталости и покоѣ. Хотя мускульныя ощущенія очень часто и смѣшиваются съ осязательными ощущеніями, но всетаки у насъ всегда есть возможность сдѣлать ихъ достояніемъ сознания путемъ различныхъ опытовъ. Напр., если помѣститъ кончикъ пальца на какой-нибудь твердый предметъ и надавливать все сильнѣе и сильнѣе, то мы получимъ не только осязательныя ощущенія, возникающія отъ прикосновенія, но и болѣе сильныя ощущенія, проистекающія отъ напряженія мускуловъ. Кромѣ того, вслѣдствіе сжиманія и разжиманія, сокращенія и растягиванія мускуловъ, происходитъ раздраженіе чувствующихъ нервовъ, и результатомъ послѣдняго появляется то или иное *движеніе*. Обыкновенно различаютъ ощущенія *движеній пассивныхъ* (ѣзда въ экипажѣ) и *активныхъ*, — медленныхъ и быстрыхъ, — ускоряющихся или замедляющихся. Ощущенія движенія иначе называются еще *моторными* ощущеніями.

ГЛАВА X.

Качество и интенсивность ощущеній.

Качество ощущеній. Отношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Психофизическій законъ Вебера. Относительность ощущеній.

Качество ощущеній. Ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ бываютъ весьма разнообразны и отличаются другъ отъ друга: 1) *по качеству* и 2) *по силѣ или интенсивности*. Различіе ощущеній по качеству выражается въ томъ, что мы ощущенія одного органа чувствъ

различаемъ отъ ощущеній другого органа или среди ощущеній одного и того же органа чувствъ отличаемъ ощущенія разнородныя: напр., мы различаемъ звукъ отъ свѣта, запахъ отъ вкуса,—ощущеніе синяго цвѣта отъ ощущенія краснаго цвѣта и т. д. Кроме того разница между ощущеніями происходитъ отъ увеличенія или усиленія раздраженій.

Отношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Чѣмъ сильнѣе раздраженіе, тѣмъ ощущеніе напряженнѣе, и, наоборотъ, съ уменьшеніемъ раздраженія, ослабѣваетъ интенсивность ощущеній. Такое сравнительное разсмотрѣніе различныхъ ощущеній привело изслѣдователей къ возможности установленія закона, указывающаго на зависимость измѣненій интенсивности ощущеній отъ величины и силы раздраженія.

Психофизическій законъ Вебера. Среди изслѣдованій психологовъ по вопросу объ установленіи такого закона главное мѣсто занимаютъ психофизическіе опыты знаменитаго нѣмецкаго фізіолога Вебера. Для производства опыта по тому способу, которымъ пользовался Веберъ, берутъ обыкновенно два одинаковыхъ предмета такъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ вѣсъ по 1 фунту, и велятъ субъекту, надъ которымъ хотятъ произвести опытъ, протянуть руку на столъ, при чемъ эта протянутая рука отъ самого субъекта должна быть закрыта. Тогда ему ставятъ на протянутую руку эти предметы поочередно; онъ, конечно, ощущаетъ одинаковыя тяжести. Если незамѣтно для испытуемаго будутъ прибавлять къ одному изъ этихъ предметовъ по одному золотнику, то разность въ тяжести предметовъ испытуемый почувствуетъ только тогда, когда разность между вѣсами будетъ не менѣе 32 золотниковъ, т. е.

$\frac{1}{3}$ фунта; именно въ послѣднемъ случаѣ онъ почувствуетъ, что одинъ предметъ сталь едва замѣтно тяжелѣе другого. Взявши же предметы втрое тяжелѣе прежнихъ, т. е. по 3 фунта вѣса каждый, замѣчаютъ разницу въ тяжести предметовъ только въ томъ случаѣ, когда къ одному изъ этихъ предметовъ прибавлено добавочнаго вѣса въ 96 золотн. ($32 \text{ зол.} \times 3$). Итакъ въ первомъ опытѣ надо было прибавить для едва замѣтнаго приращенія ощущенія 32 зол., а во второмъ — 96 золотн., т. е. $\frac{1}{3}$ основного вѣса. Это значитъ, что едва замѣтное приращеніе интенсивности ощущенія происходитъ тогда, когда данный вѣсъ увеличивается на одну треть самого себя. Исслѣдованія другихъ экспериментаторовъ также показали, что и въ свѣтовыхъ, звуковыхъ и другихъ ощущеніяхъ замѣчается тоже самое явленіе, т. е. что для каждаго рода ощущеній минимальное приращеніе интенсивности происходитъ при опредѣленномъ приращеніи силы раздраженія; но только для разныхъ родовъ ощущеній это опредѣленное и постоянно относительное приращеніе силы раздраженія, вызывающее минимальное приращеніе интенсивности ощущенія, имѣетъ разныя величины: для давленія, по опытамъ Вебера, равна $\frac{1}{3}$, для звука также $\frac{1}{3}$, а для свѣта — $\frac{1}{100}$. Напр., если мы имѣемъ поверхность, освѣщенную ста свѣчами, то прибавленіе одной свѣчи уже произведетъ минимальную — едва замѣтную разницу въ яркости освѣщенія; при 1000 свѣчахъ для минимальнаго приращенія освѣщенности необходимо добавить 10 свѣчей и т. д.

Относительность ощущеній. Какъ въ древности, такъ и въ новѣйшее время философы высказывали мысль объ относительности и обусловленности внѣшнихъ ощущеній. Истинность ощущеній и внѣшнихъ впечатлѣній

находится въ прямой зависимости отъ организаци и
общаго состоянія нашихъ органовъ чувствъ. Болѣз-
ненное состояніе органовъ чувствъ отражается на из-
мѣняемость ощущеній: человѣку, страдающему желтухой,
всѣ предметы представляются въ желтомъ цвѣтѣ, точно
также болѣзнь глазъ, извѣстная подъ именемъ „даль-
тонизма“, дѣлаетъ человѣка неспособнымъ отличать крас-
ный цвѣтъ. Такимъ же образомъ не у всѣхъ людей
бываютъ одинаковы ощущенія другихъ органовъ чувствъ:
то, что кажется тяжелымъ для одного, можетъ быть
совсѣмъ нечувствительнымъ для другого; пища, которая
кажется вкусной одному, можетъ показаться другому
совершенно безвкусной и т. д. Значить, ощущенія
внѣшнія не даютъ намъ абсолютныхъ познаній, они но-
сятъ всегда субъективный характеръ, не представляя
нисколько копій вызывающихъ ихъ физическихъ явленій
и предметовъ. Ощущенія суть только знаки, дающіе
намъ возможность знакомиться съ внѣшнимъ міромъ.
Въ предметахъ и явленіяхъ міра физическаго, вызыва-
ющихъ въ насъ впечатлѣнія, не заключается ни сла-
дости, ни горькости, ни цвѣта, ни звука, ни теплоты;
всѣ эти свойства предметовъ существуютъ настолько,
насколько мы ихъ воспринимаемъ посредствомъ нашихъ
органовъ чувствъ: не будь слуха, не было бы и зву-
ковъ, точно также безъ органа зрѣнія не было бы ни
свѣта ни цвѣта. Существовать съ иными, чѣмъ у насъ,
органами, а также людямъ, лишеннымъ нѣкоторыхъ ор-
гановъ чувствъ, міръ долженъ представляться совершен-
но инымъ, чѣмъ намъ.

ГЛАВА XI.

Воспріятія.

Понятіе о воспріятіи. Отличіе ощущеній отъ воспріятій.
Апперцепція. Обманы чувствъ (иллюзіи).

Понятіе о воспріятіи. Мы выдѣляемъ ощущенія въ особый отдѣлъ душевныхъ явленій только для болѣе удобнаго ихъ разсмотрѣнія. На самомъ же дѣлѣ ощущенія вовсе не представляютъ изъ себя такихъ душевныхъ явленій, которыя кто-либо могъ бы испытать самостоятельно, помимо другихъ состояній сознанія. Наша познавательная дѣятельность представляется настолько сложной, что никогда состояніе сознанія не можетъ обходиться однимъ только ощущеніемъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ. Подъ именемъ ощущеній мы разумѣемъ только первые сознательные результаты проникновенія внѣшнихъ раздраженій въ нашъ мозгъ, прежде чѣмъ еще эти раздраженія успѣли вызвать въ мозгу болѣе сложный психическій процессъ. Но испытываніе такихъ непосредственныхъ ощущеній является совершенно невысказаннымъ, такъ какъ въ нашей жизни вовсе не бываетъ такого момента, который былъ бы предназначенъ только для полученія внѣшнихъ впечатлѣній. До пріобрѣтенія новыхъ ощущеній нашъ мозгъ уже обладаетъ достаточнымъ запасомъ прежнихъ впечатлѣній, скомбинированныхъ и расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, и новое ощущеніе можетъ только послужить новымъ стимуломъ, вносящимъ нѣкоторое разнообразіе въ комбинацію преждепріобрѣтенныхъ впечатлѣній. Такимъ образомъ, для взрослого человѣка съ уже разви-

тымъ умственнымъ процессомъ непосредственныя ощущенія немислимы. Только въ мозгу новорожденного ребенка, совершенно лишенномъ всякихъ впечатлѣній, внѣшнее раздраженіе порождаетъ абсолютно чистое, непосредственное ощущеніе. Изъ сказаннаго должно быть ясно, что чистое ощущеніе всегда связано съ другими душевными состояніями и дополняется познаніями, составляющими продуктъ работы сопровождающихъ его умственныхъ способностей. Такъ, ощущая черезъ посредство органовъ чувствъ такіе внѣшніе признаки и свойства, какъ цвѣтъ, запахъ, звукъ и др., мы не ограничиваемся такими отдѣльными ощущеніями, вовсе не дающими намъ знанія о предметѣ, а стараемся складывать свои впечатлѣнія и изъ совокупности такихъ ощущеній получаемъ познанія. Такъ, узнаваніе всякаго предмета заключаетъ въ себѣ соединеніе разнообразныхъ, зрительныхъ, осязательныхъ и вкусовыхъ ощущеній. Напр., камень, который я держу въ рукахъ, является для меня результатомъ совокупности различныхъ ощущеній. Я ощущаю тяжесть камня, его шереховатость, твердость и другія его свойства. Эти качества должны быть соединены въ одно цѣлое для узнаванія настоящаго предмета. Точно также, если мы видимъ предъ собою яблоко, то мы имѣемъ цѣлую совокупность ощущеній цвѣта, формы, величины и запаха, съ которыми соединяются также представленія объ извѣстномъ вкусѣ и извѣстныхъ осязательныхъ качествахъ. Всѣ эти ощущенія мы разсматриваемъ, какъ свойства внѣшняго предмета, который мы называемъ яблокомъ. Такой душевный процессъ, выражающійся въ связываніи и сочетаніи различныхъ ощущеній для опредѣленія предмета, мы называемъ *воспріятіемъ*. Сознваніе отдѣльныхъ ка-

чества и признаковъ предметовъ есть результатъ ощущеній, а совокупность этихъ признаковъ и качествъ составляетъ воспріятіе.

Такимъ образомъ, въ сравненіи съ ощущеніемъ воспріятіе представляетъ изъ себя болѣе сложную и высшую ступень познания.

Апперценція. Сверхъ того, какъ выше сказано, въ виду существованія въ нашемъ мозгу уже раньше приобрѣтенныхъ и скомбинированныхъ въ извѣстномъ порядкѣ представленій предметовъ и ихъ свойствъ, мы постоянно мысленно дополняемъ новыя воспріятія этихъ предметовъ прежде усвоенными признаками и свойствами ихъ и, такимъ образомъ, имѣемъ полную возможность составить о нихъ болѣе ясное и цѣльное представленіе. Такого рода сложный психическій процессъ, заключающійся въ поясненіи и восполненіи воспріятія какими либо предшествующими состояніями сознанія, называется обыкновенно *апперценціей*.

Апперценція облегчаетъ нашу познавательную дѣятельность, упрощая и сокращая постоянное детальное ознакомленіе съ предстоящими предметами и ихъ отдѣльными признаками. Воспринимая одно какое-либо свойство предмета или ознакомившись съ одной какой-либо его стороною, мы уже не нуждаемся всякій разъ въ детальномъ разсмотрѣніи остальныхъ сторонъ этого предмета, а дополняемъ свое воспріятіе уже существующими въ нашемъ сознаніи представленіями. Съ другой стороны апперценція даетъ намъ возможность разобратся, оріентироваться въ получаемыхъ нами многочисленныхъ воспріятіяхъ, пользуясь одними изъ нихъ и оставляя безъ всякаго вниманія другія.

Иллюзіи. Но при всемъ своемъ благотворномъ

вліяніи, апперцепція иногда порождаетъ особыя душевныя состоянія, выражающія ошибки или обманы чувствъ. Эти состоянія обыкновенно происходятъ, какъ отъ различныхъ внѣшнихъ условій, такъ равно и отъ причинъ, проистекающихъ вслѣдствіе особенностей нашей внутренней организаціи. Эти обманы чувствъ носятъ названіе *иллюзій*.

Иллюзіей мы называемъ всякое ложное воспріятіе или воспріятіе, несоотвѣтствующее дѣйствительности. Иллюзіи наблюдаются во всѣхъ областяхъ чувственныхъ воспріятій, но чаще всего проявляются въ области зрѣнія, слуха и осязанія. При чемъ различаются двѣ группы иллюзій: къ первой группѣ относятся постоянныя иллюзіи, которыя возникаютъ отъ извѣстныхъ физическихъ условій и которымъ могутъ быть подвержены всѣ люди.

Для иллюстраціи подобнаго рода иллюзій приведемъ слѣдующіе примѣры. Если, напр., скрестить два пальца и катать между ними горошину или другой небольшой предметъ, то онъ покажется двойнымъ. Когда мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ, то всѣ неподвижные предметы, видимые нами въ окно, кажутся намъ какъ бы скользящими въ противоположномъ направленіи; или когда мы находимся въ вагонѣ стоящаго на станціи поѣзда, и передъ нашимъ поѣздомъ начинаетъ двигаться другой поѣздъ, то намъ всегда кажется, что мы начали двигаться, а другой поѣздъ стоитъ неподвижно; при этомъ стоитъ только намъ увидѣть черезъ окна движущихся вагоновъ часть станціи, какъ иллюзія нашего собственнаго движенія мгновенно пронадаетъ, и мы тотчасъ же замѣчаемъ движеніе другого поѣзда.

Другую группу составляютъ тѣ иллюзіи, при кото-

рыхъ мы воспринимаемъ ложный объектъ или чувствуемъ не то, что на самомъ дѣлѣ находится передъ нашими глазами, а то, чѣмъ нашъ умъ всецѣло занятъ въ данную минуту и что мы хотѣли бы видѣть или слышать. Въ такомъ состояніи всякое ощущеніе, хоть сколько-нибудь связанное съ занимающимъ нашъ умъ предметомъ, порождаетъ въ насъ ложное, не соответствующее дѣйствительности впечатлѣніе.

Подобнаго рода иллюзіи люди испытываютъ подъ вліяніемъ сильнаго страха. „У страха глаза велики“, говоритъ пословица. Всякій, ожидающій въ сильномъ страхѣ появленія чего-нибудь въ темномъ мѣстѣ, любое ложное впечатлѣніе готовъ принять за дѣйствительное присутствіе ожидаемаго явленія; какъ напр., почти всегда подвержены зрительнымъ или звуковымъ иллюзіямъ суевѣрные люди, спѣшащіе черезъ лѣсъ или кладбище въ лунную ночь, — преступники, укрывающіеся отъ преслѣдователей и т. п.

Очень часто въ возникновеніи иллюзій важную роль играетъ внушеніе. Бываютъ случаи, когда одно появленіе доктора или авторитетное его слово, сказанное больному, можетъ въ значительной степени облегчить страданіе послѣдняго; или иногда въ комнатѣ мы жалуемся на духоту, воображая, что вентиляторъ закрытъ, когда же на самомъ дѣлѣ оказывается, что онъ открытъ, то ощущеніе духоты пропадаетъ.

ГЛАВА XII.

Сохраненіе и воспроизведеніе впечатлѣній.

Способность сохраненія. Представленіе. Репродукція. Отличіе представленій отъ ощущеній. Галлюцинаціи. Ослабленіе силы представленій. Забвеніе. Припоминаніе неполное и полное.

Способность сохраненія. Дѣятельность человѣческаго разума не заключается только въ одномъ приобрѣтеніи новыхъ знаній. Ощущенія и воспріятія, какъ мгновенныя приобрѣтенія, исчезаютъ съ поля нашего сознанія, съ удаленіемъ предмета раздраженія, и потому не могутъ дать намъ прочнаго знанія. Знаніе должно являться постоянной собственностью, которою мы могли бы пользоваться во всякое время, находится ли предметъ раздраженія на лицо или нѣтъ. Возможность такого постояннаго пользованія внѣшними впечатлѣніями зависитъ отъ очень важнаго душевнаго свойства, называемаго способностью *удерживанія* или *сохраненія* уже приобрѣтенныхъ познаній.

Представленіе. Ощущенія и воспріятія, получаемыя нами постоянно и смѣняющіяся ежеминутно, исчезаютъ не вдругъ. Между первымъ появленіемъ и полнымъ исчезновеніемъ ихъ проходитъ болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіе котораго они постепенно теряютъ силу или интенсивность. Красный цвѣтъ зари, ощущаемый мною вечеромъ, передъ захожденіемъ солнца, продолжаетъ существовать въ моемъ сознаніи и послѣ заката солнца, т. е. послѣ прекращенія раздраженія; но сила и яркость этого ощущенія, съ каждымъ днемъ все болѣе ослабѣваетъ, и у меня въ

сознаніи остается только общій образъ заходящаго солнца. Такой общій умственный образъ, сохраняющійся въ сознаніи отъ получаемыхъ нами въ разное время внѣшнихъ впечатлѣній, называется *представленіемъ*.

Воспроизведеніе. Эти душевные образы или представленія, остающіеся отъ внѣшнихъ впечатлѣній, обладаютъ также способностью возобновляться и повторяться всякій разъ, когда къ тому представляется случай. Умственный процессъ, благодаря которому мы имѣемъ возможность возстановлять уже имѣющіеся образы предметовъ или представленія, мы называемъ *воспроизведеніемъ* или *репродукціей*. А та душевная способность, посредствомъ которой происходитъ удерживаніе и сохраненіе впечатлѣній, а также и ихъ воспроизведеніе, — принято называть *памятью*.

Отличіе представленій отъ ощущеній. Представленіе, собственно говоря, есть удержанное и сохраненное ощущеніе или воспріятіе. Слѣдовательно, по природѣ оно тождественно съ ощущеніями. Ощущая цвѣтъ, цвѣтъ и представляемъ; чего не было въ ощущеніи, того не можетъ быть въ представленіи. Представленія отличаются отъ ощущеній только въ степени; представленіе всегда слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ ощущеніе. Когда, напр., я непосредственно смотрю на какой-либо предметъ, то всѣ подробности этого предмета видны мнѣ живо и ясно; представленіе же объ этомъ предметѣ уже не можетъ отличаться тою же ясностью и живостью, такъ какъ изъ ощущенія исчезли уже его подробности. Очень часто умственные образы или представленія пріобрѣтаютъ яркость и живость ощущеній, когда именно сами становятся какъ бы физическими причинами раздраженія органовъ чувствъ. Въ такомъ

случаѣ мы имѣемъ дѣло съ состояніемъ разстроеннаго сознанія, которое порождаетъ особенныя ненормальныя душевныя явленія, извѣстныя подъ именемъ *галлюцинацій*.

Галлюцинаціи. Это чисто субъективныя воспріятія, совершенно не имѣющія никакой реальной подкладки. Когда мы увѣрены, что видимъ, убѣждены, что слышимъ, а на самомъ дѣлѣ совершенно нѣтъ этихъ видимыхъ и слышимыхъ предметовъ, то такія состоянія сознанія мы и называемъ галлюцинаціями. Галлюцинаціи происходятъ вслѣдствіе того, что при ненормальномъ состояніи или сильномъ нервномъ возбужденіи зрительный нервъ дѣйствуетъ какъ бы подъ вліяніемъ свѣтящагося тѣла, являющагося результатомъ простой экзальтаціи воображенія, а мозгъ въ свою очередь создаетъ уже образъ, какъ бы соотвѣтствующій дѣйствительности, а на самомъ дѣлѣ являющійся только призракомъ. *) Иначе говоря, при галлюцинаціяхъ предметомъ раздраженія зрительнаго нерва служить не какая-нибудь дѣйствительная физическая причина, а только воображаемое явленіе, которое составляетъ плодъ сильнаго разложенія и воспаленія мозговой коры, или дѣйствія на мозгъ сильныхъ средствъ: какъ-то опиума, алькоголя, хлороформа и др. При этомъ, хотя и не всегда есть возможность въ точности указать причины, вслѣдствіе которыхъ галлюцинаціи чаще всего проявляются въ области одного изъ высшихъ чувствъ, но всетаки въ этомъ отношеніи можно отмѣтить, какъ общеизвѣстные факты, что долговременное одиночество располагаетъ къ галлюцинаціямъ слуха, продолжительное пребываніе въ

*) Коппере, 105.

потьмахъ—къ зрительнымъ галлюцинаціямъ. Объясняются такія явленія, по мнѣнію физиологовъ, тѣмъ, что отсутствіе чувственныхъ раздраженій повышаетъ раздражительность центральныхъ чувственныхъ областей.

Кромѣ того, по мнѣнію тѣхъ же представителей физиологической психологіи, въ томъ же смыслѣ вліяетъ и чрезмѣрное раздраженіе органовъ чувствъ; такъ у живописцевъ наблюдаются преимущественно галлюцинаціи зрѣнія, у музыкантовъ—галлюцинаціи слуха. Долгія занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ могутъ придать живость галлюцинаціи какому-нибудь спеціальному образу воспоминанія. *).

Ослабленіе силы представленій. Постепенное уменьшеніе ясности и живости представленій происходитъ вслѣдствіе двоякаго рода обстоятельствъ:

1) Отъ того, что многія представленія склонны ослабѣвать и становиться менѣ яркими по мѣрѣ того, какъ проходитъ время. Это значитъ, что впечатлѣніе свѣжее, недавнее воспроизводится ярче и яснѣе, тогда какъ представленія, давнишнія или плохо закрѣпленныя, съ теченіемъ времени ступшеваются, а иногда и вовсе пропадаютъ.

2) За время своего существованія человѣкъ испытываетъ массу ощущеній и пріобрѣтаетъ все новыя и новыя познанія. Въ силу такого обстоятельства преждепріобрѣтенныя впечатлѣнія, не будучи возстановляемы, все болѣе отходятъ на задній планъ, а то и гибнутъ безъ возврата, вслѣдствіе невозможности удержать памятью все, что въ разное время пріобрѣтается сознаніемъ.

Забвеніе. Такъ съ памятью связано всегда и

*) Вундтъ: Основанія физиологической психологіи, стр. 903.

забвеніе, которое можетъ быть окончательнымъ и временнымъ. Окончательное забвеніе есть уничтоженіе образовъ и представленій, проистекающее отъ указанныхъ выше причинъ и сравнительно рѣдко наблюдаемое. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ этомъ случаѣ служитъ забвеніе временное, происходящее вслѣдствіе безчисленнаго множества получаемыхъ въ разное время впечатлѣній и умственныхъ образовъ.

Полное и неполное припоминаніе. Одна память обладаетъ способностью будить и вызывать къ жизни забытыя навремя идеи и познанія.

Но память не всегда проявляется въ одинаковой степени. Знакомыя вещи и познанія не всегда возобновляются полностью въ памяти; поэтому надо различать неполное припоминаніе отъ полного. Неполное вспоминаніе обыкновенно называется просто *припоминаніемъ*, а полное *узнаваніемъ*. Если въ нашемъ умѣ возникаетъ какое либо представленіе, и мы никакъ не можемъ дать себѣ отчета, есть ли это представленіе воспроизведеніе прежняго, уже испытаннаго впечатлѣнія или нѣтъ, — то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простымъ припоминаніемъ. Настоящая же функція памяти заключается въ узнаваніи, въ перенесеніи впечатлѣній изъ прошлаго въ настоящее.

ГЛАВА XIII.

Ассоціація идей.

Понятіе объ ассоціаціи. Принципы ассоціаціи. Принципы смежности. Принципы сходства и контраста.

Понятіе объ ассоціаціи. Представленія, остающіяся въ нашемъ умѣ въ видѣ умственныхъ образовъ,

группируются въ известномъ порядкѣ и образуютъ разнообразныя сочетанія. При всей своей кажущейся разрозненности и беспорядочности, всѣ сохраняющіяся въ нашемъ умѣ впечатлѣнія и познанія всегда связаны другъ съ другомъ какою-либо невидимой связью и отличаются известной послѣдовательностью. „Подобно тому, какъ въ мірѣ физическомъ одни явленія происходятъ отъ другихъ, вызываются другими, точно также и въ мірѣ духовномъ однѣ мысли вызываются другими. Каждое послѣдующее состояніе сознанія опредѣляется предшествующимъ ему состояніемъ.“ Если же иногда и приходится во время размышленія останавливаться на мысли, связь которой съ предшествующими мыслями или представленіями не сразу можетъ быть нами установлена, то это нисколько не указываетъ на обособленность и отрывочность данной мысли, но служитъ только показателемъ сложности познаній и трудноуловимой связи ихъ съ другими психическими состояніями. Такое именно соединеніе представленій на почвѣ правильной послѣдовательности, составляющее основное и непремѣнное свойство нашего интеллекта, обыкновенно называется *ассоціаціей идей* или *представленій*.

Принципы ассоціацій. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ на самомъ дѣлѣ происходятъ эти соединенія представленій, что именно служитъ главнымъ основаніемъ ихъ систематическаго распредѣленія, во всѣ времена занималъ философовъ, старавшихся уяснить себѣ этотъ главный законъ нашего психическаго процесса и дать болѣе или менѣе правильное объясненіе.

Устанавливаютъ обыкновенно два основныхъ принципа ассоціацій: 1) *принципъ смежности* въ смыслѣ сосуществованія или непосредственнаго слѣдованія идей въ созна-

ніи и 2) *принципъ смежности*. Принципъ смежности выражается, во 1-хъ, въ соединеніи представленій по единству мѣста (принципъ сосуществованія или совмѣстности) и во 2-хъ, въ сочетаніи ихъ по единству времени (принципъ послѣдовательности). Два представленія, сохранившіяся въ нашемъ умѣ совмѣстно, имѣющія предварительное сосуществованіе въ сознаніи, приобрѣтаютъ свойство вспоминаться вмѣстѣ, и чѣмъ чаще идеи соединялись въ нашемъ сознаніи, тѣмъ сильнѣе будетъ проявляться стремленіе къ ихъ совмѣстному воспроизведенію. Такими группами представленій могутъ быть, напр., море и песчаный берегъ, рѣка и перекинутый черезъ нее мостъ, высокая гора и видъ, открывающійся съ ея вершины на окрестности и др.

Точно такимъ же образомъ впечатлѣнія о предметахъ и явленіяхъ, усвоенныя нами одновременно или въ какой либо хронологической послѣдовательности, вспоминаются нами въ такомъ же порядкѣ и въ такой же связи, какая существовала между ними въ моментъ запоминанія.

Къ этимъ же категоріямъ ассоціацій относятся также и ассоціаціи, происходящія отъ послѣдовательности причины и слѣдствія. Извѣстное слѣдствіе мы всегда ассоціируемъ съ представленіемъ объ извѣстной причинѣ въ виду того, что нами это отношеніе испытано и что намъ на опытѣ пришлось убѣдиться въ зависимости этого слѣдствія именно отъ этой причины.

Принципъ сходства. Этотъ принципъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся принциповъ ассоціацій идей. Представленія и идеи предметовъ запечатлѣваются и группируются въ нашемъ сознаніи по какимъ-либо сходнымъ признакамъ, составляющимъ основныя свойства этихъ предметовъ. При

воспоминаній объ одномъ изъ этихъ предметовъ, на основаніи принципа ассоціацій по сходству, въ нашемъ сознаніи возобновляются и другіе предметы, непосредственно съ нимъ связанные. Напр., лицо или голосъ незнакомой личности напоминаютъ намъ по сходству другое знакомое лицо или голосъ. Казни Ивана Грознаго напоминаютъ времена Нерона и др. римскихъ императоровъ. Законы Солона—законы Сервія Туллія; Варооломеевская ночь — Сицилійскую вечерню. Какое либо слово иностраннаго языка напоминаетъ слово роднаго языка и т. д.

Къ разряду ассоціацій представленій по сходству относятся также ассоціаціи по *контрасту*. „Человѣкъ обладаетъ свойствомъ при видѣ одного предмета вспоминать не только то, что на него похоже, но также и то, что составляетъ его противоположность.“ Зимой, во время сильнаго мороза мы вспоминаемъ о знойномъ лѣтнемъ днѣ. Черное намъ напоминаетъ бѣлое, равнина — гористую мѣстность и т. п. Деревенская тишина человѣку, привыкшему жить въ городахъ, напоминаетъ о шумѣ большого города.

ГЛАВА XIV.

П а м я т ь .

Физиологическое объясненіе явленій памяти. Психологическая основа явленій памяти. Различныя виды памяти. Условія памяти. Вниманіе и память. Специальная память. Повтореніе какъ важное условіе памяти. Зубреніе. Развиваніе памяти. Значеніе памяти.

Физиологическое объясненіе явленій памяти.
Объясненіе явленій памяти представляетъ весьма большія затрудненія. Послѣ большихъ усилій и многочисленныхъ

опытовъ, физиологамъ удалось установить фактически обоснованное объясненіе функцій памяти, заключающееся въ томъ, что каждое пріобрѣтенное познаніе оставляетъ въ мозгу органической слѣдъ, матеріальный отпечатокъ. Въ этомъ отношеніи мозгъ сравниваютъ съ фонографомъ, на валикѣ котораго ясно обозначаются слѣды звуковъ или рѣчи; причемъ эти звуки или рѣчь могутъ быть воспроизведены съ полною точностью во всякое время. На этомъ основаніи нѣкоторые психологи называютъ мозгъ „сознающимъ фонографомъ.“ Съ этой же, число физиологической, точки зрѣнія можетъ быть объяснено и возраженіе, дѣлаемое сторонниками этой теоріи своимъ противникамъ, когда послѣдніе силятся опровергнуть настоящую теорію, опираясь на способности ума сохранять безконечное множество представлений и образовъ. Нервное мозговое вещество, по мнѣнію защитниковъ этой теоріи, чрезвычайно сложно, а именно: мозгъ состоитъ изъ шестисотъ милліоновъ клѣточекъ и нѣсколькихъ милліардовъ фибръ, такъ что въ мозговомъ веществѣ всегда найдется мѣсто для какого угодно числа представлений.

Психологическая основа памяти. Но такое физиологическое объясненіе не даетъ прямого отвѣта на то именно, почему эти матеріальные слѣды, оставляемые впечатлѣніями на нервномъ веществѣ, то на время скрываются отъ вѣдѣнія разума, въ области котораго всетаки находятся, то появляются вновь уже сознанными.

Самое подходящее, болѣе или менѣе удовлетворяющее насъ, объясненіе явленій памяти даютъ намъ психологи, опредѣляющіе память, какъ интеллектуальную привычку, развивающуюся путемъ постояннаго упражненія памяти, или какъ предрасположеніе разума

думать вновь о томъ, что уже обдуманно. При этомъ явленія памяти, т. е. процессы запоминанія и воспроизведенія въ значительной степени облегчаются по законамъ и принципамъ ассоціацій представлений. „Соединенныя подобно звеньямъ одной цѣпи, состоянія нашего сознанія образуютъ группы, каждый элементъ которыхъ не можетъ явиться въ нашемъ мозгу безъ того, чтобы другой не стремился также влѣдъ за нимъ. Ощущеніе какого-либо предмета послѣдовательно вызываетъ въ насъ различныя представленія, съ которыми оно сосуществовало. Одно воспоминаніе вызываетъ другое. Другими словами, память, привычка, пріобрѣтенное свойство вспоминать предметы, приводится въ дѣйствіе другой привычкой, именно ассоціаціей представлений, пріобрѣтенное свойство думать о предметѣ въ связи съ другимъ какимъ-либо.“ *).

Различные виды памяти. Существуютъ различные виды памяти, смотря по различнымъ психическимъ дѣятельностямъ, касающимся познанія вещей и удержанія ихъ въ памяти, таковы: *память зрительная*, *память слуховая* или музыкальная, память на ощущенія кожи, память на слова, на отвлеченныя мысли, на факты, имена и числа. Эти различные виды памяти проявляются у людей въ различной степени. Есть люди, легко запоминающіе громадное количество именъ и названій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживающіе весьма слабыя способности въ отношеніи пріобрѣтенія другого рода познаній.

Самая же чуждая память—это та, которая быстро все усваиваетъ, долго удерживаетъ воспоминанія и скоро

*) Компере, стр. 135.

ихъ вызываетъ. Но люди съ такого рода усовершенствованной памятью встрѣчаются весьма рѣдко, за исключеніемъ развѣ только такихъ корифеевъ науки и мысли, какъ напр., Локкъ, который какъ рассказываютъ, никогда ничего не забывалъ.

Условія памяти. Развитіе памяти, какъ въ отношеніи быстроты усвоенія и запоминанія, такъ и въ отношеніи точности воспроизведенія находится въ прямой зависимости отъ раличнаго рода фізіологическихъ и психологическихъ условій.

Условія фізіологическія. Никакая другая психическая способность не зависитъ такъ очевидно отъ тѣлесныхъ условій, какъ память. Прежде всего для правильнаго функціонированія памяти необходимы правильное питаніе, нормальное состояніе пищеваренія и кровообращенія и, вообще, здоровое состояніе организма. Кромѣ того замѣчено, что оживленная работа памяти происходитъ въ извѣстные часы дня, въ утреннее время, послѣ ѣды и, вообще, всегда, когда физическія силы возстановлены или освѣжены. То или другое состояніе памяти также зависитъ отъ возраста. Отроческій возрастъ (отъ 7-ми до 15 лѣтъ) является обыкновенно періодомъ самостоятельнаго развитія памяти. Въ этомъ возрастѣ умъ человѣка обогащается разнообразными познаніями, которыми онъ руководствуется во всѣ послѣдующіе періоды жизни. Наблюденія показываютъ, что старики до мельчайшихъ подробностей помнятъ событія своей юности, въ то время какъ вчерашнія впечатлѣнія очень легко исчезаютъ совершенно изъ памяти.

В. Условія психологическія. Къ психическимъ условіямъ развитія памяти относятся: во 1-хъ, *интенсивность* и *живость* впечатлѣній. Извѣстно, что живость

впечатлѣній зависитъ, какъ отъ особенностей разума и чувства всякой личности, такъ равно и отъ свойствъ особенно насъ поражающихъ внѣшнихъ физическихъ предметовъ, или явленій нравственнаго характера. Нѣкоторые случаи и событія нашей жизни, въ виду своей рѣдкости и неожиданности, точно также страшныя атмосферныя и стихійныя явленія, наконецъ, какія-либо сильныя нравственныя потрясенія — оставляютъ такой сильный слѣдъ въ мозгу и такъ глубоко запечатлѣваются въ нашемъ умѣ, что въ теченіе всей нашей жизни сохраняютъ первоначальную живость и точность. Напр., пожаръ, наводненіе, крушеніе поѣзда или какая-либо неожиданная катастрофа, — затѣмъ какое-нибудь семейное несчастье, нападеніе разбойниковъ и другія подобныя потрясенія оставляютъ неизгладимыя воспоминанія на всю жизнь.

Вниманіе и память. Вторымъ психическимъ условіемъ памяти служитъ степень вниманія, посвящаемого нами разнымъ предметамъ и впечатлѣніямъ, составляющимъ главный объектъ воспроизведенія. Чѣмъ больше вниманія удѣляемъ мы изучаемымъ предметамъ, тѣмъ съ большей ясностью и точностью усваиваемъ и запоминаемъ ихъ. Степень же вниманія обусловливается *интересомъ*, съ которымъ мы приступаемъ къ изученію того или другого предмета. Занимаясь любимымъ предметомъ, мы усваиваемъ массу однородныхъ представленій, которыя, соединяясь съ преждепріобрѣтенными познаніями, гораздо тверже и легче удерживаются въ памяти.

Спеціальная память. Послѣднее обстоятельство и служитъ главнымъ основаніемъ такъ называемой *спеціальной памяти*, проявляющейся, главнымъ образомъ,

въ знаніи предметовъ и явленій въ извѣстной специальной области. Такъ, большинство людей обладаетъ хорошей памятью для фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ житейскимъ цѣлямъ и интересамъ. Мальчикъ, затрудняющійся черезъ день припомнить короткій урокъ географіи или другого однороднаго съ ней предмета, можетъ помнить въ теченіе многихъ мѣсяцевъ всѣ подробности какой-либо игры въ мячъ. Въ этомъ случаѣ прочному запоминанію благоприятствуютъ вниманіе и интересъ къ предмету. „Школьникъ, обладающій способностями атлета, оставаясь крайне тупымъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, поразитъ васъ знаніемъ фактовъ, относящихся къ дѣятельности атлетовъ, и окажется ходячей справочной книгой по статистикѣ спорта“. Точно также ученый специалистъ въ своей специальной области обнаруживаетъ поразительную память, запоминая съ большой точностью свойства и названія предметовъ изслѣдуемаго имъ міра, между тѣмъ какъ тотъ же самый ученый нисколько не отличается особенной восприимчивостью въ отношеніи предметовъ, выходящихъ изъ области его специального изученія.

Повтореніе, какъ важное условіе памяти.
Третье условіе, содѣйствующее развитію памяти, составляетъ повтореніе или частое возобновленіе мыслей и представленій, которыя ей приходится удержать. Одно впечатлѣніе обыкновенно не бываетъ достаточно для того, чтобы воспоминаніе о предметѣ окончательно запечатлѣлось. Необходимо безпрестанное передвиженіе въ головѣ старыхъ представленій съ тѣмъ, чтобы частое повтореніе забытыхъ навремя образовъ и мыслей придавало силу и укрѣпляло новыя впечатлѣнія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что заучиваніе и повтореніе можетъ

быть полезно лишь въ томъ случаѣ, когда новыя впечатлѣнія и усваиваемыя понятія находятся въ непосредственной связи съ преждеусвоенными познаніями и образуютъ вмѣстѣ съ ними нераздѣльную и правильную систему.

Зубреніе. Съ этой точки зрѣнія предметы, заучиваемые нами на отдѣльный случай, временно, не могутъ образовать въ нашемъ умѣ прочныхъ ассоціацій съ другими объектами мысли. Когда факты укрѣпляются въ памяти въ продолженіе немногихъ часовъ или дней, какъ напр., бываетъ при приготовленіи учениковъ къ экзаменамъ, то, вслѣдствіе усиленнаго напряженія мозга навремя, только до срока испытанія включительно, можно сильно повредить нервнымъ центрамъ въ физиологическомъ отношеніи, причиняя имъ непосильную работу; при этомъ, если въ теченіе учебнаго года память почти вовсе не упражнялась въ сферѣ предметовъ, необходимыхъ къ экзамену или, говоря иначе, если знаніе пріобрѣталось только путемъ простаго зубренія, то въ этомъ случаѣ умъ нашъ не обогащается никакими новыми познаніями и наскоро пріобрѣтенныя свѣдѣнія почти неизбѣжно забываются совершенно безслѣдно. Наоборотъ, умственный матеріаль, набираемый памятью постепенно, день за днемъ, освѣщенный съ различныхъ точекъ зрѣнія, связанный съ другими внѣшними событіями и неоднократно подвергавшійся обсужденію, образуетъ такую систему, вступаетъ въ такую связь съ остальными сторонами нашего интеллекта, что остается надолго прочнымъ пріобрѣтеніемъ. Вотъ въ этомъ и заключается раціональное основаніе для того, чтобы установить въ учебныхъ заведеніяхъ надзоръ за непрерыв-

ностью и равномерностью занятій въ теченіе учебнаго года“ *).

Развиваніе памяти. Несмотря на высказанныя въ предыдущей статьѣ соображенія объ отношеніи памяти къ другимъ душевнымъ способностямъ и необходимости установленія связи между приобрѣтенными постепенно познаніями, среди людей обыкновенно существовало и существуетъ мнѣніе, что память измѣняема при помощи упражненій и другихъ разныхъ способовъ.

Особенное значеніе разнымъ средствамъ облегченія и сокращенія работы памяти придавали въ древности, когда эти средства были извѣстны подъ особымъ именемъ искусственной памяти (*memoria technica*) или *мнемоники*. Это искусство запоминанія, довольно распространенное и въ наше время, не имѣетъ прочнаго научнаго основанія и опирается только на поверхностномъ механическомъ запоминаніи отдѣльныхъ словъ и фактовъ, большею частью безсвязныхъ и потому не сообщающихъ нашему уму никакихъ дѣйствительныхъ познаній.

Память, какъ душевная способность, находится въ зависимости отъ органическихъ условій и составляетъ унаслѣдованное, врожденное свойство и, какъ таковое, измѣненію не подлежитъ. Измѣненіе ея можетъ проявляться только съ измѣненіемъ тѣхъ физиологическихъ условій, отъ которыхъ она непосредственно зависитъ.

Слѣдовательно, развиваніе памяти можетъ заключаться только въ пользованіи такими приѣмами, которые облегчали бы возможность запоминанія вновь приобрѣтаемыхъ познаній. Въ этомъ отношеніи всякое изученіе, всякое научное занятіе можетъ упражнять память. Не

*) Джемсъ—Психологія, стр. 235.

говоря уже о математикѣ, особенно содѣйствующей развитію памяти, даже естественныя науки въ простѣйшей формѣ, исторія, географія и литература могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ большое вліяніе. Но упражненія посредствомъ изученія отдѣльныхъ предметовъ развиваютъ память скорѣе въ опредѣленныхъ направленіяхъ, нежели въ цѣломъ. „Упражняя свою память, главнымъ образомъ, въ изученіи литературы, учащійся значительно разовѣетъ ее для дальнѣйшаго приобрѣтенія этого рода знаній, но почти не разовѣетъ ея относительно изученія другихъ предметовъ, напр., естественныхъ наукъ. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что полное и всестороннее упражненіе памяти требуетъ одновременнаго изученія множества предметовъ, какъ-то: литературы, науки и т. д. И дѣйствительно, нѣкоторое разнообразіе полезно для учащагося. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременное изученіе множества несвязанныхъ между собою предметовъ вредно дѣйствуетъ на память, мѣшая твердому соединенію элементовъ въ одно компактное цѣлое—соединенію, представляющему условіе лучшаго типа памяти. „*Aiut multum legendum esse, non multa*“, говоритъ Плиній. Локкъ думалъ, что истинный секретъ умѣнья изучать заключается въ томъ, чтобы учить по одному предмету заразъ, и такой удивительный ученый, какъ Лессингъ, говоритъ, что онъ слѣдовалъ этому правилу въ своемъ самовоспитаніи. И весьма сомнительно, представляетъ ли новѣйшій способъ изученія многихъ предметовъ заразъ самый дѣйствительный методъ развиванія памяти.“*)

Значеніе памяти. Память является одной изъ

*) Селли—Основы психологін, 146.

важнѣйшихъ способностей человѣческой души. Она даетъ возможность установленія постоянной связи между настоящимъ и прошедшимъ. Безъ нея психическая дѣятельность человѣка, ограничиваясь только настоящимъ, являлась бы слишкомъ несложной и неинтересной. Безъ достаточнаго запаса познаній и впечатлѣній, накапливающихся въ умѣ человѣка благодаря памяти, немислимо правильное функционированіе другихъ высшихъ познавательныхъ способностей человѣка, какъ-то: воображенія, обобщенія, сужденія и др.

Въ виду этого всѣ великіе писатели, изобрѣтатели и другіе знаменитые люди обращали особенное вниманіе и сильно заботились о развитіи своей памяти.

Но, съ другой стороны, психологи доказываютъ, что усиленное и чрезмѣрное развиваніе памяти вредитъ развитію болѣе высокихъ способностей. „Если въ душѣ преобладаетъ память, то прочная способность пониманія слабѣетъ. Все это указываетъ на то, что упражненіе памяти сопряжено съ существенной опасностью. Значеніе памяти сильно преувеличивалось, да можетъ быть, и до сихъ поръ преувеличивается. Такое преувеличеніе было характерной ошибкой старинной методы воспитанія, загромождавшей дѣтскую душу массою дурно перевариваемыхъ свѣдѣній. Никогда не слѣдуетъ терять изъ вида точнаго значенія памяти относительно пониманія фактовъ и практическихъ примѣненій знанія. Одновременно съ развиваніемъ памяти своихъ питомцевъ наставникъ долженъ упражнять въ нихъ и способность сужденія въ выборѣ того, что дѣйствительно важно. Такимъ образомъ, онъ избѣжитъ обремененія души ребенка и въ тоже время будетъ способствовать развитію высшихъ его способностей. Далѣе, давая учащемуся

новый матеріаль, мы должны упражнять его въ такомъ систематическомъ расположеніи этого матеріала и въ такой классификаціи фактовъ по надлежащимъ отдѣламъ, которыя не только сокращали бы работу памяти, но и самымъ процессомъ накапливанія новаго матеріала упражняли бы до извѣстной степени и способность пониманія.“ *)

ГЛАВА XV.

Воображеніе.

Воображеніе пассивное. Воображеніе активное. Источники творческаго воображенія. Дѣятельность творческаго воображенія. Значеніе творческаго воображенія.

Воображеніе пассивное и активное Воображеніемъ называется такое душевное состояніе, которое заключается въ способности сочетанія уже приобрѣтенныхъ впечатлѣній въ новые образы или созиданія новыхъ комбинацій представленій. Различаютъ обыкновенно два вида воображеній: 1) воображеніе *пассивное* и 2) воображеніе *активное*.

Пассивное или, какъ другіе его называютъ, *репродуктивное* (воспроизводящее) воображеніе есть, собственно говоря, функція сохраненія, подобно памяти, отъ которой отличается только степенью. „Такое воображеніе заключается именно въ томъ, чтобы живо съ закрытыми глазами представить все видѣнное. Это тоже память, только болѣе образная, живая, такъ сказать, болѣе

*) Селли,—тамъ же, стр. 148.

живописующая“. При пассивномъ воображеніи чловѣкъ подчиняется въ значительной мѣрѣ безсознательной игрѣ представленій. Такое состояніе особенно развито у дикарей и у дѣтей.

Но воображеніе недолго можетъ оставаться такой копіей дѣйствительности. Оно быстро становится функцией комбинирования и обработки. Въ такомъ состояніи мы создаемъ картину съ преднамѣренной цѣлью, т. е. комбинируемъ и создаемъ новые образы сознательно, сообразно съ той или иной заранѣ поставленной цѣлью. Такое сознательное комбинированіе матеріала, доставленнаго образной памятью (пассивнымъ воображеніемъ), и называется активнымъ, *творческимъ* воображеніемъ или *фантазіей*.

Источники воображенія. Матеріаль, доставляемый пассивнымъ воображеніемъ и въ послѣдствіи переходящій въ распоряженіе творческаго воображенія, можетъ быть весьма обширенъ.

Прежде всего главнымъ источникомъ воображенія служатъ наши внѣшнія чувства, доставляющія всякаго рода впечатлѣнія; изъ этихъ чувствъ самое главное мѣсто занимаетъ зрѣніе, богатое воспріятіями и представленіями, воспоминанія о которыхъ возстановляются наиболѣе точно; также весьма важную роль въ этомъ отношеніи играетъ и слухъ, въ особенности въ области музыки, которая и выражается въ правильномъ комбинированіи и группировкѣ различныхъ звуковъ.

Кромѣ того, помимо оцущаемыхъ предметовъ, объектомъ воображенія могутъ быть очень часто и состоянія нашего сознанія: удовольствія, горести, страсти и другія душевныя явленія. Послѣднее обстоятельство особенно ясно проявляется въ твореніяхъ беллетри-

стовъ, которые, пользуясь воображеніемъ, самыми живыми красками изображаютъ въ своихъ произведенияхъ вымышленные характеры.

Бываютъ также случаи, когда объектомъ воображенія служатъ общія отвлеченныя понятія, которыя могутъ также облекаться въ какую-либо форму и получать конкретное выраженіе: напр., добро, зло, гуманность, родина и другія.

Дѣятельность воображенія. Вышеуказанныя разнообразныя явленія составляютъ только матеріалъ, служащій основными элементами воображенія. Самая же дѣятельность воображенія заключается въ измѣненіи этихъ первоначальныхъ элементовъ, въ ихъ обработкѣ и комбинированіи, результатомъ чего являются поэтическіе образы, художественныя красоты и важнѣйшія научныя изобрѣтенія. Сообразуясь съ совершенно особыми, собственными законами, воображеніе придаетъ новыя черты воспоминаемымъ объектамъ или преувеличиваетъ ихъ (гиперболы) для усиленія впечатлѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стираетъ и уничтожаетъ мелочи и случайныя пятна, нарушающія красоту предмета.

Съ другой стороны, для созданія новаго образа, представляющаго новую комбинацію образовъ различныхъ предметовъ, беллетристы и художники изъ приходящихъ имъ на память чертъ и особенностей предметовъ выбираютъ только тѣ качества и свойства, которыя имъ кажутся особенно существенными и общими. Если, напр., художнику надо нарисовать красиваго человѣка, то онъ не будетъ довольствоваться копированіемъ дѣйствительности, но будетъ комбинировать различные образы, пріобрѣтенные опытомъ: онъ будетъ соединять голову одного, руки другого, туловище

третьяго и т. д. Беллетристъ, задающійся цѣлью изобразить какое-либо душевное свойство человѣка, начинаетъ сопоставлять и комбинировать напоминаемыя ему памяти проявленія такого свойства и, затѣмъ, соединивъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое, воплощаетъ ихъ въ образъ матеріальныхъ представленій. Такимъ образомъ, создаются художественные типы и дѣйствующія лица различнаго рода поэтическихъ произведеній.

Но одно комбинированіе и обработка матеріала далеко не исчерпываютъ всей дѣятельности воображенія. При всякомъ созданіи типовъ или какихъ-либо образовъ, поэтомъ и художникомъ всегда управляетъ основная, *руководящая мысль*, живущая въ ихъ душѣ и направляющая всю ихъ работу къ одной опредѣленной цѣли. Эта руководящая мысль (идея) является настолько важной и необходимой при творческомъ воображеніи, что безъ нея даже самое богатое воспоминаніями воображеніе оказалось бы бессильнымъ создать что-либо серьезное, обработать и скомбинировать имѣющіяся въ его распоряженіи представленія и сообщить создаваемому типу или образу всѣ нужныя черты.

Значеніе творческаго воображенія. Воображеніе играетъ весьма значительную роль, какъ въ области искусства и науки, такъ равно и въ практической жизни человѣка. Но особенное значеніе воображенія, главнымъ образомъ, проявляется въ произведеніяхъ искусства, такъ какъ оно всегда причисляется къ поэтическимъ и эрстическимъ способностямъ. „Безъ воображенія искусство во всѣхъ его видахъ было бы только рабскимъ подражаніемъ природѣ. Но, не желая ни въ чемъ упрекать литературнаго направленія, именующаго себя реализмомъ или натурализмомъ, и не желая уменьшать

достоинство и интересъ точныхъ и внимательныхъ описаній природы—описаній, которыя возможны лишь при интенсивной дѣятельности пассивнаго воображенія, мы должны признать, что искусство не заключается въ копированіи природы. Искусство идеализируетъ и изобрѣтаетъ. Оно или создаетъ то, что не существуетъ или приукрашиваетъ существующее... Природа доставляетъ матеріаль; она даетъ мраморъ, цвѣта, линіи, звуки, образы, слова; но воображеніемъ художника, скульптора и поэта эти предметы оживляются чувствомъ и мыслью. Изъ этихъ скомбинированныхъ элементовъ воображеніе создаетъ нѣчто цѣлое, доселѣ не существовавшее, тѣло, которое оно оживляетъ своими собственными руками, когда найдено то счастливое сочетаніе, та комбинація, которую воображеніе называетъ прекраснымъ,“ *)

Что же касается значенія воображенія для науки, то слѣдуетъ указать, что, хотя воображеніе многими изслѣдователями и признано считать врагомъ науки, но всетаки трудно предположить, чтобы ученый въ какой-либо отрасли науки могъ бы прославиться и создать что-либо замѣчательное безъ сильнаго и оригинальнаго воображенія. Ужъ не говоря о такихъ наукахъ, какъ философія и исторія, даже самыя точныя знанія, какъ математика и естествовѣдѣніе, требуютъ воображенія въ весьма значительной степени. Оно приводитъ ученаго къ гипотезамъ, предверіямъ открытій. „Великія гипотезы, рождающія великія теоріи, дочери воображенія,“ говоритъ одинъ психологъ. Такимъ образомъ, воображеніе является мощнымъ орудіемъ въ области новыхъ открытій и изобрѣтеній.

*) Компере, тамъ же стр. 147.

Воображеніе играет также видную роль и въ обыденной жизни человѣка. Представляя возможность украшать дѣйствительность разными невинными мечтаніями и служа основой всѣхъ радостныхъ и пріятныхъ душевныхъ состояній, воображеніе внушаетъ надежду на лучшее будущее и возбуждаетъ къ дѣятельности, направленной къ достиженію высшей цѣли человѣческаго существованія.

ГЛАВА XVI.

Мышленіе.

Понятіе о мышленіи. Отличіе мышления отъ воображенія. Формы мышленія. Образованіе понятій и ихъ отличіе отъ представленій. Значеніе слова въ образованіи понятій. Сужденіе. Сужденіе и увѣренность. Умозаключеніе.

Понятіе о мышленіи. Наша познавательная дѣятельность не ограничивается только ассоціаціями представленій и воображеніемъ, т. е. сочетаніемъ и комбинированіемъ мысленныхъ образовъ и впечатлѣній, но прибѣгаетъ еще къ особому способу познанія, составляющему самую высшую ступень умственного процесса и извѣстную обыкновенно подъ именемъ *мышленія*.

Мышленіе, собственно говоря, не есть особая способность, слѣдующая за воспріятіями, памятью и воображеніемъ и перерабатывающая только продукты этихъ способностей,— оно, на самомъ дѣлѣ, составляетъ такое явленіе сознанія, которое сопровождаетъ всѣ душевныя способности. Безъ мысли или мышленія въ обширномъ смыслѣ слова никакое опытное знаніе не можетъ быть

достигнуто. „Воспринимать вещи, значить уже ихъ мыслить; чтобы вспоминать и воображать, также требуется мыслить“.

Подъ мышленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова мы разумѣемъ такой сложный умственный процессъ, который даетъ намъ возможность точнѣе разобраться въ полученныхъ нами заранѣе впечатлѣніяхъ и выработать истинныя познанія о вещахъ и предметахъ, насъ окружающихъ. Мышленіе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ: во 1-хъ, какъ состояніе мыслящаго существа, и во 2хъ, какъ орудіе или способъ для приобрѣтенія познаній. Въ первомъ случаѣ оно составляетъ предметъ психологіи, а въ послѣднемъ отношеніи оно входитъ въ область науки, занимающейся изученіемъ разныхъ способовъ правильнаго сочетанія мыслей, т. е. логики.

Здѣсь, конечно, мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть мышленіе съ психологической точки зрѣнія, именно выяснить вопросъ о возникновеніи и теченіи умственныхъ процессовъ.

Отличіе мышленія отъ воображенія. Несмотря на то, что и мышленіе и воображеніе представляютъ сложные умственные процессы комбинированія и обработки впечатлѣній, всетаки между ними существуетъ большая разница. Воображеніе, дорожа картинностью и яркостью своихъ образовъ, даетъ возможно болѣе полное представленіе о предметѣ, со всѣми подробностями и деталями, его характеризующими.

Мышленіе же, наоборотъ, выдѣляя въ представленіяхъ признаки главнѣйшіе существенные и уничтожая элементы второстепенные и неважные для даннаго момента, упрощаетъ представленія и даетъ только общіе

очерки предметовъ съ ихъ общими неизмѣнными признаками. „Отсюда происходитъ разладъ между умами поэтическими и умами научными: первые стремятся представить себѣ предметъ со всѣми мельчайшими подробностями, не опуская ни одной черты, характеризующей какой-либо частный предметъ; вторые же, наоборотъ, стараются представить себѣ только чистую идею, освобожденную отъ осложняющихъ ее элементовъ“.*)

Формы мышленія. Обыкновенно различаются три главныя стадіи или формы мышленія: *понятіе*, *сужденіе* и *умозаключеніе*. Но ясное и точное разграниченіе этихъ трехъ формъ мышленія является весьма затруднительнымъ, а иногда даже и совершенно невозможнымъ въ виду того именно, что безъ сужденія, какъ обыкновеннаго продукта мысли или разсудка (интеллекта), не обходится ни одно умственное движеніе, ни одна психическая работа. Слѣдовательно, сужденіе оказывается необходимымъ, какъ для образованія понятій, такъ равно и въ процессѣ умозаключенія, такъ какъ послѣднее, собственно говоря, составляетъ только результатъ сужденія. Поэтому отдѣльное разсмотрѣніе указанныхъ формъ мышленія имѣетъ въ виду только техническія соображенія для облегченія ихъ детальнаго и всесторонняго выясненія.

Образованіе понятій и отличіе ихъ отъ представленій. Ощущенія и воспріятія, какъ функціи пріобрѣтенія, т. е. какъ результаты внѣшнихъ воздѣйствій, приводятъ насъ къ частнымъ индивидуальнымъ образамъ или представленіямъ, соответствующимъ отдѣльнымъ предметамъ. Но установленіе истинныхъ познаній

*) Компере, тамъ же 158.

не ограничивается подобными функціями, а пользуется болѣе сложной и высшей умственной работой, извѣстной подъ именемъ работы разума или разсудка и заключающейся въ совокупности фактовъ и ихъ взаимномъ соотношеніи. Работа разума проявляется именно въ томъ, что онъ реагируетъ на отдѣльные элементы познанія, полученные имъ путемъ чувственныхъ ощущеній, т. е. овладѣваетъ ими, распредѣляетъ и, даже, преобразовываетъ ихъ, поднимаясь постепенно до высшихъ ступеней мыслительнаго процесса. Но разумъ при этомъ не является какъ бы сосудомъ, постепенно наполняемымъ воспріятіями и представленіями, доставляемыми извнѣ; онъ самъ по себѣ представляетъ силу, опирающуюся на физиологическихъ и, вообще, физическихъ условіяхъ жизни и имѣющую собственныя стремленія и законы. Являясь, такимъ образомъ, силой, имѣющей свои собственныя наклонности къ разумнѣю тѣхъ или иныхъ истинъ, разумъ анализируетъ различныя представленія, собирающіяся въ мозгу и сохраненныя памятью, сопоставляетъ отдѣльныя представленія и, сравнивая ихъ другъ съ другомъ, открываетъ въ нихъ признаки неизмѣняющіеся, постоянные, существенные, и признаки, измѣняющіеся съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ разныхъ условій, т. е. признаки непостоянные, несущественные и случайные. Откидывая признаки частные и случайные и сосредотачивая все свое вниманіе на признакахъ постоянныхъ и существенныхъ, замѣчаемыхъ нами во многихъ однородныхъ предметахъ, мы устанавливаемъ связь между отдѣльными представленіями и, такимъ образомъ, получаемъ общее представленіе, какъ продуктъ обобщенія однообразныхъ признаковъ, или, точнѣе говоря, *понятіе*. Напримѣръ,

изъ сопоставленія и сравненія отдѣльныхъ представленій о дубѣ, яблонѣ, березѣ и др. деревьяхъ и путемъ обобщенія замѣченныхъ въ этихъ предметахъ существенныхъ признаковъ я имѣю возможность составить себѣ общее понятіе о деревѣ. Точно также сопоставленіе представленій о деревьяхъ съ представленіями кустовъ, цвѣтовъ и др. растений даетъ мнѣ возможность подняться къ общей идеѣ царства растительнаго и т. д.

Такимъ образомъ, понятіе всегда носитъ характеръ общій, заключаая въ себѣ общіе, существенные признаки многихъ однородныхъ предметовъ; представленіе же всегда служитъ явленіемъ частнымъ, единичнымъ, будучи только мысленнымъ образомъ, копіей предмета, воспринимаемого нами посредствомъ какого-либо органа внѣшнихъ чувствъ. Съ другой стороны, понятіе всегда абстрактно, отвлеченно, существуетъ только въ мысли; въ реальной дѣйствительности нѣтъ предметовъ, соответствующихъ нашимъ понятіямъ. Между тѣмъ представленіе всегда конкретно, выражая собою реальныя явленія и предметы, ощущаемые нами когда либо и при какихъ либо условіяхъ со всѣми ихъ особенностями и индивидуальными признаками. Въ послѣднемъ смыслѣ представленія служатъ только матеріаломъ, необходимымъ содержаніемъ для выработки и установленія общихъ понятій.

Значеніе слова въ образованіи понятій. Въ процессѣ образованія понятій весьма важную роль играетъ человѣческое слово или наименованіе предметовъ и душевныхъ состояній. Психологія не можетъ окончательно рѣшить вопроса о происхожденіи человѣческой рѣчи; она можетъ только установить, что „рѣчь возникла и развивалась, какъ средство выраженія и какъ

существенная помощь въ развитіи умственной жизни“. Съ помощью словъ, какъ наименованій продуктовъ мысли, сами умственные образы и понятія соединяются такъ скоро и ясно, что часто, при незначительномъ напряженіи мысли, а то и вовсе безъ всякаго усилія мысли, приводятъ умъ къ тому же самому практическому заключенію, какъ и то, которое было бы достигнуто болѣе медленнымъ путемъ обдумыванія. *)

Такимъ образомъ, человѣческая рѣчь путемъ внѣшнихъ символовъ и знаковъ для обозначенія разныхъ вещей и явленій облегчаетъ и ускоряетъ, какъ образованіе понятій, такъ вообще и весь процессъ мышленія.

Сужденіе. Выработка понятій не исчерпываетъ всего процесса мышленія. Понятія сами по себѣ не достаточны еще для познавательной дѣятельности. Главное дѣйствіе разума заключается въ сопоставленіи понятій, въ установленіи между ними связи и отношеній, т. е. въ сужденіи о нихъ; разумъ постоянно судитъ, разсуждаетъ. По этому сужденію является основнымъ актомъ разума. „Сужденіе для мысли равносильно дыханію для тѣла. Если бы были только разрозненные представленія и понятія, безъ связующаго ихъ звена, то разумъ походилъ бы на словарь съ перечисленіемъ всѣхъ существительныхъ и прилагательныхъ“.

Для того чтобы умственный процессъ функционировалъ правильно, нужно эти разрозненные понятія сопоставить и открыть существующую между ними связь. Такъ напр., сопоставляя на основаніи взаимнаго отношенія три понятія: „лошадь“, „животное“, „домашнее“ и говоря: лошадь домашнее животное, мы

*) Лэддъ—тамъ же, стр. 113.

произносимъ сужденіе. Такимъ образомъ, сужденіемъ называется такая умственная операція, посредствомъ которой выражается отношеніе между двумя или нѣсколькими понятіями. Словесное выраженіе сужденія называется предложеніемъ. Понятіе, о которомъ мы произносимъ сужденіе, называется подлежащимъ; а понятіе, присоединяемое къ подлежащему и опредѣляющее его, называется сказуемымъ. Сужденіе, такимъ образомъ, состоитъ, главнымъ образомъ, въ раскрытіи и изученіи подлежащаго, въ указаніи и выясненіи его признаковъ и свойствъ и въ установленіи отношенія къ нему сказуемаго.

Сужденіе и увѣренность. Истинность и очевидность сужденій вытекають изъ яснаго и несомнѣннаго воспріятія ихъ объекта или отношенія между объектами. Но очень часто сужденіе можетъ быть и ошибочнымъ, забужденіемъ, происходящимъ отъ безсознательныхъ ошибокъ при опредѣленіи отношенія между понятіями. Лица, высказывающія извѣстное сужденіе, хотя бы и ошибочное, убѣждены, увѣрены въ своей правотѣ; они не чувствуютъ, не сознають своего заблужденія и со всей горячностью силятся оправдать и доказать свое сужденіе. Вслѣдствіе этого, сужденіе равносильно вѣрѣ. Вѣрить, судить, мыслить, по выраженію одного психолога, синонимы. Это вѣрованіе или увѣренность коренится во всякомъ сужденіи, но обнаруживается только въ томъ случаѣ, когда подвергается сомнѣнію то, что мы считаетъ нашимъ знаніемъ.

„Оно существуетъ несомнѣнно, какъ въ человѣкѣ, который всегда уклоняется отъ всякаго обсужденія своей излюбленной теоріи въ наукѣ, политикѣ или религіи, такъ и въ человѣкѣ, который проводитъ и дока-

зываетъ свою теорію съ величайшимъ и явнымъ фанатизмомъ“. *)

Умозаключеніе. Третьей, самой высшей, основной формой мышленія является умозаключеніе. Подобно тому, какъ сужденіе заключаетъ въ себѣ соединеніе двухъ или нѣсколькихъ понятій на основаніи отношенія и связи между ними, точно также и умозаключеніе представляетъ собою связываніе такихъ сужденій, послѣднее изъ которыхъ служить закономѣрнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ первыхъ. Пользуясь сужденіями, какъ сочетаніями извѣстныхъ понятій, умозаключеніе оперируетъ надъ ними и внимательно сравниваетъ ихъ между собою. При этомъ главный актъ умозаключенія будетъ состоять въ выводѣ изъ двухъ сравниваемыхъ сужденій третьяго новаго сужденія. Обычнымъ словеснымъ выраженіемъ умозаключенія служитъ *силлогизмъ*, т. е. формула, состоящая изъ трехъ предложеній, изъ которыхъ два первыхъ называются предпосылками, а послѣднее — заключеніемъ. Напр.: всѣ люди ошибаются; я человекъ; слѣдовательно и я ошибаюсь. Здѣсь одно сужденіе: „всѣ люди ошибаются“ сопоставляется съ другимъ сужденіемъ: „я человекъ“ и изъ такого сопоставленія ихъ выводится третье сужденіе, какъ заключеніе, что „и я ошибаюсь“.

Полныя формулы умозаключеній или силлогизмы представляютъ большія неудобства для выраженія мысли или вывода, и потому ни въ разговорахъ ни въ книгахъ почти никогда не употребляются. Они встрѣчаются только въ специальныхъ научныхъ сочиненіяхъ и въ произведеніяхъ средневѣковыхъ схоластиковъ,

*) Лэддъ—тамъ же, стр. 125.

которые выказывали въ этомъ отношеніи большое усердіе.

Несмотря на всѣ неудобства, съ которыми сопряжено употребленіе умозаключеній, они всетаки представляютъ одно изъ существенныхъ условій развитія разума, такъ какъ безъ нихъ человѣческія знанія заключались бы только въ прямыхъ, непосредственныхъ воспріятіяхъ опыта, и умъ человѣческій не въ состояніи былъ бы устанавливать общіе законы, дающіе возможность постигать самыя высшіе и сложныя вопросы мірозданія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Психологія чувства.

ГЛАВА XVII.

О чувствованіяхъ вообще.

Понятіе о чувствованіяхъ. Условія чувствованій. Развитіе чувствованій. Значеніе врожденныхъ наклонностей. Значеніе опыта и упражненій. Субъективность чувствованій.

Понятіе о чувствованіяхъ. Всѣ разсмотрѣнные нами психическіе процессы, выражающіе разныя стадіи развитія познавательной дѣятельности, сопровождаются всегда особаго рода душевными состояніями, пріятными или непріятными, заключающими въ себѣ удовольствіе или страданіе, радость или печаль, горе, тоску и т. п. Такія душевныя состоянія, проявляющіяся вмѣстѣ съ ощущеніями, представленіями и другими познавательными функціями, обыкновенно принято называть *чувство-*

ваніями. Цвѣтъ, вкусъ, запахъ предметовъ и другія первоначальныя познанія, доставляемыя намъ ощущеніями, возбуждаютъ въ нашей душѣ волненія, то пріятныя, то непріятныя. Точно также болѣе сложные психическіе процессы, заключающіеся въ сочетаніи и комбинированіи представленій и мыслей, вызываютъ въ насъ болѣе сильныя душевныя волненія, также отличающіяся большимъ разнообразіемъ въ зависимости отъ общаго состоянія фізіологическихъ и психологическихъ условій.

Условія чувствованій. Чувствованія, какъ непосредственный продуктъ психической дѣятельности, немислимы внѣ связи съ общей нервной системой, а въ особенности съ мозгомъ, какъ центромъ всей душевной жизни человѣка. Поэтому мнѣніе лицъ, считающихъ сердце мѣстопребываніемъ чувствованій, должно быть признано совершенно несостоятельнымъ. Единственно, что даетъ имъ основаніе считать сердце источникомъ чувствованій, это именно легко наблюдаемые факты, выражающіе связь чувствованій съ дѣятельностью сердца. Радостное настроеніе, пріятныя извѣстія, даже простое произнесеніе дорогихъ именъ вызываетъ расширеніе кровеносныхъ сосудовъ, усиленное кровообращеніе и учащенное біеніе пульса; непріятныя же чувствованія, какое либо сильное потрясеніе или горе вызываютъ совершенно противоположныя явленія въ дѣятельности организма, а именно: ослабленіе дыханія, суживаніе кровеносныхъ сосудовъ, слабое біеніе сердца и вялость мускуловъ.

Кромѣ того всякое душевное возбужденіе или волненіе сопровождается непременно какими-либо внѣшними, тѣлесными измѣненіями; напр., гнѣвъ всегда

проявляется въ измѣненіи цвѣта лица и дрожаніи всего тѣла, радость — въ повышеніи голоса, въ ускоренныхъ тѣлодвиженіяхъ и, даже, прыганіи; а страданіе, наоборотъ, представляетъ противоположныя проявленія, именно: походка у человѣка становится медленной, ходитъ онъ, опустивъ голову, и его жизненныя функціи вообще ослабѣваютъ.

Такія именно внѣшнія тѣлесныя проявленія, замѣчаемыя нами въ окружающихъ насъ лицахъ, даютъ возможность слѣдить за ихъ душевными движеніями и опредѣлять тотъ или иной родъ чувствованій, овладѣвающихъ ими въ разное время. Таковы фізіологическія условія чувствованій.

Что же касается другихъ условій, также сильно вліяющихъ на образованіе и усиленіе нашихъ чувствованій, то въ этомъ отношеніи очень важенъ законъ перемѣны или контраста душевныхъ состояній. Причина удовольствія, оставаясь долгое время неизмѣнной, начинаетъ терять свое дѣйствіе. Пріятное удовольствіе, испытываемое нами вначалѣ, начинаетъ терять свою свѣжесть и, даже, переходитъ въ страданіе, когда дѣятельность становится черезъ чуръ однообразной. При этомъ перемѣна дѣятельности всякій разъ можетъ явиться причиною новаго наслажденія. Игры послѣ уроковъ, каникулярныя вакаціи послѣ утомительныхъ школьныхъ занятій, переходъ отъ города къ деревнѣ — сильно оживляютъ дѣтей. Перемѣна занятій и обстановки въ данномъ случаѣ связана съ наслажденіемъ, вызываемымъ новизной положенія. Такимъ образомъ, однообразіе и продолжительность одного рода дѣятельности доставляютъ душевное томленіе, тогда какъ раз-

нообразіе и перемѣна занятій и положенія освѣжаетъ и оживляетъ душевное состояніе.

Подобныя же послѣдствія получаютъ при однообразіи и продолжительности страданія. Отъ продолжительности физической боли страданіе больного уменьшается; точно также и всѣ люди менѣе страдаютъ отъ продолжительныхъ мученій и тревогъ, когда начинаютъ къ нимъ привыкать. Въ данномъ случаѣ наблюдается притупленіе самыхъ тонкихъ видовъ чувствительности. Такъ, мы притупимъ чувство стыда у ребенка, если будемъ слишкомъ часто задѣвать это чувство какими либо оскорбительными словами, насмѣшками и т. д.

Развитіе чувствованій. Чувствованіе составляетъ основное свойство всякаго живого существа, но съ особой силой и ясностью оно проявляется въ человѣческой жизни, постепенно измѣняясь и усиливаясь сообразно съ развитіемъ и усовершенствованіемъ человѣческой природы.

Развитіе чувствованій происходитъ на основаніи тѣхъ же общихъ принциповъ, на которые мы указывали при разсмотрѣннн ументальныхъ способностей. Но въ данномъ случаѣ изъ этихъ общихъ принциповъ должно быть обращено особенное вниманіе на слѣдующія явленія:

а) на *значеніе врожденныхъ склонностей*. Въ этомъ отношеніи весьма важно общее положеніе, подтверждающее, что наши чувствованія вырастаютъ изъ опредѣленныхъ врожденныхъ зародышей. „Ребенокъ такъ созданъ, что въ немъ рождаются опредѣленныя чувствованія: гнѣвъ, страхъ и др., когда къ этому представляются опредѣленныя условія.“ Напр., не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ребенокъ въ самомъ

раннемъ возрастѣ испытываетъ наслажденіе у груди матери, или, улыбаясь матери, выражаетъ этимъ свою нѣжность. Но этотъ инстинктивный зачатокъ чувствованія не во всѣхъ случаяхъ проявляется въ одинаковой степени: въ наше время считается безспорнымъ фактомъ, что одинаковыя условія приводятъ у разныхъ дѣтей къ неодинаковой напряженности чувствованій; а это обстоятельство показываетъ, что не всѣ дѣти рождаются съ одинаковыми врожденными наклонностями. Въ этихъ врожденныхъ наклонностяхъ, образующихъ чувственную природу или темпераментъ ребенка, безъ сомнѣнія, надо усматривать также и нѣкоторыя черты, выражающія вліяніе на ребенка опыта предковъ. Къ подобнымъ чертамъ надо отнести наклонность испытывать опредѣленнаго рода удовольствіе въ связи съ опредѣленными впечатлѣніями, напр., съ видомъ чело-вѣческаго лица, и ясно обнаруживающійся инстинктивный страхъ при видѣ нѣкоторыхъ животныхъ и предметовъ.

б) *на значеніе опыта и наблюдений.* Въ развитіи чувствованій весьма важную роль играютъ количество опыта и процессъ пріобрѣтенія въ индивидуальной жизни. „Чувствованія, подобно интеллектуальнымъ процессамъ, укрѣпляются и совершенствуются упражненіемъ врожденныхъ наклонностей“. Подобно явленіямъ познавательной дѣятельности, испытываемыя нами въ разное время, удовольствія и страданія оставляютъ въ душѣ свой слѣдъ. При этомъ мы обладаемъ въ данномъ случаѣ такую же способность сохраненія и воспроизведенія, какую мы отмѣчали при разсмотрѣніи элементовъ познанія. И эта способность можетъ проявляться въ различной степени, смотря по обстоятельствамъ и усло-

віямъ, ее сопровождающимъ. Кромѣ опыта и упражненія, очень важное значеніе въ развитіи чувствованій имѣеть также *повтореніе*, благодаря которому чувствованія становятся глубже и крѣпче. Слѣды прошлыхъ однородныхъ чувствованій, размѣщающихся въ умѣ по законамъ ассоціацій, связываются съ новымъ чувствомъ, и послѣднее черезъ это укрѣпляется и осложняясь приобрѣтаетъ все большую и большую интенсивность и напряженность. Главнымъ результатомъ подобныхъ соединеній является образованіе прочныхъ привычекъ чувствованія, представляющихъ одну изъ важныхъ частей нашего душевнаго состоянія. Человѣкъ, постепенно приобрѣвшій отвращеніе или любовь къ извѣстному лицу или мѣсту, не можетъ видѣть или думать объ этихъ предметахъ безъ того, чтобы не испытывать при этомъ связанныхъ съ этими предметами душевныхъ побужденій. Такимъ образомъ, путемъ постояннаго упражненія, опыта и повторенія развиваются привычные способы чувствованія къ различнымъ окружающимъ предметамъ.

Субъективность чувствованій. Если, какъ выше было сказано, изученіе и изслѣдованіе всѣхъ душевныхъ явленій представляютъ большія затрудненія для мыслителей, то въ этомъ отношеніи чувствованія должны занять первое мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, описать или передать то, что чувствуешь и испытываешь, и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы всякій, кто никогда не чувствовалъ однородной формы чувствованія, могъ вполне понять это — совершенно невозможно. Если бы были такія существа, которыя никогда не страдали бы и не наслаждались, никогда не увлекались и не разочаровывались, то они никогда не

могли бы узнать, что это такое за чувствованія, живущія въ насъ* *).

Слѣдовательно, сущность чувствованія кроется въ нашей личной способности чувствовать и сознать. Поэтому чувствованія всегда носятъ характеръ крайне субъективный и съ трудомъ поддаются объективному наблюденію.

ГЛАВА XVIII.

Классификація чувствованій.

Дѣленіе чувствованій. Физическія чувствованія и отличие ихъ отъ ощущеній.

Дѣленіе чувствованій. Трудность и неточность изслѣдованія чувствованій влечетъ за собою и трудность ихъ классификаціи и подведенія ихъ подъ общія категоріи, такъ какъ такая классификація должна коснуться тѣхъ неподдающихся выясненію условій, въ которыхъ происходитъ дѣйствительное возникновеніе чувствованій. Но, несмотря на такую несостоятельность изученія происхожденія чувствованій, всетаки у насъ есть возможность на основаніи жизненныхъ наблюденій установить общіе принципы для распредѣленія чувствованій по общимъ группамъ.

Прежде всего различаются два главныхъ вида чувствованій, смотря по возбуждающимъ ихъ причинамъ и предметамъ.

Въ одномъ случаѣ непосредственной причиной возбужденія чувствованія служатъ или какая-либо внутренняя органическая потребность, какъ напр., потребность ѣсть, пить и др., или вліяніе вѣшняго физическаго

*) Лоддъ — тамъ же, стр. 40.

фактора, сообщаемое намъ черезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемыми низшими, элементарными или *физическими чувствованіями*.

Если же причиной душевнаго возбужденія являются какое-либо представленіе, мысль или, вообще, умственная работа, то въ такомъ случаѣ испытываемыя нами чувствованія называются *высшими* или *идейными* чувствованіями.

Чувствованія физическія и отличіе ихъ отъ ощущеній. Физическими мы называемъ такія чувствованія, которыя проявляются вмѣстѣ съ ощущеніями, получаемыми нами отъ воздѣйствія какихъ-либо внѣшнихъ явленій. При сильномъ возбужденіи органовъ внѣшнихъ чувствъ, мы способны сознавать не только то, что эти органы чувствъ доставляютъ намъ нѣкоторыя познанія объ окружающихъ насъ предметахъ, но также и то, что, при полученіи такихъ впечатлѣній, мы испытываемъ еще особое душевное настроеніе, выражающее собою удовольствіе или страданіе. Эти два проявленія, т. е. ощущенія и чувствованія, до того близко подходятъ другъ къ другу, что многіе психологи не раздѣляютъ ихъ и очень часто смѣшиваютъ ощущенія съ чувствованіями.

Но при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, не трудно установить полную разницу между тѣми и другими душевными явленіями. Ощущеніемъ мы называемъ первоначальный актъ сознанія, непосредственно слѣдующій за раздраженіемъ внѣшнихъ органовъ и прекращающійся вслѣдъ за уничтоженіемъ внѣшняго фактора раздраженія. Чувствованіе же составляетъ вторичное душевное явленіе, сопровождающее ощущенія и заключающее

какое-либо удовольствіе или страданіе. Ощущенія и чувствованія почти никогда не совпадаютъ другъ съ другомъ. Напр., осязательное ощущеніе въ собственномъ смыслѣ слова отличается отъ чувства боли, происходящей отъ такого ощущенія. Нѣкоторые психологи даже доказываютъ, что между осязательнымъ ощущеніемъ и чувствомъ боли, напр., при ударѣ палкой о мозоль, протекаетъ 1—2 секунды; точно также „при опусканіи руки въ очень холодную или очень горячую воду, сперва получается очень сильное ощущеніе, затѣмъ оно уменьшается, чтобы сейчасъ снова усилиться и превратиться въ боль“.*) Слѣдовательно, чувство боли получается нѣсколько позднѣе ощущенія и какъ бы растетъ постепенно въ сознаніи. Кроме того, отмѣчаются такія явленія, когда въ извѣстныхъ случаяхъ чувство боли прекращается, тогда какъ чувственное ощущеніе не исчезаетъ, а выступаетъ даже съ большей отчетливостью. Такія явленія происходятъ подъ вліяніемъ одуряющихъ средствъ, холода или опьяненія. „Захлороформированный пациентъ, которому ампутировали ногу, хотя и замѣтилъ операцію, но ему казалось, что ее дѣлаютъ надъ деревянной ногою“**). При морозѣ, доходящемъ до 10 и болѣе градусовъ, операціи, производимыя на полѣ сраженія, проходятъ почти совсѣмъ безъ признаковъ боли. Съ другой стороны, замѣчено и то, что, вслѣдствіе разрушенія нѣкоторыхъ физиологическихъ условій, осязательныя ощущенія исчезаютъ, а чувство боли всетаки при этомъ сохраняется. Наконецъ, слѣдуетъ указать и на то, что ощущенія, представляя

*) Гейдингъ—Очерки психологій, стр. 218.

**) — — —тамъ же, стр. 219.

первую возможность ознакомленія съ внѣшними предметами, служатъ первоначальными, основными элементами познавательной дѣятельности; чувствованія же суть явленія чисто субъективныя, составляющія особое душевное состояніе человѣка и вызываемыя только въ данную минуту извѣстными обстоятельствами.

ГЛАВА XIX.

Высшія или идейныя чувствованія.

Значеніе идейныхъ чувствованій. Различныя виды идейныхъ чувствованій. Классификація этихъ чувствованій Эгоистическія чувствованія: страхъ, гнѣвъ, самолюбіе, любовь къ пріобрѣтенію.

Значеніе идейныхъ чувствованій. Вторую категорію чувствованій составляютъ душевныя состоянія болѣе высшаго порядка, зависящія отъ умственной дѣятельности и предполагающія предшествующія имъ представленія или мысли. Эти чувствованія нѣкоторые психологи иначе называютъ *эмоціями*.

Идейныя чувствованія или эмоціи, проявляясь въ разнообразныхъ видахъ и отличаясь тончайшими оттенками, играютъ въ жизни человѣка весьма важную роль, оказывая глубокое вліяніе на всѣ его душевныя проявленія, оживляя и возбуждая его умственныя способности и направляя всѣ его дѣйствія и поступки къ опредѣленной цѣли. „Многія изъ болѣе сильныхъ чувствованій производятъ очень важныя и почти непосредственныя измѣненія въ условіяхъ тѣлесныхъ органовъ. Эти измѣненія, въ свою очередь, даютъ себя чувство-

вать уму, а это также порождает новыя видоизмѣненія чувствованія. Мало этого, только очень немногія чувствованія не вызываютъ тотчасъ желанія что-либо сдѣлать. Чувствованія эти сами являются или тягостными или пріятными и находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи съ предметами, которыхъ можно или избѣгать или народно встрѣтить. Говоря отвлеченно, о нихъ можно было бы сказать, что они склонны подвигать волю къ дѣйствию; они являются мотивами или могущественными побужденіями къ дѣйствительности. Это воздѣйствіе на умъ также даетъ себя сильно чувствовать.“ *)

Такимъ образомъ, чувствованія, сами являясь послѣдствіемъ различнаго рода умственныхъ процессовъ, оказываютъ, въ свою очередь, и свое вліяніе на эти процессы, усиливая познавательную работу и облегчая осуществленіе намѣченныхъ цѣлей.

Различные виды идейныхъ чувствованій. Въ виду сложности и разнообразія условій, содѣйствующихъ ихъ образованію, высшія чувствованія или эмоціи представляютъ очень много видовъ или формъ, не всегда поддающихся точному и ясному систематизированію; и такъ какъ въ виду этого въ настоящее время въ психологіи нѣтъ вовсе общепризнаннаго дѣленія идейныхъ чувствованій, то мы и примемъ ту ихъ группировку, которая чаще всего встрѣчается въ лучшихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ.

Классификація идейныхъ чувствованій. Въ этихъ видахъ мы устанавливаемъ дѣленіе высшихъ чувствованій или эмоцій на 3 класса:

Первую группу составляютъ чувствованія *эгоисти-*

*) Лэддъ—тамъ же, стр. 128.

ческа, личныя или индивидуальныя, касающіяся своего личного „я“, его нужды, интересовъ и благосостоянія.

Ко второй группѣ относятся чувствованія *общественныя* или *соціальныя*, имѣющія главнымъ своимъ объектомъ другихъ людей: родныхъ, соотечественниковъ, друзей и, вообще, все человѣчество.

Третья группа состоитъ изъ въ высшей степени *сложныхъ* идейныхъ чувствованій, которыя проявляются только въ зрѣломъ возрастѣ и присущи людямъ съ особо развитымъ умомъ. Сюда относятся чувствованія интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и религіозныя.

Эгоистическія чувствованія. Главнымъ признакомъ всѣхъ эгоистическихъ чувствованій является всегда любовь къ самому себѣ, а основой этой любви служить всегда инстинктъ самосохраненія, т. е. любовь къ жизни. Поэтому эгоистическія чувствованія, проистекающія изъ инстинктивнаго стремленія къ сохраненію жизни и самопомощи, развиваются всегда первыми. Они обнимаютъ собою общеизвѣстныя чувства: страхъ, гнѣвъ, стыдъ, самолюбіе, эгоизмъ и др.

Чувство страха. Самымъ обыкновеннымъ душевнымъ явленіемъ, характеризующимъ сдѣланное выше опредѣленіе личнаго или эгоистическаго чувствованія, служить чувство страха, болѣе сильныя проявленія котораго извѣстны подъ названіемъ *ужаса*. Чувство страха возникаетъ въ душѣ въ то время, когда человѣкъ находится въ ожиданіи зла, несчастія, представляющаго опасность для его существованія, кода является болѣе или менѣе ясное представленіе возможнаго наступленія какого-либо страданія. Возникающее, такимъ образомъ, вслѣдствіе ожидаемой опасности, чувство страха всегда сопровождается какими-либо внѣшними физическими или

физиологическими выраженіями. Человѣкъ, испытывающій это чувство, всегда ставитъ себя въ такое положеніе, которое даетъ ему возможность защищаться отъ угрожающей опасности; всѣ движенія его останавливаются, сердце усиленно бьется, дыханіе задерживается, тѣло начинаетъ дрожать; вообще при этомъ чувствѣ происходитъ сильное физическое изнеможеніе, а въ крайнихъ своихъ формахъ страхъ можетъ повести къ серіозному физическому разстройству. На этомъ основаны наблюдаемыя иногда сильныя физиологическія измѣненія въ организмѣ, происходящія отъ сильнаго страха, какъ напр., мгновенная сѣдина волосъ. Что касается интеллектуальныхъ способностей, то онѣ во время страха также пріостанавливаются, только вниманіе сильно приковывается къ возбуждающему страхъ предмету, а воображеніе способно воспламеняться до опасной степени, такъ что послѣдствіемъ сильнаго страха бывають серіозныя умственные потрясенія, доходящія иногда до явнаго умопомѣшательства.

Гнѣвъ. Чувство гнѣва является такимъ же образчикомъ примитивныхъ чувствованій, какъ и страхъ. Гнѣвъ возникаетъ на той же почвѣ, какъ и страхъ именно на почвѣ стремленія человѣка защищать свои собственные интересы для продленія своего существованія. Поэтому гнѣвъ является всегда результатомъ пренятствій, сознательно направленныхъ противъ насъ кѣмъ либо въ ущербъ нашихъ собственныхъ интересовъ. Съ чувствомъ гнѣва мы соединяемъ обыкновенно и чувства мести и возмездія, злорадства и негодованія. Самая высшая форма проявленія чувства гнѣва называется яростью. Чувство гнѣва, кромѣ ущерба или оскорбленія,

нанесеннаго намъ кѣмъ-либо, заключаетъ въ себѣ и стремленіе причинить страданіе другому существу; при чемъ удовлетвореніе послѣдняго стремленія доставляетъ намъ явное удовольствіе. Такимъ образомъ, гнѣвъ является смѣшаннымъ чувствомъ, заключающимъ вмѣстѣ съ страданіемъ и извѣстное удовольствіе. Въ этомъ отношеніи чувство гнѣва противоположно страху, который какъ уже извѣстно, всегда сопровождается только однимъ страданіемъ.

Съ другой стороны, различіе между гнѣвомъ и страхомъ проявляется въ тѣлесныхъ выраженіяхъ обоихъ этихъ чувствъ. Страхъ всегда угнетающе дѣйствуетъ на организмъ, вызывая общее пониженіе физиологической дѣятельности органовъ; гнѣвъ же, наоборотъ, возбуждающе дѣйствуетъ на мускульную систему и вызываетъ энергичную дѣятельность организма.

Но, несмотря на такую разницу между этими чувствами, т. е. между страхомъ и гнѣвомъ, оба они, безъ сомнѣнія, относятся къ категоріи чувствованій первичныхъ, примитивныхъ, вызываемыхъ всегда инстинктомъ самосохраненія или врожденнымъ стремленіемъ чело-вѣка устранить все опасное и вредное для жизни.

Самолюбіе. Чувство самолюбія вытекаетъ изъ присущаго чело-вѣку желанія не только существовать и сохранить свою жизнь, но и совершенствоваться во всемъ, выдѣляясь, такимъ образомъ, изъ среды себѣ подобныхъ. Это чувство имѣетъ въ жизни чело-вѣка большое значеніе. Оно возбуждаетъ въ его душѣ нужныя для его развитія чувства самоуваженія и сознанія своего собственнаго достоинства, но все это является хорошимъ только въ томъ случаѣ, когда и самоуваженіе

и сознание своего достоинства имѣютъ дѣйствительную подкладку и вполне заслужены. Очень часто, однако, люди склонны преувеличивать свои достоинства и приписывать себѣ то, чего они вовсе не заслуживаютъ. Поэтому, при всѣхъ своихъ хорошихъ сторонахъ, самолюбіе служитъ также источникомъ разныхъ нежелательныхъ и унижающихъ человѣка душевныхъ побужденій. Изъ отрицательныхъ свойствъ, развивающихся на почвѣ невѣрно понятаго самолюбія особенно выдѣляется *хвастовство*, которое проявляется обыкновенно въ двоякомъ видѣ: 1) въ видѣ *тщеславія*, когда мы хвалимся какими-нибудь внѣшними достоинствами, какъ напр., красивой наружностью, красивымъ костюмомъ и др.; а 2), въ видѣ *гордости*, выражающейся въ чрезмѣрномъ сознаніи дѣйствительныхъ своихъ достоинствъ, какъ напр., ума, таланта, образованія и т. п.

Самолюбіе въ обширномъ смыслѣ слова заключаетъ въ себѣ много другихъ чувствъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ: а) **любовь къ одобренію**, когда человѣкъ, не довольствуясь своимъ собственнымъ одобреніемъ, ищетъ одобренія у другихъ людей и чувствуетъ при этомъ удовольствіе. Съ этимъ чувствомъ связано и чувство стыда, возникающее въ томъ случаѣ, когда мы сознаемъ, что совершили поступокъ, заслуживающій порицанія другихъ людей; такое сознание причиняетъ намъ всегда душевное страданіе; сюда же относятся: а) *любовь къ славы*; б) *чувство соперничества, соревнованія*, состоящее въ состязаніи съ другимъ человѣкомъ, въ борьбѣ, наслажденіи доказательствомъ нашего превосходства надъ другимъ, — въ какомъ-нибудь проявленіи нашей силы и искусства; в) *властолюбіе* или *честолюбіе*, т. е. стремленіе къ власти, къ первенству, къ вы-

дѣленію себя изъ среды окружающихъ для наилучшаго удовлетворенія своихъ потребностей и доставленія себѣ полнаго удовольствія.

Всѣ эти чувства, выражающія видоизмѣненія самолюбія, могутъ имѣть свои хорошія стороны, развиваясь въ извѣстныхъ предѣлахъ; но, если они переходятъ границу, то постепенно приближаются къ душевному состоянію, извѣстному подъ именемъ *эгоизма*, когда человекъ все относитъ къ себѣ, къ своему личному интересу и всегда предпочитаетъ себя всѣмъ другимъ людямъ.

Любовь къ приобрѣтенію. Къ чувствованіямъ эгоистическимъ надо отнести также и любовь къ приобрѣтенію, составляющую одну изъ основныхъ свойствъ человѣческой души. Личный элементъ этого чувства проявляется въ томъ, что собственность, составляющая главную основу всякаго приобрѣтенія, служитъ реальнымъ условіемъ личнаго благосостоянія и важнѣйшимъ элементомъ счастья. „Все мое мнѣ близко; принадлежащія намъ вещи являются какъ бы частью насъ самихъ“.

Еще на первой стадіи умственнаго развитія, въ самомъ раннемъ возрастѣ начинаетъ проявляться это чувство у ребенка, который уже явно старается защищать свои вещи: игрушки, книги, тетради, всѣми силами заботясь о томъ, чтобы этими вещами не завладѣли другія лица. А у взрослаго человека эта склонность все болѣе и болѣе усиливается и играетъ въ его жизни весьма видную роль. При этомъ, подобно другимъ эгоистическимъ чувствованіямъ, и любовь къ приобрѣтенію можетъ проявляться въ весьма уродливой

формѣ, превратившись въ манію (исключительную страсть), порокъ и скупость.

Мы, такимъ образомъ, разсмотрѣли главные виды индивидуальныхъ чувствованій и указали, какъ положительныя стороны и достоинства ихъ, такъ точно и отрицательныя ихъ проявленія и недостатки. При чемъ не подлежитъ сомнѣнію, что то или иное проявленіе особенностей этихъ чувствованій въ значительной степени зависитъ отъ условій современнаго соціального и политическаго строя, способствующаго развитію эгоистическихъ наклонностей человѣка и содѣйствующаго усиленію стремленія къ независимости и личному благосостоянію.

ГЛАВА XX.

Соціальныя чувствованія.

Переходъ отъ эгоистическихъ чувствованій къ соціальнымъ. Симпатія. Дѣленіе соціальныхъ чувствованій. Общительность. Семейная привязанность. Патріотизмъ. Любовь и дружба.

Переходъ отъ эгоистическихъ чувствованій къ соціальнымъ. Разсмотрѣнные нами личныя или индивидуальныя чувствованія могутъ развиваться правильно лишь въ томъ случаѣ, если мы представимъ человѣка въ совершенно изолированномъ положеніи. Но такъ какъ человѣкъ всегда живетъ и развивается въ средѣ, состоящей изъ лицъ, ему подобныхъ, то и развитіе индивидуальныхъ наклонностей суживается подъ вліяніемъ условій и отношеній, проистекающихъ отъ совмѣстной жизни. Въ виду такихъ обстоятельствъ лич-

ные интересы человѣка связываются съ интересами другихъ, ему подобныхъ, лицъ, и, такимъ образомъ, чувствованія эгоистическія начинаютъ постепенно терять свой исключительный характеръ и переходятъ въ чувствованія соціальныя или альтруистическія, всецѣло занятыя интересами другихъ людей.

Симпатія. Душевное побужденіе, порождающее соціальныя чувства и всегда ихъ сопровождающее, обыкновенно называется симпатіей (сочувствіемъ).

Мы всегда склонны выразить сочувствіе или состраданіе къ другимъ лицамъ. При созерцаніи чужого страданія, мы самі начинаемъ испытывать страданіе; видя радующихся и смѣющихся, мы сами начинаемъ радоваться и смѣяться. Такое состояніе называется *симпатическимъ раздраженіемъ*, заключающимся въ томъ, что, при воспріятіи внѣшняго проявленія какого-либо чувства другихъ лицъ, мы сами начинаемъ испытывать это чужое для насъ чувство и дѣйствуемъ такъ, какъ будто бы это были наши собственныя чувства, стараясь при этомъ удалить страданіе другихъ. «Это-то практическое отождествленіе нашей личности съ чужою и составляетъ сущность того, что мы называемъ добротою, милосердіемъ и самопожертвованіемъ для другихъ». Возможность такого сочувствія находится въ зависимости отъ опыта. Мы можемъ симпатизировать только чувствамъ, которыя нами пережиты, испытаны. Человѣкъ, не пережившій извѣстнаго чувства, не можетъ ему сочувствовать.

Такія симпатическія подражанія легко можно наблюдать и въ сферѣ высшихъ, идейныхъ чувствъ. Несчастливая судьба героя прочитанной нами книги можетъ вызвать въ насъ жалость и сочувствіе. Въ данномъ слу-

чаѣ, конечно, кромѣ опыта, въ возбужденіи симпатіи можетъ играть весьма важную роль и воображеніе. Люди не имѣютъ возможности пережить всякаго рода чувства, быть свидѣтелемъ и очевидцемъ всякихъ явленій міра, происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, перечувствовать и переиспытать все то, что приходится терпѣть и выносить человѣку всякаго состоянія. Воображеніе въ такихъ случаяхъ оказываетъ намъ неоцѣнимую услугу, облегчая намъ пониманіе тѣхъ чужихъ чувствъ, которыя не могли быть предметомъ нашего опыта и непосредственнаго испытанія. Напр., не испытавши никогда страданій бѣднаго человѣка, проистекающихъ отъ постоянного недостатка въ жизненныхъ средствахъ, мы изъ описанія его положенія другими лицами можемъ путемъ воображенія постичь его чувства и выказать къ нему состраданіе.

Изъ сказаннаго ясно, что симпатія является общимъ принципомъ всѣхъ альтруистическихъ чувствованій, отчего эти чувствованія иначе называются *симпатическими*.

Дѣленіе соціальныхъ чувствованій. Чувствованія соціальныя подраздѣляются на слѣдующіе виды: 1) *общительность* или свойственная намъ любовь къ себѣ подобнымъ; 2) *семейная привязанность*, состоящая въ томъ, что мы особенно любимъ людей близкихъ, связанныхъ съ нами узами родства; 3) *патріотизмъ*, выражающійся въ особенной привязанности нашей къ родинѣ и родному народу; 4) *любовь и дружба*, какъ особенныя чувства личнаго нашего расположенія къ извѣстнымъ лицамъ, которыя становятся предметомъ нашей исключительной привязанности.

Общительность Еще Аристотель, опредѣляя

человѣка, назвалъ его въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ „общественнымъ животнымъ“ и при этомъ доказывалъ, что люди потому только соединились, что не могли довольствоваться уединеніемъ, такъ что одно удовольствіе совмѣстной жизни могло положить основаніе жизни общественной.

Дѣйствительно, зародышъ общественныхъ чувствованій проявляется рано. Тотъ фактъ, что трехмѣсячный ребенокъ уже улыбается своей кормилицѣ, заставляетъ предполагать существованіе въ немъ чувства общительности. Въ послѣдующіе годы жизни ребенка эта привязанность къ людямъ, сперва проявляясь къ лицамъ, его окружающимъ, постепенно усиливается и крѣпнеть, пока наконецъ не выльется въ форму постоянной и необходимой привязанности къ людямъ, всегда являющейся источникомъ удовольствія.

Но это удовольствіе, происходящее отъ принадлежности къ человѣческой группѣ и общенія съ людьми, не всегда нами ясно чувствуется на томъ простомъ основаніи, что всякое удовольствіе отъ постояннаго упражненія и частаго повторенія постепенно теряетъ свою интенсивность и наконецъ совершенно остается незамѣтнымъ. Для того, чтобы доказать, насколько сильны въ насъ чувство общительности и удовольствіе, получаемое нами отъ совмѣстной жизни, нужно изолировать человѣка и поставить его въ особо исключительныя условія. Только въ полномъ уединеніи, лишенномъ всякаго общенія съ людьми, человѣкъ начинаетъ сознать, какъ сильно душа его нуждается въ сообществѣ себѣ подобныхъ, внѣ связи съ которыми онъ чувствуетъ всегда сильное душевное томленіе.

Семейная привязанность. Самымъ сильнымъ ду-

шевнымъ влеченіемъ служить всегда чувство родительское, отличающееся особенной страстностью и самоотверженностью. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство можетъ быть сильнѣе любви матери къ своему ребенку, которому она отдается всей душой. Семейныя привязанности, являясь сами естественными чувствами и отличаясь природной горячностью и постоянствомъ, всетаки подъ вліяніемъ цивилизаціи подвергаются довольно значительнымъ измѣненіямъ. Съ развитіемъ человѣчества, съ утвержденіемъ въ жизни общихъ культурныхъ началъ, создаются и болѣе прочныя основанія, на которыя въ настоящее время опирается семья. Если сравнить современные отношенія между членами семьи съ семейными привязанностями прежнихъ временъ, то нельзя не замѣтить, что чѣмъ дальше, тѣмъ эти отношенія становились болѣе прочными и гуманными. Не говоря, конечно, о родительской любви къ дѣтямъ, всегда проявляющейся въ одинаково значительной степени, отношенія между другими членами семьи, въ особенности же привязанности супружескія, сильно измѣнили свой прежній характеръ съ того времени, какъ жена стала въ семьѣ равноправнымъ мужу существомъ.

Патріотизмъ. Любовь къ себѣ подобнымъ, выражаясь сначала въ видѣ семейныхъ привязанностей и ограничиваясь извѣстнымъ тѣснымъ кругомъ лицъ, съ теченіемъ времени постепенно разрастается и усиливается. Но, разрастаясь и усиливаясь, любовь эта не можетъ сразу коснуться всѣхъ людей, всего человѣчества во всей совокупности, но распространяется на лицъ, связанныхъ съ нами общностью языка и понятій и, вообще, общими жизненными интересами. При этомъ общность интересовъ съ согражданами всегда связы-

вается съ представленіемъ общей территоріи, на которой мы вмѣстѣ съ ними живемъ. Такимъ образомъ, общность территоріи и связанныхъ съ ней общихъ интересовъ и особенностей образуетъ общее понятіе о родинѣ, любовь и преданность къ которой мы и называемъ *патріотизмомъ*.

Любовь и дружба. Эти чувства относятся къ категоріи чувствованій симпатическихъ, такъ какъ ихъ главнымъ основаніемъ служитъ симпатія, какъ проявленіе привязанности человѣка къ другимъ лицамъ, не связаннымъ съ нимъ никакими естественными узами. Но любовь и дружба всетаки отличаются вообще отъ симпатіи именно тѣмъ, что онѣ возникаютъ только при наличности нѣкоторыхъ общихъ условій, сходства характеровъ, общей солидарности, общности направленій, равенства въ жизненномъ положеніи, —служащихъ общимъ основаніемъ сближенія между людьми, тогда какъ симпатія распространяется на всѣхъ страждущихъ и радующихся совершенно безъ всякаго ограниченія.

ГЛАВА XXI.

Высшія отвлеченныя чувствованія.

Дѣленіе отвлеченныхъ чувствованій. Интеллектуальныя чувствованія. Чувствованія эстетическія. Эстетическій вкусъ. Искусство.

Дѣленіе отвлеченныхъ чувствованій. Последнюю группу чувствованій составляютъ въ высшей степени сложныя, отвлеченныя, чисто идейныя чувствованія, которыя проявляются только на высокой ступени

цивилизации и свойственны только людямъ съ развитымъ умомъ. Эти чувствованія подраздѣляются на слѣдующіе виды:

1) *интеллектуальныя чувствованія*, предметомъ которыхъ является любовь къ истинѣ, къ научнымъ занятіямъ;

2) *эстетическія чувствованія*, заключающія въ себѣ восхищеніе всѣмъ прекраснымъ;

3) *нравственныя чувствованія*, выражающія чувство долга и стремленіе къ нравственному совершенствованію;

4) *религіозныя чувствованія*, вытекающія изъ представленій о Богѣ.

Интеллектуальныя чувствованія. Первое мѣсто среди отвлеченныхъ чувствъ занимаетъ умственное или интеллектуальное чувство, которое непосредственно связано съ извѣстной степенью умственного развитія и выражаетъ душевное волненіе, сопровождающее всегда стремленіе къ достиженію разнаго рода знаній. Среди другихъ источниковъ, доставляющихъ человѣку всякаго рода удовольствія, и мысль также является очень часто причиной, порождающей истинное удовольствіе и радость. Особенно сильное наслажденіе интеллектуальной дѣятельностью мы замѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда душа съ особымъ рвеніемъ и тщательностью доискивается новаго факта или новой истины. Пассивное воспріятіе новыхъ познаній, не сопряженное нисколько съ самодѣятельностью, не можетъ, конечно, доставить того душевнаго удовольствія, которое мы испытываемъ всегда при активномъ, самостоятельномъ исканіи истины. Всякія затрудненія и препятствія, встречаемыя нами въ стремленіи къ пріобрѣтенію знаній и открытію новыхъ истинъ, вызываютъ только интеллек-

туальное возбужденіе и еще болѣе усиливаютъ наслажденіе, радостное чувство успѣшнаго преодоленія этихъ трудностей. Для ученаго изслѣдователя, посвящающаго всѣ свои труды одной излюбленной отрасли знанія, не можетъ быть болѣе сильнаго удовольствія, чѣмъ то, которое онъ испытываетъ, открывая новыя истины или устанавливая какую-либо новую точку зрѣнія на предметы и явленія. Вотъ что говоритъ по этому поводу Августинъ Тьерри: „Слѣпой и истощенный болѣзнями, безъ надежды на выздоровленіе, я смѣло могу сказать, что есть нѣчто, болѣе высокое, чѣмъ счастье и даже здоровье: это именно любовь къ наукамъ.“

Эстетическія чувствованія. Кромѣ низшихъ чувственныхъ наслажденій, существуютъ еще наслажденія высшія, отвлеченныя или *эстетическія*, рождающіяся изъ впечатлѣній, производимыхъ на душу внѣшними предметами черезъ посредство двухъ высшихъ чувствъ: зрѣнія и слуха. Наслажденія эти возникаютъ вслѣдствіе воспріятія какой-либо пріятной черты или свойства предмета: чистоты или гармоничности тона, симметричности построекъ, изящности и величественности видовъ природы и, вообще, произведеній искусства. Но эта совокупность внѣшнихъ впечатлѣній и образовъ не вызываетъ у насъ никакого эстетическаго чувства или чувства красоты, если непонятны намъ, не освѣщаются никакой идеей и не составляютъ продукта нашего разума. Слѣдовательно, для образованія чувства красоты необходимо гармоническое удовлетвореніе воображенія и мысли въ одно и тоже время. Красота и прелесть, вызываемыя въ нашей душѣ разными предметами и явленіями природы, происходятъ не только отъ созерцанія конкретныхъ свойствъ и признаковъ ихъ, но

зависятъ въ значительной степени и отъ того, что мы ассоціируемъ, т. е. связываемъ и сравниваемъ эти предметы и явленія съ тѣмъ, что намъ кажется привлекательнымъ, трогательнымъ и прекраснымъ, а затѣмъ судимъ о нихъ съ точки зрѣнія своего идеала, своего мѣрила, выработаннаго нами вообще для оцѣнки всего прекраснаго.

Эстетическій вкусъ. Такимъ образомъ, чувство прекраснаго есть не только созерцаніе реальной красоты, но и сужденіе о ней. Созерцая явленія природы или искусства, мы стараемся опредѣлить, что въ нихъ заслуживаетъ похвалы или порицанія, удивленія или смѣха,—почему такія-то черты намъ нравятся, а другія нѣтъ. Такая способность сужденія о красотѣ или установленіе общаго мѣрила, съ помощью котораго каждый индивидуумъ можетъ регулировать свои сужденія о красотѣ,—и называется *эстетическимъ вкусомъ*.

Эстетическій вкусъ, вообще, отличается большою неопредѣленностью. Неопредѣленность эта вошла даже въ поговорку. „О вкусахъ не спорять“—повторяетъ каждый изъ насъ постоянно. У отдѣльныхъ лицъ и даже у разныхъ обществъ существуютъ особня, своеобразныя понятія на счетъ опредѣленія и оцѣнки прекраснаго. Однако, несмотря на такое разнообразіе различныхъ проявленій эстетическаго вкуса, всетаки есть возможность установить до извѣстной степени вѣрные и общіе законы этого вкуса.

По общепризнанному мнѣнію, общія основанія, которыми руководствуется эстетическій вкусъ, дѣлая оцѣнку того или другаго предмета, вытекаютъ изъ существованія идеала красоты и возможности сравненія дѣйствительности съ этимъ идеаломъ. Конечно, этотъ идеаль красоты не представляетъ вовсе чего-либо абсо-

лютнаго, имѣющаго свое объективное бытіе и отражающагося въ нашемъ сознаниі въ качествѣ какой либо вѣчной и самостоятельной субстанціи. Онъ является скорѣе результатомъ совокупности различныхъ жизненныхъ, т. е. естественныхъ и культурныхъ условий, особенностей окружающей обстановки и среды. Общія представленія о красотѣ, устанавливающіяся подъ влияніемъ такихъ общихъ условий, постепенно мѣняются и совершенствуются, по мѣрѣ измѣненія и улучшенія этихъ условий. Такимъ образомъ, объективнаго идеала красоты не существуетъ. Но есть только общія типичныя соотношенія формъ и признаковъ, безъ которыхъ немислима никакая идея красоты; и все, уклоняющееся отъ этихъ общепризнанныхъ нормъ, обыкновенно считается некрасивымъ. Такія общія нормы, существующія, какъ въ явленіяхъ природы, такъ и въ произведеніяхъ искусства, служатъ основаніемъ теоріи красоты или *эстетики* (науки о прекрасномъ).

Эстетическій вкусъ въ той или иной степени присущъ всѣмъ людямъ и не составляетъ ничуть привилегіи образованныхъ классовъ. Но несомнѣнно то, что важнѣйшимъ условіемъ его усовершенствованія является умственная культура и что дѣйствительнымъ знатокомъ и разумнымъ цѣнителемъ всего прекраснаго можетъ быть только человѣкъ образованный въ самомъ истинномъ значеніи этого слова.

Искусство. Средствомъ для реализаціи идеаловъ красоты служитъ искусство. Оно ставитъ своей цѣлью пробудить въ душѣ чувства прекраснаго и возвышеннаго. Всякое произведеніе искусства заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: одна сторона—внутренняя, состоящая въ воспроизведеніи идей и образовъ, а другая—внѣшняя,

проявляющаяся во внѣшнихъ способахъ и средствахъ выраженія идей, т. е. въ художественной формѣ. Все великое значеніе искусства и заключается въ умѣломъ сочетаніи этихъ двухъ сторонъ, полной внутренней гармоніи между идеей и формой или внѣшнимъ изображеніемъ. А это умѣлое, гармоническое воплощеніе мысли, идеи въ художественную форму и является самымъ высокимъ достоинствомъ всякаго гениальнаго произведенія искусства. И въ этомъ же художественномъ воплощеніи идеи въ соотвѣтствующую внѣшнюю форму заключается также вся красота, вся прелесть произведеній искусства.

Ставя, такимъ образомъ, главной своей цѣлью красоту и ея изображеніе для удовлетворенія эстетическаго чувства человѣка и будучи совершенно свободнымъ отъ всякихъ практическихъ, утилитарныхъ цѣлей, искусство, однако, не должно измѣнять духовнымъ идеаламъ человѣчества и нарушать законы мысли и нравственности. Оно должно воплощать въ свои произведенія идеалы добра и истины, т. е. тѣ возвышенныя мысли и намѣренія, которыя, удовлетворяя наше нравственное чувство, могутъ еще болѣе усиливать эстетическую сторону произведеній искусства. Но истина или правда, воплощаемая въ произведеніяхъ искусства, не должна состоять въ простомъ копированіи и подражаніи тѣмъ реальнымъ формамъ, какія представляетъ художнику дѣйствительная жизнь. Эти реальныя формы должны быть одухотворены идеей, которая вдохновляла художника, тѣми чувствами, которыя его волновали. Такимъ образомъ, отвлеченная мысль, являющаяся, собственно, результатомъ объективнаго изученія дѣйствительности и внушенная художнику извѣстнымъ сочетаніемъ жизненныхъ условій, въ художественномъ изображеніи при-

обрѣтаетъ еще особыя черты, составляющія продуктъ умственной работы и настроенія художника и еще больше усиливающія эстетическое впечатлѣнiе, вызываемое произведенiемъ. Такое проявленiе личныхъ, индивидуальныхъ свойствъ настроенія художника составляетъ, вообще, отличительный и необходимый признакъ всякаго искусства и называется обыкновенно *личнымъ творчествомъ*.

ГЛАВА XXII.

Чувствованiя нравственныя.

Различныя виды нравственныхъ или этическихъ чувствованiй. Происхожденiе нравственнаго чувства. Основанiя нравственности. Чувствованiя религiозныя.

Различныя виды нравственныхъ или этическихъ чувствованiй. Нравственное чувство имѣетъ своимъ содержанiемъ человѣческiе поступки и сопровождающiя ихъ душевныя побужденiя. Это чувство понимается обыкновенно подъ различными наименованiями, каковы: чувство *нравственной обязанности* или *долга*, чувство уваженiя къ нравственному закону, любовь къ добродѣтели и чувство угрызенiя совѣсти или раскаянiя.

Чувство долга или нравственной обязанности проявляется и развивается всегда въ социальной средѣ, во взаимныхъ человѣческихъ отношенiяхъ. Существованiе и необходимость общежитiя вызываютъ необходимость признанiя господства общаго блага надъ частными интересами, подчиненiя личныхъ стремленiй пользѣ общественной. Совмѣстная человѣческая жизнь усиливаетъ

чувствованія симпатическія, альтруистическія, побуждающія чловѣка оказывать помощь и содѣйствіе другимъ людямъ. На основаніи общихъ побужденій, вытекающихъ изъ условій совмѣстной жизни, создаются общія нормы взаимныхъ отношеній, извѣстныя подъ именемъ нравственныхъ законовъ и получающія полную обязательность и святость. Поступки чловѣческіе, согласныя съ этими общеобязательными нормами, называются хорошими, нравственными, а дѣйствія, имъ противорѣчащія, признаются всеми дурными и безнравственными. Эти общія нравственныя правила въ основаніи своемъ содержатъ непремѣнно понятія о добрѣ и злѣ. Подъ словомъ „добро“ разумѣются тѣ чловѣческіе поступки и дѣйствія, которые способствуютъ общественности, усиливаютъ и укрѣпляютъ взаимную связь между людьми. Понятіемъ же „зло“ обозначаются поступки и дѣянія противоположныя, разрушающіе общественность и вредящіе общественной солидарности. Помощь, оказываемая нами бѣдному, нуждающемуся, есть поступокъ добрый, хорошій, доставляющій намъ чувство удовлетворенія. Наоборотъ, ложь, обманъ — вещи нехорошія, способствующія злу, развивающія взаимное недоверіе и разрушающія общественность. Если, при совершеніи такого дурного поступка, у насъ появляется сознаніе, что мы не исполнили того, что мы обязаны были сдѣлать, что намъ повелѣваетъ нравственный законъ и долгъ, то мы въ такомъ случаѣ испытываемъ душевное страданіе, у насъ появляется *раскаяніе* по поводу совершеннаго поступка, или, какъ обыкновенно говорятъ, *угрызеніе совѣсти*. Душевная способность, выражающая страданіе, испытываемое нами при совершеніи дурного поступка, при сознаніи неисполненнаго, нравственнаго долга, и

есть, собственно говоря, то, что мы называемъ вообще *совѣстью*.

Происхожденіе нравственнаго чувства. Вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства, долгое время считался спорнымъ. Одни мыслители, являвшіеся сторонниками теоріи, проповѣдывавшей врожденность душевныхъ способностей, старались доказать, что нравственное начало тоже надо считать врожденнымъ. При чемъ эти философы опирались, главнымъ образомъ, на той особенноти нравственнаго (моральнаго) чувства, которая обыкновенно называется обязательностью этого чувства и выражается въ томъ, что люди во всякое время сознавали, что есть внѣ ихъ нѣчто такое, что имъ повелѣваетъ дѣлать одно и не дѣлать другого. Это сознание обязательности нравственнаго долга философы и называли чувствомъ врожденнымъ.

Другіе же мыслители, извѣстные подъ именемъ *эволюціонистовъ*, возражали сторонникамъ врожденности этого чувства, развивая совершенно противоположную точку зрѣнія и доказывая, что нравственное чувство не есть чувство врожденное, а является результатомъ внѣшнихъ вліяній и постепеннаго развитія. Что же касается обязательности нравственнаго чувства, составляющей, какъ выше было сказано, главную особенность этого чувства, то защитники настоящей теоріи высказывали ту мысль, что эта наблюдаемая вездѣ обязательность нравственнаго закона можетъ являться только продуктомъ постоянно развивающагося жизненнаго опыта и укоренившейся привычки.

Для того, чтобы въ данномъ вопросѣ установить болѣе или менѣе правильную и руководящую точку зрѣнія, надо замѣтить, что упомянутыя теоріи отличаются

крайностью и односторонностью положений и взглядовъ. Для выясненія вопроса необходимо примиреніе этихъ противоположныхъ теорій и установленіе общаго взгляда на вопросъ. Врожденность нравственнаго чувства нужно понимать не въ томъ метафизическомъ смыслѣ, чтобы это чувство было какъ бы предвложено человѣку, какъ нѣчто абсолютное и самостоятельное, а въ смыслѣ нравственнаго инстинкта, обнаруживающагося еще въ раннемъ періодѣ дѣтской жизни, въ видѣ наклонности подчиняться чужому авторитету, и являющагося скорѣе унаслѣдованнымъ результатомъ соціального опыта и нравственнаго развитія многихъ предшествующихъ поколѣній. Кромѣ такого унаслѣдованнаго инстинкта, въ развитіи и выработкѣ соціальной формы нравственнаго чувства играютъ весьма важную роль и внѣшнія окружающія условія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ общественной средѣ, безъ которой немислимо существованіе этого чувства.

Такимъ образомъ, совмѣстное жительство людей и требованія общественности кладутъ основаніе общимъ нравственнымъ правиламъ, которыя возникаютъ въ сознаніи человѣка, какъ „нѣчто такое, что повелѣвается, что обязательно и что должно осуществиться“.

Основанія нравственности. Если нравственность является результатомъ разнообразныхъ жизненныхъ условій и постепеннаго развитія человѣчества, то, естественно, и нравственныя правила и понятія не во всѣхъ мѣстахъ и не во всякое время должны быть одинаковы. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ разныхъ обществахъ или въ одномъ и томъ же мѣстѣ въ разное время дѣйствуютъ и играютъ роль обязательныхъ постановленій совершенно различныя нормы и нравственныя понятія.

Обманъ, ложь, убійство и др. преступныя дѣянія различно оцѣниваются въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ народовъ. Такое положеніе вещей создаетъ невозможность установленія общихъ нравственныхъ началъ, имѣющихъ смыслъ и примѣненіе ко всякому мѣсту и времени.

Но, несмотря на такое обстоятельство, мыслители всѣхъ временъ, размышляя о высшихъ и лучшихъ человѣческихъ интересахъ, старались объединить и обобщить разнообразныя нравственныя понятія и устои и выработать такія идеально-совершенныя положенія, которыя являлись бы всеобщимъ мѣриломъ всего справедливаго и несправедливаго.

Въ этомъ отношеніи въ исторіи развитія науки о нравственности или *этики* первое мѣсто занимаетъ греческій мудрецъ — *Сократъ*, задавшійся цѣлью установить прочное основаніе нравственности. Извѣстно, что во время Сократа въ греціи пользовались большимъ вліяніемъ такъ называемые софисты (мудрецы), которые, считая человѣка мѣриломъ всѣхъ вещей и признавая всякое знаніе относительнымъ, распространяли между своими современниками убѣжденіе, что истинно доброе можетъ быть зломъ, что поступокъ, въ глазахъ одного являющійся хорошимъ, по мнѣнію другого, можетъ быть дурнымъ, что правда есть призракъ, а преступленіе отличается отъ добродѣтели только названіемъ. Вотъ противъ такихъ-то мудрецовъ и выступилъ Сократъ съ своимъ ученіемъ, доказывая, что истинное знаніе возможно, что поступки человѣческіе зависятъ исключительно отъ знанія и что физическія потребности и матеріальныя условія дѣйствуютъ на нравственность только черезъ посредство мысли. Докажи человѣку, что онъ

несправедливъ, и разъясни ему, что надо дѣлать, чтобы быть справедливымъ, и ты его исправишь,—говорилъ обыкновенно Сократъ. Конечно, такая беззавѣтная вѣра въ силу человѣческаго ума представляетъ много односторонняго, но всетаки слѣдуетъ признать великое значеніе Сократа въ исторіи развитія этики, такъ какъ онъ первый установилъ ясное и прочное основаніе нравственности, приведя ее въ непосредственную зависимость отъ умственного развитія.

И хотя развитіе дѣйствительности не оправдываетъ такого теоретическаго обоснованія нравственнаго чувства, хотя въ жизни часто видимъ примѣры, не подтверждающіе такое совпаденіе направленія мысли съ нравственными поступками, но, однако, стремленіе къ просвѣщенной совѣсти, которая въ состояніи открывать глубочайшія основанія нравственнаго долга и приближаться къ полному и гармоничному идеалу добра, всегда составляетъ одно изъ наивысшихъ стремленій человѣческаго духа.

Чувствованія религіозныя. Подобно всѣмъ другимъ высшимъ, отвлеченнымъ чувствованіямъ, религіозныя чувствованія также присущи лишь разумному существу и непосредственно связаны съ интеллектуальнымъ развитіемъ личности. Этимъ чувствованіямъ предшествуетъ всегда идея Бога, какъ Творца міра, къ которому человѣкъ восходитъ всегда мысленно. Безъ такой идеи и безъ вѣры въ Творца вселенной немислимо само религіозное чувство:

По мнѣнію почти всѣхъ мыслителей, это чувство является характеристическимъ свойствомъ всего человѣческаго рода. Не было никогда и нѣтъ народа, не имѣющаго религіи; даже у австралійцевъ и другихъ

дикихъ племень, стоящихъ на весьма низкой ступени развитія, находятъ религію.

Религіозное чувство, а также и формы, въ которыя облекается всегда религія, подвержены измѣненіямъ подѣ вліяніемъ разныхъ окружающихъ условій и съ развитіемъ культуры. У первобытныхъ народовъ религія выражалась чувствомъ страха и ужаса передъ грозными явленіями природы. Далѣе, по мѣрѣ развитія и расширенія умственного кругозора, человѣкъ постепенно начинаетъ проникаться благотворнымъ вліяніемъ силъ природы, и все болѣе и болѣе начинаютъ у него складываться представленія о Богѣ, какъ существѣ добромъ, разумномъ и совершенномъ. Такія представленія о Богѣ, постепенно развивающіяся и усиливающіяся, вызываютъ въ людяхъ чувства благоговѣнія и преданности или чувства любви къ Богу, составляющія, вообще, основу всѣхъ религіозныхъ чувствованій.

ГЛАВА XXIII.

Другія комбинаціи чувствованій.

Чувствованія формальныя и предметныя. Аффекты. Классификація аффектовъ. Душевное настроеніе.

Формальныя и предметныя чувствованія. Кроме разсмотрѣнныхъ нами группъ, существуютъ еще и другія комбинаціи чувствованій. Прежде всего нѣкоторые психологи различаютъ такъ называемыя *формальныя* и *предметныя* чувствованія. Формальными обыкновенно называютъ чувствованія, являющіяся результатомъ взаимодѣйствія между представленіями, таковы: чувства

сомнѣнія, ожиданія, унынія и др. Всѣ остальные чувствованія, какъ напр., интеллектуальныя, эстетическія, нравственныя и др. составляютъ группу чувствованій предметныхъ.

Другіе считаютъ самымъ удобнымъ раздѣлить чувствованія на *пріятныя* и *непріятныя*, разумѣя подъ пріятными чувства, доставляющія удовольствія, а подъ непріятными—чувства, причиняющія страданія.

Затѣмъ, различаютъ еще чувствованія по степени ихъ силы или напряженія. Въ этомъ смыслѣ можно установить двѣ категоріи: 1) чувствованія, отличающіяся высокою степенью напряженности или *аффекты* и 2) *душевное настроеніе*.

Аффекты. Аффектами мы называемъ такія душевныя состоянія, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, производящихъ на насъ сильное впечатлѣніе, и овладѣваютъ нами помимо нашей воли. Съ этой точки зрѣнія къ аффектамъ должны быть отнесены всѣ тѣ наши чувствованія и наклонности, которыя проявляются съ особенной силой, какъ напр., ужасъ, ярость, отчаяніе, восторгъ, испугъ, изумленіе и др. Главная особенность аффектовъ заключается въ томъ, что они оказываютъ сильное дѣйствіе на ходъ нашихъ представленій и нарушаютъ нормальную способность мышленія. Подъ вліяніемъ аффекта, т. е. сильнаго возбужденія, мы часто совершаемъ такія дѣйствія, о которыхъ послѣ выражаемъ самое искреннее сожалѣніе.

Кромѣ того, аффекты производятъ значительныя измѣненія въ нашемъ организмѣ. Каждый изъ аффектовъ имѣетъ свое особое тѣлесное выраженіе. Напр., во время гнѣва станъ у человѣка выпрямляется, глаза раскрываются, руки сжимаются въ кулаки, онъ какъ

будто бы готовится наносить удары; у чловѣка, испытывающаго сильную радость (восторгъ), углы рта поднимаются, онъ смѣется, издаетъ крики радости, онъ даже прыгаетъ или танцуетъ. Другіе аффекты также сопровождаются различными тѣлесными выраженіями: краской или блѣдностью въ лицѣ, судорожнымъ дрожаніемъ всѣхъ членовъ организма, истерическимъ смѣхомъ или слезами и т. п.

Классификація аффектовъ. Сообразно съ такими свойствами и вліяніемъ ихъ на общее состояніе организма, аффекты подраздѣляются: на *стеническіе* и *астеническіе*, т. е. возбуждающіе и подавляющіе. *) Стеническіе аффекты возбуждаютъ организмъ, усиливая дѣятельность сердца и другихъ органовъ; а астеническіе—подавляющимъ образомъ дѣйствуютъ на организмъ, ослабляя біеніе сердца и вызывая суживаніе кровеносныхъ сосудовъ.

Къ первой категоріи аффектовъ относятся: гнѣвъ, ярость, восторгъ, воодушевленіе, отвращеніе и др.; ко второй же категоріи надо причислить: страхъ, ужасъ, испугъ, изумленіе и т. п.

Другіе психологіи, отождествляя аффекты со страстями, допускаютъ иное ихъ раздѣленіе и устанавливаюъ два класса аффектовъ: 1) аффекты *импульсивные* и 2) аффекты *репульсивные*, т. е. притягательные и отталкивающіе. Къ импульсивнымъ или притягательнымъ аффектамъ относятся: любовь, желаніе, радость, надежда и смѣлость; а къ репульсивнымъ или отталкивающимъ—ихъ противоположности: ненависть, отвращеніе, печаль, отчаяніе и страхъ.

*) Кантъ—Антрополія. стр. 122.

Существуетъ также въ психологіи раздѣленіе аффектовъ сообразно съ чувствованіями и склонностями, которыя въ нихъ преувеличиваются. Въ этомъ отношеніи можно различать: 1) *физическія страсти*, основанныя на физическихъ потребностяхъ, а именно: обжорство, пьянство, сладострастіе и др.; 2) *умственные аффекты* или страсти, вытекающіе изъ склонностей къ любознательности, каковы: научный фанатизмъ, различныя маніи ученыхъ специалистовъ и т. п.; 3) *нравственные аффекты*: скупость, честолюбіе, семейная любовь, шовинизмъ, классовая вражда, религіозный фанатизмъ и др.

Душевное настроеніе. Кромѣ перечисленныхъ нами различныхъ видовъ и формъ чувствованій, существуетъ еще болѣе общее и длительное душевное состояніе, которое выражаетъ общее отношеніе и взаимодѣйствіе всѣхъ психическихъ проявленій чловѣка и извѣстно подъ общимъ именемъ *настроенія*.

Какъ извѣстно, въ душевной жизни постоянно происходитъ смѣна однихъ представленій и желаній другими, однихъ мыслей и чувствованій другими побужденіями и стремленіями, при чемъ эти мысли и побужденія, не производя на насъ сильныхъ впечатлѣній, почти незамѣтно ускользаютъ отъ нашего наблюденія. Такое равномерное и спокойное теченіе душевной жизни, не нарушаемое никакими внезапными и тревожными происшествіями и впечатлѣніями, содѣйствуетъ образованію извѣстнаго душевнаго настроенія.

Но, такъ какъ такое нормальное теченіе жизни весьма непродолжительно и часто нарушается различными обстоятельствами и условіями, то характеръ, сила и степень душевнаго настроенія не всегда могутъ быть

одинаковы; они могут усиливаться подъ вліяніемъ какого-либо душевнаго возбужденія, внѣшняго впечатлѣнія или воспоминанія о чемъ-нибудь, нарушающемъ спокойствіе нашей души.

Измѣненіе и усиленіе степени и силы настроенія или, какъ говорятъ другіе, расположенія духа происходятъ, главнымъ образомъ, отъ переживаемыхъ нами въ разное время аффектовъ. т. е. сильныхъ душевныхъ потрясеній. Нѣкоторые непріятные аффекты имѣютъ особенную склонность переходить въ длительное настроеніе, при чемъ, конечно, имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что внѣшнее впечатлѣніе, обусловившее аффектъ, само оказываетъ послѣдовательное дѣйствіе, выражающееся извѣстными чувствами. Такъ, душевная боль отъ потери любимаго лица разрѣшается въ печаль, продолжающуюся тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе наша жизнь была связана съ потеряннымъ лицомъ *).

Такимъ образомъ, настроеніе или расположеніе духа находится обыкновенно въ зависимости отъ переживаемыхъ нами въ разное время чувствъ и можетъ быть или хорошимъ, веселымъ, когда мы испытываемъ радость и что либо, вообще, пріятное, или дурнымъ, грустнымъ, когда душа наша испытываетъ печаль или какое-либо страданіе.

Съ другой стороны, помимо вліянія аффектовъ и другихъ внезапныхъ и случайныхъ душевныхъ потрясеній, наше настроеніе можетъ опредѣляться еще другими, болѣе постоянными и коренными условіями, протекающими, какъ отъ унаслѣдованныхъ нами общихъ душевныхъ свойствъ, такъ равно и отъ общественнаго

*) Вундтъ—Основ. физ. психологій, стр. 876.

положенія и возможности удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи весьма сильное вліяніе оказываютъ на настроеніе въ дальнѣйшей жизни выработавшіяся въ дѣтскомъ возрастѣ печальныя или радостныя впечатлѣнія, которыя составляютъ продуктъ вліянія окружающихъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, условій. Напр., у людей, выросшихъ въ бѣдности и переживавшихъ все время лишенія и нужду, развивается постоянное тяжелое настроеніе души, безотрадный взглядъ на все. Такое настроеніе, при слабомъ фізіологическомъ строеніи становится очень длительнымъ и можетъ пріобрѣсти наклонность къ постоянному возрастанію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже оно возрастаетъ до аффекта и переходитъ прямо-таки въ болѣзненное состояніе духа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пеихологія воли.

ГЛАВА XXIV.

Физическая дѣятельность.

Виды непроизвольныхъ движеній. Рефлективныя движенія. Прирожденныя стремленія. Инстинктивныя движенія. Значеніе инстинктивныхъ движеній.

Виды непроизвольныхъ движеній. Всѣ акты умственной дѣятельности и сопровождающія ихъ различнаго рода чувствованія всегда проявляются въ дѣйствіяхъ и поступкахъ человѣческихъ, которые, смотря

по обстоятельствамъ и причинамъ, ихъ вызывающимъ, могутъ быть весьма разнообразны. Тѣ дѣйствія человѣческія, которыя совершаются съ полнымъ сознаниемъ и разумнымъ пониманіемъ ихъ цѣлей и направленій, обыкновенно называютъ *волевыми актами*.

Но не всякая дѣятельность человѣческая является продуктомъ сознанія и разумнаго пониманія. Весьма часто проявленія этой дѣятельности служатъ результатомъ подчиненія человѣка безсознательнымъ стремленіямъ природы, ея необходимымъ требованіямъ. Подобныя необходимыя требованія природы порождаютъ различнаго рода произвольныя или необдуманныя движенія, которыя способно совершать всякое живое существо. Такія необдуманныя дѣйствія могутъ быть двоякаго рода:

1) *движенія рефлексивныя* (рефлекторныя) и *автоматическія*, вызываемыя физическими или физиологическими побужденіями, и

2) *движенія инстинктивныя*, сопряженныя съ удовлетвореніемъ естественныхъ, прирожденныхъ стремленій.

Рефлексивныя движенія. Рефлексивными, какъ и выше указывали, называются такія движенія, которыя совершаются безсознательно, помимо нашей воли, и зависятъ исключительно отъ внѣшнихъ условій. Эти движенія свойственны всѣмъ живымъ существамъ, обладающимъ нервной и мускульной системой. Возбужденіе, составляющее свойство нервной системы и происходящее отъ какой-либо физической причины, достигаетъ нервнаго центра посредствомъ центростремительныхъ нервовъ, а оттуда черезъ двигательный или центробѣжный нервъ передается мускулу, который, сокра-

щаясь вслѣдствіе такого раздраженія, производитъ то или другое движеніе. Напр., если ударъ направленъ въ глазъ, то мы производимъ защитительныя движенія, называющіяся миганіемъ. Если кто-либо незамѣтно для насъ вѣчиннетъ насъ за руку, то мы быстро ее отдернемъ. Такія движенія и будутъ рефлексивными, т. е. отражающими. Кроме того, къ этой же категоріи движеній относятся также чиханіе, кашляніе, крикъ отъ щекотанія и другія бессознательныя движенія, отвѣчающія на чувственныя возбужденія.

Автоматическія движенія. Къ разряду движеній безцѣльныхъ, кроме рефлексивныхъ, относятся еще такъ называемыя автоматическія движенія, которыя совершаетъ, напр., новорожденный ребенокъ, двигая ручками или ножками въ ту или другую сторону или испуская разнаго рода крики. Въ особенности послѣ пробужденія, когда сонъ подкрѣпитъ двигательные органы, ребенокъ начинаетъ усиленно двигать своими членами. Такія движенія являются совершенно безцѣльными и служатъ только результатомъ чисто физиологическаго явленія, именно накопленія и избытка нервной энергіи, которая въ такихъ движеніяхъ старается израсходоваться, какъ бы разрядиться.

Второй классъ движеній составляютъ движенія инстинктивныя, которыя служатъ отраженіемъ природныхъ стремленій. Поэтому, до разсмотрѣнія этого рода движеній, намъ нужно познакомиться съ обуславливающими ихъ прирожденными стремленіями.

Прирожденные стремленія. Всякое существо является на свѣтъ уже съ извѣстными, прирожденными чувственными побужденіями. Потребность питанія, напр., и другія естественныя побужденія совершенно не за-

висятъ отъ предшествовавшаго индивидуальнаго сознанія челоуѣка, а являются уже готовыми, врожденными, т. е. унаслѣдованными стремленіями, составляющими область инстинкта.

Разныя породы живыхъ существъ рождаются съ уже опредѣленными прирожденными стремленіями: птица съ стремленіемъ вить гнѣздо, пчела—строить ячейку, ребенокъ—сосать грудь матери, смотрѣть обоими глазами въ одну точку и т. п.

Всѣ эти придоненныя стремленія подраздѣляются на два главныхъ вида:

- 1) *инстинктъ самосохраненія* и
- 2) *инстинктъ продолженія рода*.

Въ первую группу входятъ побужденія, направленныя къ сохраненію существованія и выражающіяся въ отысканіи пищи и въ побужденіи къ самозащитѣ. Последнее побужденіе въ своей первичной формѣ сводится къ рефлективному удаленію всего тѣла или нѣкоторыхъ его частей отъ виѣшняго раздраженія; оно же частью переходитъ въ область инстинкта продолженія рода. Это соображеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что животныя, строя норы и гнѣзда, одновременно удовлетворяютъ потребности самозащиты и воспитанія дѣтенышей. Инстинктъ продолженія рода заключаетъ въ себѣ троякаго рода побужденія: а) побужденія половыя, в) побужденія семейныя и с) побужденія социальныя.

Простѣйшею формою родового инстинкта, замѣчаемою даже у низшихъ животныхъ, является побужденіе къ взаимному соединенію многихъ особей одного вида. При этомъ, подобно тому, какъ инстинктъ самозащиты вызываетъ удовлетвореніе родовыхъ побужденій, точно также и родовой инстинктъ, въ свою очередь, въ осо-

бенности въ болѣе развитыхъ своихъ формахъ, связанъ съ потребностями самозащиты. Въ виду этого возникаютъ связи, не только семейственныя, но также и общественныя, такъ какъ особи одного вида соединяются въ общество въ виду общихъ всѣмъ имъ стремленій къ личной безопасности и воспитанію дѣтенышей. Слѣдующія стадіи развитія родового побужденія въ человѣческихъ обществахъ принимаютъ высшій моральный характеръ и входятъ въ область уже разсмотрѣнныхъ выше нравственныхъ чувствованій.

Къ прирожденнымъ побужденіямъ родового характера мы должны отнести такое *стремленіе къ подражанію*, которое замѣчается у всѣхъ животныхъ, живущихъ, обществами. „Это стремленіе выражается въ томъ, что движенія, произведенныя одними изъ членовъ общества, изданныя нѣкоторыми изъ нихъ звуки (призывные или предостерегальныя), тотчасъ же повторяются другими членами. Точно также молодая животныя подражаютъ дѣйствіямъ своихъ родителей; такъ, охотничья собака въ своихъ первыхъ выходахъ на охоту подражаетъ примѣру собакъ, болѣе старыхъ и опытныхъ *)“.

Инстинктивныя движенія. Инстинктивными называются такія произвольныя движенія, которыя всецѣло обусловливаются прирожденными побужденіями. Въ виду неопредѣленности и бессознательности природныхъ стремленій, инстинктивныя движенія въ своихъ физическихъ проявленіяхъ представляются также движеніями, какъ бы механическими, рефлексивными, но въ отличіе отъ послѣднихъ они связаны, правильны и целесообразны.

*) Вундтъ—тамъ же, стр. 892.

Но эта связность и цѣлесообразность инстинктивныхъ движеній вовсе не служатъ продуктомъ произвольныхъ дѣйствій, проявленія воли. Движенія ребенка при сосаніи груди матери, стремленіе его сообщить обѣимъ ногамъ ритмическое движеніе, — затѣмъ, движенія находящагося въ неволѣ бобра, направленные на собираніе матеріала для постройки совершенно ему ненужнаго зимняго жилища въ звѣринцѣ, — суть движенія правильныя, цѣлесообразныя, но, при этомъ, живыя существа, производящія эти направленные къ одной цѣли движенія, не сознаютъ этой самой цѣли. Но, всетаки, нельзя сказать, чтобы инстинктивныя движенія были совершенно самостоятельными. Они никогда не проявляются чисто механическимъ образомъ, но могутъ происходить только при наличности извѣстныхъ условій, только при существованіи того природнаго побужденія, на удовлетвореніе котораго они и направлены.

Съ психологической точки зрѣнія, инстинктивныя движенія отличаются спеціальнымъ характеромъ, они суть дѣйствія, которыя примѣняются только въ извѣстномъ направленіи, стремясь къ одной опредѣленной цѣли. Это ясно, во 1-ыхъ, изъ того обстоятельства, что у существъ одного и того же вида инстинкты одинаковы, а у особей разныхъ видовъ различны. Одна птица не строитъ гнѣздъ всякаго рода, но всегда одной и той же формы; всѣ пчелы строятъ свои соты однимъ и тѣмъ же способомъ. Но щеглы строятъ свои гнѣзда иначе, чѣмъ ивогли; куры по инстинктамъ не походятъ на утокъ. Такимъ образомъ, инстинктивныя движенія зависятъ отъ особенностей и видовой организаціи живыхъ существъ. Во 2-хъ, для подтвержденія данной мысли весьма важно и слѣдующее наблюденіе, состоящее

въ томъ, что, напр., сосательное движеніе совершается ребенкомъ только въ томъ случаѣ, когда онъ голоденъ, а съ наступленіемъ насыщенія, это движеніе тотчасъ прекращается. Все это показываетъ, что инстинктивныя движенія въ общихъ своихъ проявленіяхъ всегда сопровождаются нѣкоторою степенью сознанія.

Значеніе инстинктивныхъ движеній. Инстинктивныя движенія присущи, главнымъ образомъ, животнымъ и исчерпываютъ всю почти ихъ дѣятельность. Что же касается жизни человѣческой, то роль инстинктовъ здѣсь значительно суживается сравнительно съ жизнью животныхъ, такъ какъ въ человѣческой жизни самую главную роль играетъ работа разума, размышленіе и сознательное отношеніе къ своимъ поступкамъ. Но въ жизни людей, стоящихъ еще на весьма низкой ступени умственного развитія, и въ дѣтскомъ возрастѣ инстинкты служатъ важнымъ рычагомъ, дающимъ направленіе цѣлому ряду дѣйствій соответственно нуждамъ ихъ существованія, и продолжаютъ играть такую видную роль до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не овладѣетъ разумомъ и волей.

ГЛАВА XXV.

Произвольныя движенія

Переходъ къ произвольнымъ движеніямъ. Происхожденіе произвольныхъ движеній. Отношенія произвольныхъ дѣйствій къ чувствованіямъ. Влеченіе. Желаніе. Страсти.

Переходъ къ произвольнымъ движеніямъ. Но волевая дѣятельность, конечно, проявляется не сразу; она, съ самаго ранняго возраста, начинаетъ прорываться

наибренными движеніями, стараясь освободиться отъ власти инстинкта и сдѣлаться главнымъ орудіемъ всей дѣятельности ребенка. Но всетаки рѣшающими принципами дѣтскихъ поступковъ является не воля, но инстинктъ и чувство.

Постепенный переходъ отъ инстинктивныхъ движеній и другихъ неразумныхъ дѣйствій къ движеніямъ произвольнымъ и сознательнымъ совершается путемъ медленнымъ, черезъ посредство долговременнаго опыта и упражненія всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ силу своей врожденной душевной организаціи ребенокъ имѣетъ стремленіе къ удовлетворенію своего основного инстинктивнаго побужденія и, съ одной стороны, ищетъ того, что ему всегда доставляетъ удовольствіе и увеличиваетъ его благополучіе, а, съ другой стороны, старается избѣгать того, что ему причиняетъ страданіе и вредъ. Этимъ стремленіемъ руководить всегда опытъ, который основывается на данныхъ, вытекающихъ изъ случайныхъ, автоматическихъ движеній.

Происхожденіе произвольныхъ движеній.

Для того, чтобы хоть сколько—нибудь выяснить процессъ образованія первоначальныхъ сознательныхъ дѣйствій, предположимъ, что какой-нибудь яркій предметъ, находящійся передъ глазами ребенка, вызываетъ въ немъ чувство удовольствія, которое выражается у него различными движеніями. Предположимъ дальше, что однимъ изъ этихъ движеній будетъ то, что онъ протянетъ руку къ этому предмету, коснется его и овладѣетъ имъ. Послѣ нѣсколькихъ повтореній между указаннымъ движеніемъ и чувствомъ удовольствія должна установиться связь, ассоціація. Такъ, постепенно ребенокъ привыкаетъ отличать это движеніе отъ другихъ дви-

женій и соединять его съ пріятнымъ удовольствіемъ брать этотъ предметъ въ руки и держать его. Когда эта ассоціація достигнута, то движеніе становится произвольнымъ. Имѣя опредѣленное представленіе удовольствія, связанное съ какимъ-либо предметомъ, ребенокъ протягиваетъ руку, чтобы взять этотъ предметъ уже съ явнымъ намѣреніемъ удовлетворить своему желанію. Слѣдовательно, автоматическія движенія служатъ источникомъ произвольныхъ дѣйствій, происходящихъ изъ нихъ путемъ постепеннаго образованія представленій.

Отношеніе произвольныхъ движеній къ чувствованіямъ. Въ составъ произвольныхъ движеній, кромѣ представленій, пріобрѣтаемыхъ путемъ опыта и упражненій, входятъ еще и чувствованія. Всякое произвольное дѣйствіе направлено всегда къ достиженію удовольствія и устраненію страданія. Слѣдовательно, кромѣ представленія предмета, причиной, вызывающей произвольное движеніе, служитъ всегда то или иное чувство. Эта зависимость произвольныхъ дѣйствій отъ разнаго рода чувствованій особенно ясно выражается въ тѣхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя обыкновенно называются *элементарными волевыми актами*. Эти душевныя состоянія суть *влеченіе, желаніе и страсти*.

Влеченіе. Влеченіемъ называется такое проявленіе волевого акта, которое всегда связано съ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ о привлекательномъ дѣйствіи и выражаетъ душевное побужденіе къ осуществленію и реализаціи этого представленія. Такимъ образомъ, влеченіе заключаетъ въ себѣ всѣ три элемента сознанія: 1) представленіе или идею предмета стремленія, 2) чувство потребности и жажды и 3) эле-

ментъ активнаго сознанія. Вслѣдствіе этого сила или степень влеченія обусловливается ясностью представленія будущаго дѣйствія, живостью или непряженностью чувства потребности, а также сильной склонностью къ дѣятельности; иначе говоря, естественное проявленіе влеченія заключается въ могущественныхъ, активныхъ побужденіяхъ, поддерживаемыхъ сильными чувстваваніями.

Желаніе. Но когда активное побужденіе, пользуясь яснымъ представленіемъ какого-либо опредѣленнаго дѣйствія, направляется къ опредѣленной дѣятельности, къ достиженію опредѣленной цѣли, то въ этомъ случаѣ влеченіе становится *желаніемъ*. Когда ребенокъ чувствуетъ голодъ, не имѣя представленія о какой-либо пищѣ, которая могла бы удовлетворить его голодъ, то онъ имѣетъ только влеченіе. Но, если это влеченіе нѣсколько разъ удовлетворялось извѣстнаго рода пищей и если каждый разъ возникновеніе такого влеченія соединялось въ сознаніи нашемъ съ представленіемъ объ этой пищѣ, то мы имѣемъ уже въ данномъ случаѣ опредѣленное желаніе. Стремленіе развлечься чѣмъ-нибудь или стремленіе скучающаго человѣка совершить путешествіе безъ дальнѣйшихъ разсужденій о времени, направленіи и конечной цѣли этого путешествія будетъ простымъ влеченіемъ, а стремленіе развлечься какою-либо опредѣленною игрою или путешествіемъ въ какое-либо опредѣленное мѣсто—будетъ уже желаніемъ. Такимъ образомъ, желаніе отличается отъ влеченія тѣмъ именно, что оно всегда связано, съ одной стороны, съ яснымъ и опредѣленнымъ представленіемъ предмета, доставляющаго удовольствіе, а, съ другой стороны, съ

дѣйствиємъ, приводящимъ къ удовольствіямъ и устраняющимъ неудовольствіе или страданіе.

Страсть. Очень часто въ нашемъ сознаниі въ силу окружающихъ условій, воспитанія, образованія, жизненнаго положенія и др. постоянно и преимущественно передъ другими возникаютъ нѣкоторыя представленія, которыя путемъ частаго повторенія входятъ въ привычку и овладѣваютъ всѣмъ нашимъ существомъ. Желаніе, вызываемое подобнымъ, исключительно овладѣвающимъ нашей душой, представленіемъ и усилившееся до послѣдней степени напряженности, называется *страстью*. Такія разросшіяся желанія, напр., сильная склонность къ карточной игрѣ, спиртнымъ наиткамъ и другимъ излишествамъ и влеченіямъ—суть страсти. Какъ всякія другія влеченія и желанія, страсти также многочисленны и разнообразны: одни возникаютъ изъ потребности удовлетворенія общихъ фізіологическихъ нуждъ, какъ напр., обжорство и неумѣренность въ питъѣ; другія же порождаются въ области душевныхъ стремленій, какъ напр., скуность, тщеславіе, честолюбіе и др. Такимъ образомъ, страсти, всецѣло овладѣвая всѣмъ нашимъ духовнымъ существомъ, оказываютъ сильное вліяніе на нашъ образъ мыслей, на всѣ наши дѣйствія и часто принимаютъ форму болѣзненнаго состоянія.

ГЛАВА XXVI.

Сложный волевой актъ.

Отношеніе воли къ чувству и разуму. Волевой процессъ.
Основные моменты волевого акта.

Отношеніе воли къ чувству и разуму. Мы до сихъ поръ разсматривали тѣ виды произвольныхъ дѣй-

ствій, которые, находясь въ непосредственной связи и зависимости отъ представлений и чувствованій, составляютъ только первоначальные, элементарные акты волевой дѣятельности. Настоящая же волевая дѣятельность есть всегда способность къ обдуманному рѣшенію на основаніи свободнаго выбора.

Но воля не должна быть смѣшиваема ни съ желаніемъ, ни съ представленіемъ, такъ какъ очень часто эти душевныя состоянія не совпадаютъ. Привлекающее насъ свойство желаемаго предмета не всегда заставляетъ насъ уступить этому свойству; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ желаніе и воля прямо противорѣчатъ другъ другу; такое положеніе вызываетъ душевную борьбу, которая оканчивается то въ пользу желанія, то въ пользу воли.

Но то или иное рѣшеніе вопроса, т. е. въ пользу ли чувства или въ пользу воли, весьма много зависитъ отъ другихъ душевныхъ свойствъ человѣка, который въ той или другой степени всегда надѣленъ способностью подавлять или ослаблять свои чувства. Нѣкоторыя личности даже обладаютъ свойствомъ не только подавлять свои чувства, но и вызывать другія новыя чувства. Напр., бываютъ случаи, когда при весьма серьезныхъ обстоятельствахъ, у насъ почему-либо можетъ явиться побужденіе смѣяться; чувствуя, что смѣхъ совершенно не соотвѣтствуетъ данному положенію, мы всѣми силами стараемся подавить въ себѣ это чувство; для этого мы принимаемъ выраженіе гнѣвающагося человѣка, и этимъ останавливаемъ въ себѣ побужденіе къ смѣху. Такая способность подавлять въ себѣ одни чувства и вызывать другія—называется обыкновенно *самообладаніемъ* или содержанностью.

Точно также, воля не есть тоже, что разумъ или мысль,—она только сопровождается извѣстнымъ понятіемъ, но ни въ коемъ случаѣ не есть само это понятіе. Воля пользуется мыслями и понятіями и даетъ имъ то направленіе, какое ей угодно. Понятіе о добрѣ не есть еще стремленіе выполнить его. Люди часто имѣютъ правильныя понятія и взгляды, но неспособны ихъ осуществить въ жизни. Яснѣе всего отношеніе воли къ чувству и разуму можно выяснитъ при анализѣ волевого процесса.

Волевой процессъ. Для того, чтобы яснѣе представить себѣ составныя части волевого процесса, возьмемъ слѣдующій примѣръ. Я сижу дома за работой, и вдругъ мнѣ предлагаютъ прогуляться. Мысль о прогулкѣ влечетъ за собою много другихъ представленій, съ ней связанныхъ: мысль объ отдыхѣ, о встрѣчѣ съ интересующимъ насъ человѣкомъ, о пользѣ прогулки для здоровья, о возможности понасть въ музей и получить эстетическое наслажденіе и др. Съ другой стороны, мысль остаться и продолжать свою работу вызываетъ, въ свою очередь, представленія о необходимости труда, объ умственномъ наслажденіи, о необходимости исполненія долга и т. п. Эти двѣ группы мыслей, дающихъ мнѣ представленія о будущихъ дѣйствіяхъ, я начинаю сравнивать, оцѣнивать ихъ относительное достоинство, судить о преимуществахъ одной изъ нихъ передъ другими и, наконецъ, я прихожу къ опредѣленному выводу, что въ данную минуту для меня полезнѣе прогулка, и я отправляюсь гулять. Представленія будущихъ дѣйствій, какъ причины, заставляющія насъ предпочитать одинъ поступокъ другому, называются *мотивами*. Но причиной волевого акта, того или иного рѣшенія, кро-

мѣ представленій конечныхъ цѣлей дѣйствій, т. е. кро-
мѣ мотивовъ, могутъ быть еще и нѣкоторыя чувства,
сопровождающія эти мотивы. Такого рода чувства, слу-
жащія вмѣстѣ съ мотивами причиной совершенія или
несовершенія извѣстнаго дѣйствія, психологи называютъ
влеченіями или *побужденіями*.

Такимъ образомъ, всякій волевой процессъ пред-
ставляетъ всегда 4 основныхъ момента:

- 1) Представленіе извѣстнаго дѣйствія.
- 2) Размышленіе или разсужденіе, т. е. разсмотрѣніе
мотивовъ за и противъ.
- 3) Рѣшеніе или выборъ.
- 4) Исполненіе или осуществленіе рѣшенія.

Основные моменты волевого акта. *Предста-
вленіе* дѣйствія является первымъ важнымъ моментомъ
волевого процесса, такъ какъ не имѣя представленія о
дѣйствіи, которое намъ предстоитъ выполнить, или о
противоположномъ ему фактѣ, мы не въ состояніи про-
являть свою волевою дѣятельность. Если я не буду
имѣть представленія прогулки и сопряженныхъ съ ней
удовольствій, т. е. мотивовъ и побужденій къ дѣйствию,
то я ни въ какомъ случаѣ не смогу вызвать въ себѣ
мыслительной работы для оцѣнки условій и обстоя-
тельствъ, составляющихъ предметъ моего обсужденія.

Обсужденіе. Я имѣю, съ одной стороны, представле-
нія о пользѣ и послѣдствіяхъ прогулки, а, съ другой
стороны, мысли и сужденія о необходимости продолже-
нія своей работы и исполненія долга, — я начинаю раз-
сматривать, взвѣшивать мотивы за и противъ прогулки,
— я колеблюсь, сомнѣваюсь, не зная, чему отдать пред-
почтеніе, пойти ли погулять ими остаться дома. При
этомъ продолжительность колебанія находится въ зави-

симости, какъ отъ нерѣшительности характера человѣка, такъ равно и отъ важности предпринимаемаго рѣшенія.

Рѣшеніе. Рѣшеніе представляетъ изъ себя самый главный моментъ волевого акта. Долго колеблясь между двумя противоположными мнѣніями, мы, наконецъ, выбираемъ изъ цѣлаго ряда мотивовъ одинъ мотивъ, по нашему мнѣнію, болѣе существенный, болѣе соотвѣтствующій общимъ условіямъ и удовлетворяющій главнымъ потребностямъ нашимъ. При этомъ, конечно, нашъ умъ не видитъ съ совершенной ясностью всѣхъ слѣдствій, какія можетъ имѣть для насъ предполагаемое дѣйствіе, составляющее продуктъ нашего рѣшенія. Рѣшая такъ или иначе, мы производимъ только нѣкоторое новое душевное состояніе; мысль наша становится актомъ, усиліемъ, и мы видимъ, что избираемое нами дѣйствіе есть то, на сторонѣ котораго наше усиліе. Такимъ образомъ, выборъ дѣйствія является самой существенной частью волевого акта.

Исполненіе. Для полноты волевого акта необходимо, чтобы мы не только принимали рѣшеніе, но и приложили усиліе для его выполненія. Исполненіе же само по себѣ зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не всегда могутъ быть устранены усиліями нашего ума. Дѣйствіе нашей воли въ окончательной формѣ выражается въ нашемъ рѣшеніи, но исполненіе его можетъ быть очень часто задержано или остановлено совершенно отъ насъ независящими условіями. Напр., моя парализованная рука можетъ отказаться отъ выполненія моего желанія, когда я рѣшилъ что нибудь написать, я не могу совершить предпринятую мною прогулку въ виду болѣзни ногъ. Вслѣдствіе этого не исполненіе дѣйствія, а его рѣшеніе считается самымъ су-

ществнннмъ актомъ сознанія. Если кто-либо рѣшилъ совершить убійство, но передъ исполненіемъ своего рѣшенія былъ кѣмъ-либо остановленъ или схваченъ съ вынутымъ револьверомъ, то такое лицо признается всѣми преступникомъ, отвѣтственнымъ за свои дѣйствія именно на томъ основаніи, что въ данномъ случаѣ рѣшеніе является результатомъ его сознательнаго волевого акта.

Рѣшеніе, не сопровождающееся исполненіемъ, называется обыкновенно *пальреніемъ*.

ГЛАВА XXVII.

Развитіе воли. Привычка.

Происхожденіе привычки. Свойства привычки. Значеніе привычки.

Происхожденіе привычки. Волевая дѣятельность человѣка, какъ и всѣ другія его психическія проявленія, постепенно совершенствуется и облегчается благодаря упражненію. Вслѣдствіе многократныхъ повтореній и однообразнаго примѣненія одного и того же дѣйствія, волевая дѣятельность настолько облегчается и упрощается, что мы уже, при появленіи какого-либо волевого акта, не замѣчаемъ, не устанавливаемъ отдѣльныхъ моментовъ и стадій этого акта. Прежде всего подобное упрощеніе волевыхъ актовъ вслѣдствіе постоянныхъ упражненій происходитъ въ области внѣшнихъ произвольныхъ движеній, которыя отъ частыхъ повтореній раньше другихъ теряютъ свой волевой характеръ и исполняются уже чисто механически. Такія движенія,

уже утратившія характеръ самопроизвольныхъ дѣйствій и совершающіяся чисто автоматически, называются *привычными*, а душевная способность, вырабатывающаяся вслѣдствіе частыхъ повтореній однихъ и тѣхъ же движеній, называется *привычкой*.

Затѣмъ привычка является самой обыкновенной формой человѣческой дѣятельности и въ высшихъ проявленіяхъ волевого акта. Большая часть нашихъ обыкновенныхъ поступковъ происходитъ вслѣдствіе привычки, какъ бы механически. Мы говоримъ, пишемъ, читаемъ, ходимъ, удовлетворяемъ всѣ наши обыкновенныя жизненные потребности безъ всякаго усилія, только въ силу привычки.

Свойства привычки. Такимъ образомъ привычка является формой автоматической, механической дѣятельности и порождаетъ дѣйствія, похожія на движенія рефлексивныя и инстинктивныя. Заключая свойства инстинкта, привычка, однако, отличается отъ послѣдняго происхожденіемъ. Инстинктъ есть свойство наследственное, передаваемое предками потомству и непосредственно проявляющееся во всякомъ живомъ существѣ. Привычка же, наоборотъ, есть свойство или способность пріобрѣтенія, являющаяся результатомъ произвольныхъ дѣйствій и непременно заключающая въ своемъ основаніи волевое усиліе; привычка вторая натура чловѣка.

Привычка, являясь продуктомъ часты повтореній и упражненія, создаетъ всегда извѣстную склонность выполнять движеніе при каждомъ возбужденіи и независимо отъ сильнаго желанія. Эта склонность, кромѣ психологической подкладки, заключающейся въ созданномъ привычкой стремленіи выполнять определенное дѣйствіе, имѣетъ еще фізіологическія основанія,

выражающіяся въ особенностяхъ участвующихъ въ движеніи нервныхъ строеній. Есть люди, которые обнаруживаютъ особенную склонность къ дѣятельности. Такое свойство ихъ природы объясняется не только выработавшейся у нихъ привычкой къ постоянному и систематическому труду, но и особыми органическими условиями. Особенная дѣятельность этихъ людей можетъ быть объяснена тѣмъ физиологическимъ фактомъ, что въ ихъ нервной системѣ накапливается такое большое количество нервной энергіи, что для ея постепеннаго расходованія требуется какая-либо постоянная, непрерывающаяся дѣятельность.

Значеніе привычки. Въ жизни человѣка привычка имѣетъ весьма важное значеніе. Прежде всего она облегчаетъ трудъ, который само по себѣ является весьма тяжелымъ. Если бы намъ приходилось всякій разъ разсуждать и если бы постоянно воля наша проходила всѣ стадіи своего развитія, то наша дѣятельность была бы очень ограничена. Кромѣ того привычка, упрощая выполненіе дѣйствія и выражая нашу склонность къ повторенію разъ совершеннаго поступка, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ намъ возможность быстро и ловко анализировать наши мысли и, вообще, изучать весь процессъ нашей познавательной работы, что, разумѣется, въ сильной степени развиваетъ наши умственные способности.

ГЛАВА XXVIII.

Развиваніе воли.

Развиваніе воли у ребенка. Роль наставника въ развиваніи воли. Волевое усиліе. Выработываніе характера. Нравственный характеръ.

Развиваніе воли у ребенка. Какъ мы уже видѣли, развитіе воли начинается въ самомъ раннемъ возрастѣ, уже со времени пріобрѣтенія ребенкомъ способности управлять органами движенія. Всякая практика, пріобрѣтаемая этими первоначальными движеніями, въ той или иной степени является результатомъ волевой способности. Пріобрѣтая постепенно способность управлять своими двигательными органами, ребенокъ начинаетъ переходить къ болѣе высшимъ степенямъ развитія воли, становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознательнымъ и стремится къ установленію опредѣленныхъ желаній и ихъ осуществленію.

Роль наставника въ развиваніи воли. Но такой переходъ къ болѣе сложнымъ и высшимъ волевымъ проявленіямъ замедляется подчиненіемъ ребенка болѣе низменнымъ побужденіямъ, которыя въ раннемъ возрастѣ дѣйствуютъ съ исключительной силой и готовы завладѣть всею его душевными проявленіями. При такомъ господствѣ низменныхъ, врожденныхъ побужденій, въ развитіи ребенка весьма важна роль наставника или руководителя, стремящагося сдерживать нежелательныя проявленія его души и направляющаго его развитіе въ хорошую сторону. Но при этомъ, роль воспитателя въ данномъ случаѣ должна быть строго опредѣлена. Воспитатель обязанъ только показывать

дѣтямъ, какъ надо дѣлать разныя вещи и производить различнаго рода движенія; при этомъ онъ долженъ давать дѣтямъ полную возможность самимъ открывать факты и истины, стараясь этимъ развить въ нихъ полную самодѣятельность.

„Помогая развитію воли въ раннемъ возрастѣ, воспитатель долженъ помнить, что дѣти по природѣ наклонны къ дѣятельности и что своими самостоятельными занятіями и играми они доказываютъ свою способность дѣлать настоящіе успѣхи безъ всякаго прямого контроля родителей или наставника. Маленькому ребенку должна быть съ самого начала предоставлена полная возможность свободно упражнять свои активные органы, съ присоединеніемъ лишь общаго надзора и немногихъ необходимыхъ ограниченій. Дѣтская и мѣсто для игръ на воздухѣ должны быть снабжены такими предметами, которые вызывали бы движенія, какъ рукъ, такъ и всего тѣла. Важная роль, которую играетъ подражаніе въ развитіи произвольныхъ движеній, указываетъ на выгоду товарищества въ такихъ раннихъ занятіяхъ. На ребенка дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, когда онъ видитъ, что другіе дѣлаютъ что-нибудь новое. Кромѣ того, во всѣхъ общихъ гармоническихъ движеніяхъ, каковы движенія многихъ общественныхъ игръ и упражненія дѣтскихъ садовъ, является новый пріятный стимулъ въ видѣ чувства симпатіи, взаимопомощи и гармоническаго приспособленія“.*).

Волевое усиліе. Съ постепеннымъ усиленіемъ умственнаго развитія и расширеніемъ кругозора путемъ

*) Селли—тамъ же, стр. 317.

пріобрѣтенія новыхъ свойствъ и привычекъ, у ребенка вырабатывается способность сдерживать и подавлять первыя и болѣе низменныя побужденія; онъ начинаетъ отказываться отъ удовольствія настоящей минуты для того, чтобы избѣжать болѣе крупной непріятности въ будущемъ или заслужить одобренія со стороны окружающихъ лицъ. Напр., желая пріобрѣсти прочную привязанность родителей или наставника, наслаждающійся своею лѣнью ребенокъ принимается за заданный ему урокъ; или жадный ребенокъ отказывается отъ удовольствія съѣсть лакомство сегодня ради удовольствія съѣсть его завтра.

Такіе случаи самообладанія или проявленія волевого усилія еще болѣе развиваются, когда ребенокъ становится способенъ сравнивать между собою свои различные интересы и различать ихъ относительную цѣнность. На этой ступени развитія онъ еще легче контролируетъ свои побужденія и направляетъ всю свою дѣятельность къ одной опредѣленной цѣли, именно къ достиженію личнаго благостоянія.

А затѣмъ уже у ребенка также постепенно начинаетъ вырабатываться готовность ставить свое собственное счастье ниже требованій другихъ лицъ, а послѣднее обстоятельство выражаетъ уже зачатки развитія социальныхъ чувствованій или нравственнаго чувства.

Вырабатываніе характера. Мы прослѣдили различныя стадіи постепеннаго развитія волевого усилія у ребенка и видѣли, что высшей, завершающей стадіей этого процесса является сознательное подчиненіе чувственныхъ побужденій мотивамъ и цѣлямъ исключительно разсудочнаго характера. Это подчиненіе низшихъ побужденій высшимъ цѣлямъ, требующее вначалѣ тя-

желаго усилія, задержки и колебанія, по законамъ привычки, становится все менѣе труднымъ и утомительнымъ. Такъ, всякій случай обузданія жадности представленіемъ и сужденіемъ объ ея дурныхъ послѣдствіяхъ постепенно устанавливаетъ и утверждаетъ дѣйствія чловѣка въ этомъ именно направленіи. Ребенокъ можетъ преодолѣть свою жадность изъ высшихъ мотивовъ, увѣрившись, что пища можетъ быть вредна для его здоровья и что, вообще быть жаднымъ дурно. Такимъ образомъ, волевое усиліе становится высокой нравственной силой и постепенно отвоевываетъ себѣ все больше и больше мѣста, какъ господствующая наклонность, встрѣчая все менѣе и менѣе сопротивленія. Результатомъ этого развитія является вполнѣ добродѣтельная, нравственная привычка, заключающая въ себѣ ясное стремленіе избирать различные виды разумной дѣятельности.

Нравственный характеръ. Такіе пріобрѣтенные результаты индивидуальнаго волевого усилія, такія нравственныя привычки, выражающіяся въ умѣннн подчинять низшія побужденія высшимъ цѣлямъ, — составляютъ особое душевное свойство, извѣстное подъ именемъ *нравственнаго характера*. Отличительная и самая главная черта этого душевнаго свойства заключается въ наклонности размышлять и обсуждать рѣшенія, когда происходитъ кажущееся столкновеніе различныхъ видовъ нравственнаго долга, и дѣйствовать сообразно съ требованіями этого долга.

ГЛАВА XXIX.

С в о б о д а в о л и .

Понятіе о свободѣ воли. Фатализмъ. Детерминизмъ. Теорія свободы воли. Современная постановка вопроса о свободѣ воли. Нравственная сторона вопроса о свободѣ воли.

Понятіе о свободѣ воли. Подъ свободой воли обыкновенно разумѣется свойство человѣка рѣшать и поступать по своему усмотрѣнію, отдавать предпочтеніе одному дѣйствию передъ другимъ на основаніи собственнаго выбора. Но является вопросъ, на чемъ основанъ свободный выборъ человѣка, на самомъ ли дѣлѣ онъ распоряжается своими поступками, руководствуясь только мотивами, подсказываемыми ему разумомъ, — или же его рѣшенія и поступки вовсе не зависятъ отъ него, а являются результатомъ или внѣшнихъ обстоятельствъ и условій или какихъ-либо внутреннихъ фізіологическихъ или психическихъ свойствъ.

Этотъ вопросъ является однимъ изъ трудныхъ и неподдающихся точному выясненію вопросовъ психологій и по настоящее время разными философами понимается различно. Мыслители, занимающіеся изслѣдованіемъ этого вопроса, приходятъ обыкновенно къ двумъ совершенно противоположнымъ выводамъ: одни изъ нихъ совершенно отрицаютъ существованіе свободной воли, а другіе, наоборотъ, доказываютъ, что воля свободна, что она сама есть причина своихъ дѣствий.

Обыкновенно различаютъ двѣ системы, отрицающія свободую волю: 1) *фатализмъ* и 2) *детерминизмъ*.

Фатализмъ. Это ученіе старое, сохранившееся до настоящаго времени только въ магометанской религіи.

Оно выражается въ томъ, что всѣ дѣйствія человѣческія напередъ опредѣлены Божественной волей, которой человѣкъ не въ состояніи сопротивляться. Эта высшая воля у древнихъ язычниковъ выражалась въ видѣ неизмѣнной судьбы — **фатумъ**, которою опредѣляется и устанавливается все въ мірѣ. Конечно, такое признаніе высшаго предопредѣленія влечетъ за собою полное подавленіе и отрицаніе всякаго свободнаго проявленія волевой дѣятельности.

Детерминизмъ. Гораздо большимъ значеніемъ въ наше время пользуется другая система, не признающая свободнаго проявленія человѣческой дѣятельности и обыкновенно извѣстная подъ именемъ *детерминизма*.

Детерминизмъ утверждаетъ, что всѣ наши волевые акты, всѣ наши дѣйствія опредѣляются предшествующими имъ обстоятельствами по законамъ физической причинности. Послѣдователи этой системы приводятъ слѣдующія доказательства въ подтвержденіе своихъ положеній:

1. Необходимость мотивовъ въ каждомъ волевомъ рѣшеніи является не подлежащей сомнѣнію. При чемъ, если человѣкъ, обсуждая положеніе вещей и колеблясь при принятіи рѣшенія, находится подъ вліяніемъ нѣсколькихъ мотивовъ, то несомнѣнно, что верхъ возьметъ самый сильный изъ нихъ. Душа, по выраженію детерминистовъ, походитъ на вѣсы, на обѣихъ чашкахъ которыхъ лежатъ тяжести; при этомъ всегда опускается та чашка, на которой гиря тяжелѣе. Отсюда волевой актъ долженъ быть такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ расположеній души и силы мотивовъ, какъ пониженіе одной чашки вѣсовъ есть слѣдствіе ихъ устройства и тяжести гири.

2. Мы, говорятъ детерминисты, считаемъ себя свободными только на томъ основаніи, что мы не чувствуемъ причинъ, которыя насъ заставляютъ дѣйствовать, слѣдовательно, сознание свободы воли надо признать только иллюзіей. „Если бы магнитная стрѣлка, направляемая къ сѣверу силой магнетизма, или флюгеръ, вращаемый вѣтромъ, сознавали свои движенія, не зная причины, ихъ вызвавшей, они навѣрно приписали бы инициативу этихъ движеній самимъ себѣ.“ Другой детерминистъ по тому же вопросу выражается такъ: „Если бы волчокъ, пущенный дѣтьми, имѣлъ сознание своего движенія, онъ подумалъ бы, что это движеніе зависитъ отъ его воли; таковъ же и человекъ въ его поступкахъ; онъ не знаетъ, чья рука даетъ направленіе его волѣ“.

Есть и такіе представители детерминизма, которые объясняютъ человѣческія дѣйствія вліяніемъ физическихъ условій: мѣстности, климата, звука, свѣта и др., а также условій социальныхъ, какъ-то: вліяніемъ расы, предковъ, образа жизни и общественныхъ отношеній. Воля, по мнѣнію этихъ мыслителей, есть слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ: она связана съ закономъ природы подобно тому, какъ планета связана съ кругомъ своего обращенія, какъ растеніе связано съ почвой, на которой оно произрастаетъ.

3. Детерминисты приводятъ для доказательства своего положенія еще и метафизическія основанія. Если существуетъ Богъ, говорятъ они, то онъ долженъ обладать абсолютнымъ предвѣдѣніемъ, т. е. напередъ долженъ видѣть все, что должно случиться. Онъ долженъ также знать, что будетъ завтра, что сдѣлаю я, что сдѣлають другіе люди. И разъ эти акты предусмотрѣны,

то они уже напередъ опредѣлены и установлены, а, стало быть, и несвободны.

Теорія свободы воли. Защитники свободы воли, извѣстные иногда подъ именемъ *индетерминистовъ*, приходятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, считая рѣшеніе вопроса и выборъ мотивовъ специальнымъ свойствомъ нашей души, вовсе не зависящимъ ни отъ какихъ внѣшнихъ условій и побужденій. Критикуя положенія детерминистовъ, представители этой теоріи устанавливаютъ слѣдующую точку зрѣнія на счетъ даннаго вопроса:

1. Прежде всего возражая противъ сравненія души съ вѣсами, приводимаго детерминистами для доказательства своего положенія, защитники свободы воли находятъ, что сила мотивовъ бываетъ различна для отдѣльныхъ людей и, даже, для одного и того же человѣка въ разное время; слѣдовательно, мотивы не суть тяжести, имѣющія опредѣленный вѣсъ и дѣйствующія всегда опредѣленно и одинаково, какимъ бы образомъ мы ни ставили ихъ на вѣсы. Мотивы, вліяющіе на рѣшеніе нашей воли, не имѣютъ абсолютнаго значенія; сами по себѣ они не опредѣляютъ нашихъ дѣйствій и становятся таковыми только въ силу воли. Самымъ сильнымъ является тотъ мотивъ, въ силу котораго мы ставимъ свое рѣшеніе, но толако въ данномъ случаѣ. Будетъ ли этотъ мотивъ самымъ сильнымъ и въ другомъ случаѣ, мы этого сказать не можемъ. И такъ вопросъ о рѣшающемъ значеніи мотивовъ для нашихъ поступковъ защитниками свободной воли признается приводящимъ къ отрицательному выводу.

2. Противъ положенія детерминистовъ, утверждающихъ, что мы не сознаемъ причинъ, которыя заста-

вляють насъ дѣйствовать, — сторонники свободной воли выставляютъ тѣ соображенія, что нельзя смѣшивать желанія, приписываемаго детерминистами волчку или флюгеру, съ волей, и выполнения дѣйствія съ рѣшеніемъ, ему предшествующимъ. Въ приведенныхъ выше доказательствахъ отрицанія свободы воли высказывается предположеніе желанія у флюгера, а волчку приписывается движеніе; на самомъ же дѣлѣ все это возможно лишь при предварительно обдуманномъ рѣшеніи, которое, какъ намъ извѣстно, всегда служитъ главнымъ моментомъ волевого акта.

3. Противъ метафизическаго доказательства, приводимаго детерминистами, представители теоріи свободной воли выражаются въ томъ смыслѣ, что предвѣдѣніе Божье есть непостижимая тайна, изъ которой нельзя извлечь никакого важнаго аргумента въ виду того, что мы не можемъ ясно себѣ представить, о чемъ въ ней идетъ рѣчь. Приводить такой аргументъ противъ свободы воли похоже на то, какъ если бы заставили предстать передъ судомъ, понимающимъ только пофранцузски, свидѣтелей, которые говорятъ лишь по-китайски: въ такомъ случаѣ ихъ свидѣтельство не могло бы имѣть силы. *)

Кромѣ того защитники свободы воли приводятъ еще доказательства чисто моральнаго свойства. Если, говорятъ они, свободы не существуетъ, то всѣ нравственныя понятія обязанности, долга, отвѣтственности неизбежно должны исчезнуть, такъ какъ смыслъ ихъ существованія совершенно уничтожается. Законы нравственности окажутся полной бессмыслицей, если отъ

*) Фонсегривъ—Психологія стр. 140.

меня не зависит повиноваться имъ. Отвѣтственность безъ свободы призракъ, химера. Отрицая свободу, продолжаютъ тѣ же мыслители, мы отрицаемъ существованіе людей злыхъ и добрыхъ, порочныхъ и добродѣтельныхъ. А такъ какъ такіе общіе нравственные законы и понятія упразднить нельзя, то свобода воли должна быть признана безусловно.

Современная постановка вопроса о свободѣ воли. Ни одна изъ выше разсмотрѣнныхъ теорій не даетъ намъ яснаго представленія и точнаго рѣшенія вопроса о свободѣ воли. Какія бы вѣскія доказательства ни приводили представители той или другой теоріи, всетаки вопросъ этотъ остается неяснымъ. А происходитъ это отъ того, что вопросъ о свободѣ воли самъ по себѣ вопросъ метафизическій, рѣшеніе котораго, главнымъ образомъ, зависитъ, отъ признанія какихъ-то скрытыхъ, для насъ неизвѣстныхъ и непостижимыхъ причинъ, управляющихъ нашими душевными проявленіями. Изученіе и выясненіе этихъ причинъ приводитъ насъ, въ концѣ концовъ, къ необходимости признанія единой основной субстанціи, какъ первопричины всѣхъ произвольныхъ волевыхъ проявленій.

Считая такую постановку вопроса выходящей изъ области экспериментальной психологіи, мы должны на основаніи данныхъ непосредственнаго опыта и наблюденій установить такую точку зрѣнія на счетъ даннаго вопроса, которая болѣе приближалась бы къ дѣйствительности. Итакъ, совсѣмъ не рѣшая вопроса о свободѣ воли въ его метафизическомъ смыслѣ, мы стараемся указать на тѣ стороны этого вопроса, которыя представляютъ интересъ въ научномъ, чисто психологическомъ отношеніи.

Всѣ данныя, вытекающія изъ наблюденій надъ явленіями повседневной жизни даютъ намъ полное основаніе сдѣлать заключеніе, что воля никогда не дѣйствуетъ безъ мотивовъ, безъ причинъ, вытекающихъ изъ окружающихъ условій, съ которыми намъ приходится постоянно считаться. При чемъ свободнымъ мы считаемъ тотъ поступокъ, который всесторонне обдуманъ, всѣ мотивы за и противъ котораго взвѣшены. Въ этомъ смыслѣ сознаніе свободы совпадаетъ съ сознаніемъ и полнымъ пониманіемъ мотивовъ, въ силу которыхъ мы и принимаемъ то или другое рѣшеніе. Такимъ образомъ, всякій свободный волевой актъ находится въ непосредственной зависимости отъ заранѣе обдуманныхъ и взвѣшенныхъ мотивовъ, какъ отъ главныхъ причинъ, безъ которыхъ воля совершенно немыслима. Эта непосредственная зависимость человѣческихъ дѣйствій отъ мотивовъ и условій отличается нѣкоторымъ постоянствомъ, извѣстной закономѣрностью. Однѣ и тѣже причины болѣе или менѣе постоянно бываютъ связаны съ одними и тѣми же дѣйствіями.

Слѣдовательно, абсолютная, совершенно свободная, независимая воля немыслима и невозможна. Мыслима только воля относительно свободная, выражающаяся въ свободномъ обсужденіи мотивовъ и обстоятельствъ и сознаніи свободного выбора и слѣдованія тому или иному мотиву.

Нравственная сторона вопроса о свободѣ воли. При всемъ своемъ постоянствѣ и закономѣрности, свобода воли не можетъ всетаки считаться такимъ душевнымъ свойствомъ, которое бы было присуще въ одинаковой степени людямъ всякаго возраста, положенія и понятій. Прежде всего дѣти до извѣстной сте-

пени умственного развитія не обладают этой способностью. Да и взрослые люди далеко не въ одинаковой степени проявляют свободу воли, какъ возможность дѣйствовать, подчиняясь разсудку. Только тотъ (человѣкъ) можетъ считаться вполнѣ свободнымъ, кто способенъ освободиться отъ вліяній инстинкта, влеченій, чувствъ и капризовъ, чтобы стать хозяиномъ и свободнымъ распорядителемъ своихъ дѣйствій, которыя должны являться результатомъ постоянного присутствія разума.

Вопросъ о свободномъ проявленіи человѣческой дѣятельности непосредственно связанъ съ вопросомъ объ отвѣтственности человѣка за свои дѣйствія. Можетъ ли человѣкъ быть вполнѣ отвѣтственъ за свои поступки? Отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть данъ ясный и опредѣленный: человѣкъ можетъ быть отвѣтственъ за свои дѣянія только въ томъ случаѣ, если онъ въ нихъ совершенно свободенъ. Дѣйствія, составляющія результатъ свободного проявленія воли, могутъ сдѣлать человѣка отвѣтственнымъ за ихъ послѣдствія. Но такъ какъ не всякіе человѣческіе поступки являются продуктомъ свободного и разумнаго рѣшенія, то и отвѣтственность не всегда можетъ слѣдовать за этими поступками. Только тотъ можетъ быть вполнѣ отвѣтственъ за свои дѣйствія, кто дѣйствуетъ съ сознаниемъ свободы въ своихъ рѣшеніяхъ, и только за тѣ дѣйствія, которыя являются продуктомъ свободного рѣшенія.

Вообще, для рѣшенія вопроса объ отвѣтственности человѣка за свои дѣянія, слѣдуетъ принять во вниманіе какъ общія жизненныя условія, въ которыхъ ему приходится вращаться, такъ равно и фізіологическія его особенности, а, гравнымъ образомъ, должно быть тща-

тельно разсмотрѣно и оцѣнено общее состояніе его душевной жизни.

ГЛАВА XXX.

Л и ч н о с т ь .

Условія развитія личности. Разнообразіе индивидуальных способностей. Различія природныхъ свойствъ. Разнообразіе внѣшнихъ вліяній. Самопознаніе. Физическое самопознаніе: воспріятіе собственнаго тѣла. Духовное самопознаніе. Идея о своемъ „я“.

Условія развитія личности. Условія, содѣйствующія развитію личности подраздѣляются на два разряда: 1) условія самой развивающейся души, или *внутренній факторъ* и 2) обстоятельства, необходимыя для ея развитія или *внѣшній факторъ*.

1) Внутренній факторъ заключаетъ въ себѣ основныя способности души, какъ-то: виды чувствительности къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ, высшія интеллектуальныя способности, чувствованія, стремленіе къ дѣятельности и наклонность къ развитію.

2) *Внѣшній факторъ* заключается, съ одной стороны, въ физическихъ условіяхъ, въ естественной средѣ, а, съ другой стороны, въ соціальной обстановкѣ, въ условіяхъ общественныхъ.

Что касается необходимости и значенія физической обстановки въ индивидуальномъ развитіи, то этотъ вопросъ долженъ быть ясенъ изъ всего предыдущаго изложенія, такъ какъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ душевныхъ явленій мы всегда указывали на весь

ма важную роль окружающих насъ природныхъ условій.

Мы также старались выяснять и значеніе общественныхъ условій въ развитіи личности, въ особенности, когда выясняли различные виды социальныхъ чувствованій: симпатіи, подражанія и признанія авторитета, проявленія каковыхъ чувствованій совершенно немислимы внѣ общества.

Такое же значеніе общественная обстановка имѣеть, какъ въ умственномъ развитіи, такъ и въ волевыхъ проявленіяхъ. Соприкосновеніе съ другими людьми, подчиненіе ихъ вліянію и авторитету, взаимодействіе личнаго развитія съ развитіемъ общественнымъ, т. е. съ познаніями, накопленными обществомъ и выраженными въ рѣчи и въ книгахъ, — составляютъ такія условія, безъ которыхъ совершенно немислимо нормальное интеллектуальное развитіе. Точно также и воля развивается подъ вліяніемъ воздѣйствія окружающихъ условій, въ видѣ привлекательности примѣра и стремленія къ подражанію, или подъ вліяніемъ силы убѣжденій, чужихъ совѣтовъ и наставленій.

Разнообразіе индивидуальных способностей.

Несмотря на видимое однообразіе только что указанныхъ общихъ основныхъ факторовъ, развитіе личности отличается безконечнымъ разнообразіемъ и сложными проявленіями. Нельзя указать двухъ случаевъ, въ которыхъ теченіе душевнаго развитія могло быть совершенно одинаковымъ. Это обстоятельство объясняется двоякого рода причинами: 1) различіемъ и неодинаковостью природныхъ свойствъ человѣка и 2) неодинаковостью внѣшнихъ условій, естественныхъ и социальныхъ.

Различія природныхъ свойствъ. Каждый интеллигентный родитель, внимательно слѣдящій за своими дѣтьми съ самыхъ раннихъ ступеней ихъ умственнаго развитія, можетъ легко замѣтить, какая громадная разница существуетъ въ душевныхъ проявленіяхъ тѣхъ или иныхъ дѣтей. Эта неодинаковая степень способностей, проявляемая дѣтьми въ самомъ раннемъ возрастѣ, помимо вліянія окружающей обстановки, представляетъ результатъ неоднородности природныхъ, врожденныхъ свойствъ, которыми надѣленъ отъ природы каждый ребенокъ. Но эти врожденные душевныя свойства, играющія такую важную роль въ жизни человека, не составляютъ чего-либо абсолютнаго, какого либо постояннаго бытія или субстанціи, внушенной намъ при рожденіи. Это, по мнѣнію лучшихъ представителей современной науки, скорѣе и болѣе всего есть проявленіе закона наслѣдственности, который, какъ извѣстно, выражается въ томъ, что всякія свойства, какъ физическія, такъ и душевныя, передаются отъ родителей къ дѣтямъ.

При этомъ, принципъ наслѣдственности не ограничивается только передачей свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ, но примѣняется въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ. Подъ наслѣдственностью обыкновенно разумѣется та сумма передающихся отъ поколѣнія къ поколѣнію общихъ свойствъ и особенностей, которыя въ общей совокупности составляютъ отличительныя черты отдѣльныхъ племенъ и народностей. Благодаря возможности естественнаго усвоенія такихъ общихъ отличительныхъ свойствъ, цивилизованные народы одарены въ большей степени высшими интеллектуальными и нрав-

ственными способностями, чѣмъ потомки племеньъ культурныхъ.

На основаніи такого широкаго примѣненія принципа наслѣдственности является возможнымъ объясненіе часто встрѣчаемыхъ поразительныхъ противоположностей въ характерѣ и наклонностяхъ дѣтей одной и той же семьи. Такія противоположности объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ ребенокъ унаслѣдовалъ свойства и наклонности отъ одного предка, а другія дѣти — отъ другихъ своихъ предковъ.

„Но, въ большинствѣ случаевъ, этого нельзя утверждать съ полной достовѣрностью. Въ настоящей стадіи нашихъ познаній объ этомъ предметѣ, наслѣдственность даетъ объясненіе для сравнительно небольшого числа изъ множества особенностей, составляющихъ естественный базисъ индивидуальнаго характера. Рядомъ съ наслѣдственностью мы должны признать другое стремленіе, именно — *стремленіе къ индивидуальнымъ измѣненіямъ.**)

Разнообразіе внѣшнихъ вліяній. Кроме различій врожденныхъ индивидуальныхъ свойствъ характера, неодинаковость душевныхъ способностей у людей проистекаетъ въ значительной степени также и отъ разнообразія внѣшнихъ, физическихъ и соціальныхъ условій.

Въ жизни никогда не бываетъ случая, чтобы дѣти одной и той же семьи, даже близнецы, могли расти и развиваться при совершенно и безусловно одинаковыхъ условіяхъ. Когда въ житейскомъ смыслѣ говорятъ объ одинаковыхъ условіяхъ воспитанія, то имѣютъ въ виду

*) Селли—тамъ же, стр. 53.

только внѣшнюю обстановку и общіе окружающіе предметы. На самомъ же дѣлѣ, даже одна семья представляетъ массу разнообразныхъ условій. Прежде всего, мать, кормящая дѣтей собственной грудью, не можетъ обращаться со всѣми дѣтьми одинаково и питать къ нимъ совершенно одинаковыя чувства. Что же касается другихъ членовъ семьи, то ихъ отношеніе къ дѣтямъ и подавно не можетъ быть одинаковымъ. Съ постепеннымъ развитіемъ ребенка, различіе внѣшнихъ вліяній обнаруживается все яснѣе и сильнѣе. А съ поступленіемъ въ школу, сталкивающимъ ребенка съ новымъ кругомъ лицъ, товарищей и наставниковъ, въ умственномъ развитіи дѣтей наступаетъ новый періодъ, обуславливаемый еще большимъ разнообразіемъ окружающихъ условій.

Но при этомъ, невозможно съ точностью установить, что въ большей степени вліяетъ на выработку различій въ характерѣ и душевныхъ свойствахъ человека, различія ли природныхъ, врожденныхъ способностей, или разнообразіе окружающихъ условій. Единственное, что можно указать въ этомъ отношеніи, это именно то, что внѣшняя обстановка не создаетъ ничего такого, чего бы не было въ самомъ раннемъ возрастѣ, т. е. она не вырабатываетъ никакого новаго основнаго душевнаго свойства, а служитъ только для того, чтобы пробудить и усилить скрытые зародыши способностей и дать имъ сообразное съ жизненными потребностями направление.

Самопознаніе. Мы разсмотрѣли всѣ основныя условія, содѣйствующія умственному развитію человека и установленію его взглядовъ и понятій. Но несмотря даже на всѣ благопріятныя условія, индивидуальное раз-

витіе личности происходитъ медленно, постепенно переходя отъ одного умственнаго приобрѣтенія къ другому, болѣе трудному и сложному приобрѣтенію.

Физическое самопознаніе: воспріятіе собственнаго тѣла. Стараясь знакомиться со всѣми внѣшними предметами, ребенокъ постепенно научается отличать различныя части своего тѣла отъ другихъ вещей. Въ этомъ отношеніи большую услугу оказываютъ ему впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ отъ своего тѣла черезъ посредство своихъ внѣшнихъ чувствъ, главнымъ образомъ, зрѣнія и осязанія. Грудной ребенокъ, постоянно ощупывая руками свои ноги и другія части поверхности своего тѣла, постепенно знакомится съ положеніемъ, формой и величиной отдѣльныхъ его частей. Съ другой стороны, воспринимая зрѣніемъ свою руку и какой-либо внѣшний предметъ, ребенокъ путемъ прикосновенія, т. е. посредствомъ осязанія и надавливанія начинаетъ улавливать разницу между этими двумя видимыми предметами, выражающуюся въ томъ именно, что рука въ отличіе отъ внѣшняго предмета даетъ ему два впечатлѣнія-зрительное и осязательное. Такимъ образомъ, устанавливая постепенно разницу между своимъ тѣломъ и внѣшнимъ міромъ, ребенокъ начинаетъ уже опредѣлять положеніе и разстояніе предметовъ, считая свое тѣло исходной точкой, центромъ, отъ котораго онъ начинаетъ свои пространственныя опредѣленія. „Для ребенка его тѣлесный организмъ отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ тѣмъ фактомъ, что особеннымъ образомъ связанъ съ его сознательною жизнью, въ особенности съ его чувствами удовольствія и страданія. То ощущение, которое онъ испытываетъ, надавливая рукою свою ногу, отличается отъ ощущенія его давленія на постороннее

тѣло, тѣмъ болѣе, что въ первомъ случаѣ онъ испытываетъ ощущеніе не только въ ногѣ, но и въ рукѣ. Поврежденія различныхъ частей поверхности тѣла и прикосновеніе къ нимъ пріятныхъ стимуловъ, каково нѣжное поглаживаніе рукой — познаются ребенкомъ, какъ причины ощущеній удовольствія или страданія. Такимъ образомъ, онъ начинаетъ смотрѣть на свое тѣло, какъ на нѣчто такое, что заставляеть его страдать и наслаждается. Въ тоже время онъ узнаеть, что движенія его тѣла находятся подъ непосредственнымъ котролемъ его желаній, что члены его суть орудія, посредствомъ которыхъ онъ воздѣйствуетъ на окружающій міръ, измѣняя положеніе предметовъ и т. п. Поэтому онъ смотритъ на свое тѣло, какъ на часть самого себя, и въ раннемъ возрастѣ собственное тѣло составляетъ для него, по всей вѣроятности, главную часть значенія слова „я“. Онъ противопоставляетъ его всѣмъ другимъ постороннимъ предметамъ, противопоставляетъ также, (хотя нѣсколько другимъ, особеннымъ образомъ), и всѣмъ человѣческимъ организмамъ, которые его окружають.*)

Духовное самопознаніе: идея о своемъ „я“. Начавши съ воспріятія своего собственного организма, какъ предмета, въ которомъ олъ локализуетъ (т. е. помѣщаетъ) свои чувствованія, наслажденія и страданія, ребенокъ, съ теченіемъ времени, при большемъ развитіи умственныхъ способностей, начинаетъ группировать и обобщать разныя, часто повторяющіяся явленія и постепенно приходитъ къ познанію своего внутренняго міра и собственной души.

Проявленіе такого сознанія внутренняго міра требу-

*) Селли—тамъ же, стр. 102.

еть отъ ребенка извѣстной степени волевого усилія и активнаго отвлеченія души отъ внѣшнихъ предметовъ, которое наступаетъ позднѣе и сопровождается сильнымъ сосредоточеніемъ вниманія на фактахъ внутренней жизни.

Въ этомъ случаѣ обращенію вниманія на себя очень много содѣйствуютъ похвалы, одобренія или порицанія, получаемыя ребенкомъ. Когда ребенокъ разсматриваетъ свои поступки, какъ хорошіе или дурные, т. е. заслуживающіе похвалы или порицанія, онъ этимъ самымъ подымается до полнаго сознанія своего личнаго существованія. Постепенная замѣна собственнаго имени мѣстоименіями: „я“, „мнѣ“, „мое“, замѣчаемая на третьемъ году, является результатомъ болѣе сознательнаго отношенія къ внутреннимъ чувствамъ и болѣе яснаго представленія идеи своего „я“, какъ разумнаго существа.

„Дальнѣйшій процессъ абстракціи выражается переходомъ къ идеѣ постоянного „я“, то какъ пріемника впечатлѣній извнѣ, то какъ предмета чувствованій, наслажденія и страданія, надеждъ и страховъ, то какъ причины дѣйствій, направляющихся изнутри наружу. Образъ постоянного и всегда присутствующаго предмета, тѣлеснаго „я“, несомнѣнно, вноситъ важный элементъ въ эту идею. Но онъ даетъ только болѣе конкретную или образную часть представленія. Увѣренность въ существованіи неизмѣннаго душевнаго „я“, одного и того же во всѣхъ перемѣнахъ чувствованій, обуславливается извѣстнымъ развитіемъ памяти ребенка и его способности реализовать ту мысль, что онъ имѣетъ прошедшее и непрерывную исторію.

Высшій результатъ такого процесса абстрактнаго размышленія есть знаніе своего „я“, какъ существа, обладающаго опредѣленными способностями, интеллек-

туальными и моральными. Такая абстрактная идея своего „я“ предполагает большой опытъ въ сравніваніи душевныхъ состояній, чувствъ, поступковъ и т. д. Такъ, ребенокъ создаетъ идею своего „я“, какъ существа, подверженнаго страданію, способнаго понимать, повинаться и т. п., сопоставляя разные случаи своего прошлаго опыта и отыскивая ихъ общія черты“. (Селли—тамъ же, стр. 180).

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	I—VIII
Списокъ пособій	IX—XII
Глава I. Объемъ и методы психологіи.	ст. 1
„ II. Душа и тѣло	ст. 12
„ III. Функціи нервной системы	ст. 19
„ IV. Функціи центральной нервн. системы	ст. 20
„ V. Сознаніе	„ 26
„ VI. Вниманіе	„ 30
„ VII. Дѣленіе душевныхъ способностей.	„ 34

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Психологія познанія.

Глава VIII. Ощущенія	ст. 36
„ IX. Ощущенія отдѣльныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ	„ 40
„ X. Качество и интенсивность ощу- щеній	ст. 45
„ XI. Воспріятія	„ 50
„ XII. Сохраненіе и воспроизведеніе впе- чатлннй	„ 55
„ XIII. Ассоціація идей	„ 59

Глава	XIV.	Память	”	62
”	XV.	Воображеніе	”	72
”	XVI.	Мышленіе	”	77

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Психологія чувствованія.

Глава	XVII.	О чувствованіяхъ вообще	”	85
”	XVIII.	Классификація чувствованій	”	91
”	XIX.	Высшія или идейныя чувствованія	”	94
”	XX.	Соціальныя чувствованія	”	101
”	XXI.	Высшія отвлеченныя чувствованія	”	106
”	XXII.	Чувствованія нравственныя	”	112
”	XXIII.	Другія комбинаціи чувствованій.	”	118

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Психологія воли.

Глава	XXIV.	Физическая дѣятельность	ст.	123
”	XXV.	Произвольныя движенія	”	129
”	XXVI.	Сложный волевой актъ	”	133
”	XXVII.	Развитіе воли. Привычка	”	138
”	XXVIII.	Развиваніе воли	”	141
”	XXIX.	Свобода воли	”	145
”	XXX.	Личность	”	153

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	2 сверху	psyhe	psyche
16	7 снизу	въ нижней	въ внутренней
—	10 „	верхній	наружный
21	7 „	чувствительныхъ	чувствительныхъ или центро-
—	9 „	двигательныхъ	ростремительныхъ или центро-
30	2 сверху	повятіе	понятіе
41	7 снизу	обонянiя	осязанiя
44	1 сверху	составляютъ	составляетъ
46	14 сверху	раздраженіе	раздраженіе
48	1 „	въ послѣднемъ	въ послѣднемъ
61	1 „	принципъ смежности	принципъ сходства
63	11 „	число фязіологической	число фязіологической
64	2 снизу	чущая	лучшая
65	9 сверху	различно	различно
70	1 снизу	памяти	памяти
83	17 сверху	забужденіемъ	заблужденіемъ
89	7 „	напряженности	напряженности
95	7 „	народно	нарочно
96	5 снизу	кода	когда
99	11 „	эмомм	этомъ
105	6 сверху	самами	самыми
107	5 снизу	удовольствiя	удовольствiя
120	2 сверху	восторъ	восторгъ
128	5 снизу	ивогли	ивогли
139	7 снизу	часты	частыхъ

НБ ПНУС

7370